Оглавленіе

Глава I 5
Глава II 11
Глава III 19
Глава IV 27
Глава V 35
Глава VI 43
Глава VII 49
Глава VIII 57
Глава IX 63
Глава X 71
Глава XI 79
Глава XII 87
Глава XIII 95
Глава XIV 103
Глава XV 111
Глава XVI 119
Глава XVII 127
Глава XVIII 135
Глава XIX 143
Глава XX 151
Глава XXI 159
Глава XXII 165
Глава XXIII 171
Глава XXIV 179
Глава XXV 187
Глава XXVI 195
Глава XXVII 203
Глава XXVIII 211
Глава XXIX. 219
Глава XXX 225
Глава XXXI 233
Глава XXXII 241
Глава XXXIII 249

Глава XXXIV 257
Глава XXXV 265
Глава XXXVI 273
Глава XXXVII 281
Глава XXXVIII 289
Глава XXXIX 297
Глава XL 305
Глава XLI 313

Глава I.

Въ сумерки зимняго дня, по плохо освѣщенной улицѣ, одной изъ тѣхъ, которыя путаются позади Николаевскаго вокзала, шли двое молодыхъ людей. Старшій изъ нихъ, съ поднятымъ воротникомъ пальто и нахлобученною шапкой, поминутно пріостанавливался, озирался, и въ маленькихъ юркихъ глазахъ его выражалось что-то безпокойно-нервное, какъ-будто онъ боялся, чтобы не призналъ его въ темнотѣ любопытный взглядъ и не подслушало любопытное ухо разговора, который онъ велъ со своимъ спутникомъ. Послѣдній, лѣтъ двадцати, съ нѣжнымъ и какъ бы еще отроческимъ оваломъ лица, съ блестѣвшими изъ подъ шапки курчавыми прядями бѣлокурыхъ волосъ, съ большими задумчивыми глазами, шагалъ неторопливою, спокойною походкой, какою идетъ человѣкъ, слишкомъ занятый своими мыслями или своимъ внутреннимъ волненіемъ, чтобъ обращать вниманіе на окружающее. Одинъ небольшой сакъ былъ у него надѣтъ на ремнѣ черезъ плечо, а другой, побольше, онъ несъ въ рукѣ.

— Ну, какъ бы то ни было, а только надо... понятно, что непремѣнно надо вамъ ѣхать, говорилъ прятавшійся въ воротникъ и подъ шапку, и въ которомъ читатели быть можетъ уже угадали Михаила Ивановича Извоева.

— Знаю! коротко отвѣтилъ младшій, и въ голосѣ его прозвучала нетерпѣливая, капризная нотка.

— Необходимо, во-первыхъ, для самаго дѣла, а во-вторыхъ потому, что теперь тутъ какъ разъ подъ сюркупъ попадешь... собаками травить начнутъ... продолжалъ первый. —Ужъ я ихъ знаю, они послѣ «приключенія» сейчасъ всѣ на ноги подымаются.

— Хорошо очень «приключеніе»! возразилъ младшій.

— Ну, сорвалось, согласился первый, — вы думаете, легко тоже подъ землею работать? И не одинъ еще разъ можетъ быть сорвется, на то идемъ. А главное, васъ тутъ на это время спрятать нельзя. Обыски идутъ по всѣмъ угламъ и щелямъ. Еще если бы вы заѣзжій были, изъ какой-нибудь глуши, а то вѣдь вы тутъ толкались вездѣ, когда еще въ легальныхъ состояли. Да пожалуй и отецъ слѣдитъ, а?

Что-то тоскливое пробѣжало при этомъ вопросѣ по лицу молодаго человѣка и залегло въ быстро потемнѣвшихъ глазахъ.

— Откуда я могу знать? отозвался онъ почти грубо, и прибавилъ шагу.

Извоевъ потянулъ его за рукавъ.

— Не торопитесь, намъ надо къ самому звонку, а то еще присматриваться станутъ, сказалъ онъ. — Эхъ, мѣста-то мнѣ знакомыя, куда вы ѣдете, продолжалъ онъ. — Кабы не боялся, что всякая собака меня тамъ признаетъ, самъ бы поѣхалъ. Я вѣдь первый тамъ дорожку протаптывалъ. Теперь ужь куда легче! На заводѣ вы настоящихъ людей найдете. Ѳедя, напримѣръ — двужильная натура. Глупъ, но ужь не попятится... самый настоящій бунтарь, и съ выдержкой. Это вамъ будетъ хорошая школа. Вамъ вѣдь еще показать себя надо, а то васъ молокососомъ считаютъ.

«Молокососъ» на это презрительно усмѣхнулся.

— Очень мнѣ нужно, какъ меня считаютъ! возразилъ онъ. — И пожалуйста, оставьте это все, я не понимаю къ чему вы говорите, продолжалъ онъ съ прежнею, еще рѣзче зазвучавшею, капризною ноткой. — Я вамъ сказалъ, что у меня свои, личныя причины, и какъ вы не хотите понять? Я ушелъ къ вамъ не для васъ и не для вашего «дѣла», а оттого, что мнѣ надо было уйти, и некуда больше уйти. И если я теперь ѣду и буду дѣлать все, что мнѣ велятъ — хоть бы это было убить кого-нибудь...

— Тс! въ ужасѣ прервалъ его Извоевъ, озираясь въ темнотѣ. — Перестаньте наконецъ болтать, чортъ васъ

возьми совсѣмъ! вѣдь вы не замѣчаете, что кричать стали...

Они проходили мимо освѣщенныхъ оконъ какой-то портерной. Извоевъ вынулъ изъ кармана серебряные часы и взглянулъ. До отхода поѣзда оставалось еще минутъ двадцать пять.

— Зайдемъ по кружкѣ пива выпить, предложилъ онъ.

Въ портерной никого не было. Молодые люди усѣлись въ углу.

— Для васъ же хуже, если вы хотите такъ относиться... заговорилъ опять Извоевъ. — Впрочемъ, это вамъ такъ кажется, изъ упрямства какого-то. Въ сущности, никакихъ личныхъ причинъ не бываетъ, онѣ всегда связаны съ общественнымъ зломъ, и кто вступаетъ въ борьбу съ обществомъ за себя, тотъ вступаетъ за всѣхъ. Всякое личное зло вытекаетъ изъ существующаго порядка, и когда этотъ порядокъ наконецъ рухнетъ, тогда каждый будетъ счастливъ, потому что каждый будетъ свободенъ.

Юноша ничего не отвѣтилъ, и нагнувшись надъ кружкой, съ жадностью пилъ холодное пиво. Теперь, безъ шапки, нѣжное, почти отроческое лицо его казалось еще нѣжнѣе и красивѣе. Извоевъ съ минуту внимательно глядѣлъ въ это лицо, и въ глазахъ его выразилось что-то похожее на участіе.

— Вы мнѣ никогда не говорили о своей личной жизни; вы ужасно скрытны, сказалъ онъ. — Я слышалъ, вашъ отецъ очень важный человѣкъ; у васъ родня тутъ? Я знаю, что вы у насъ носите вымышленное имя. Оно даже очень идетъ къ вамъ... Женя Козырь... что-то барчуковское, пожалуй женственное, и вмѣстѣ указываетъ на фатовство. Вѣдь вы по природѣ фатъ, это меня сразу поразило. Козыряете, любезный.

Молодой человѣкъ только вскинулъ глазами. Губы его опять презрительно дрогнули.

— Отстаньте пожалуйста, сказалъ онъ почти брезгливо.

— Ну да, самолюбіе самое барчуковское, объяснилъ Извоевъ.

— При чемъ тутъ самолюбіе? Вы цѣлый часъ глупости толкуете, мнѣ наконецъ надоѣло...

— Почему же глупости? какъ бы обидѣлся Извоевъ.

— Еще бы не глупости! Вы человѣка съ его личною жизнью отрицаете, и даже не понимаете, какую жалкую, рабскую роль себѣ навязываете... возразилъ съ капризнымъ оживленіемъ тотъ, кого называли Женей. — Общество, общественное зло, существующій порядокъ... Разумѣется, началось съ того, что я привыкъ ненавидѣть это общество, этотъ порядокъ, но только я вамъ скажу, что если будетъ какой-нибудь другой, *вашъ* порядокъ, и *ваши* люди наверху, я ихъ еще больше буду ненавидѣть и презирать, въ тысячу разъ больше! Для меня вашъ порядокъ только и имѣетъ ту цѣну, что при немъ можно будетъ каждому въ горло вцѣпиться. Я теперь съ вами, потому что вмѣстѣ съ вами всѣхъ ненавижу, потому что вы — зло, и съ вами можно дѣлать зло... Да нѣтъ, даже и не потому, а просто некуда дѣваться. Надо уйти отъ самого себя — вы способны понять это?

Его тонкая, до прозрачности нѣжная кожа покрылась слабымъ румянцемъ. Извоевъ все съ большимъ любопытствомъ и участіемъ слушалъ и смотрѣлъ на него.

— Странный вы юноша, Женя, сказалъ онъ. — Можно подумать, будто вы въ самомъ дѣлѣ невѣсть что пережили и перестрадали на своемъ вѣку. Ужь не женщина-ли, а?

Брови Жени нахмурились. Онъ взглянулъ на Извоева вызывающими, злыми глазами.

— Пытаетесь вывѣдать что-нибудь? произнесъ онъ иронически. — Удивляюсь, потому что хоть бы я все вамъ разсказалъ, вы все равно ничего бы не поняли.

— Отчего же такъ? отозвался снова обиженнымъ тономъ Извоевъ. — Вы думаете, что если я въ мужицкой рубахѣ хожу и волкомъ смотрю, такъ я нѣкоторыхъ вещей и понять не могу? А можетъ быть и на моей дорогѣ

женщина стояла... да еще какая женщина! какихъ вы можетъ быть и во снѣ не видали... Разумѣется, это былъ капризъ, я такъ и понялъ съ самаго начала... только этотъ капризъ всю мою жизнь перевернулъ.

Юноша поднялъ на него какъ бы удивленный взглядъ. Ему очевидно странно было услышать отъ Извоева подобное признаніе.

— Если вы знали, что это капризъ, значитъ не любили; любишь только когда вѣришь, возразилъ онъ.

— Ну нѣтъ, женщинѣ я никогда не повѣрю, отвѣтилъ уже тономъ превосходства Извоевъ. — Я ее возьму, но съ полнымъ сознаніемъ, что и у меня ее возьмутъ точно такимъ же образомъ.

По лицу Жени какъ-будто пробѣжало выраженіе боли. Онъ ничего не сказалъ. Извоевъ чуть примѣтно усмѣхнулся.

— Съ этою философіей я по крайней мѣрѣ не раскисну, если какая-нибудь свѣтская пошлость со шпорами отобьетъ у меня бабенку... проговорилъ онъ. — Впрочемъ, эти вещи намъ на руку. Вотъ, вы злы сдѣлались, когти у васъ заострились... эти щелчки не безполезны, они волчатъ воспитываютъ. Одного законнымъ образомъ по міру пустятъ, у другаго жену или любовницу отобьютъ, третьяго за дурныя знакомства въ тюрьмѣ продержатъ... посмотришь, враговъ-то у легальнаго общества и прибудетъ.

Глаза Жени неожиданно вспыхнули.

— Мерзавцы не въ одномъ легальномъ обществѣ существуютъ! сказалъ онъ рѣзко.

Извоеву показалось, что это восклицаніе вдругъ все ему объяснило.

— Значитъ *тамъ*? кто-нибудь изъ нашихъ? догадался онъ вслухъ.

Лицо Жени покрылось внезапною блѣдностью, и такая злоба сверкнула въ его потемнѣвшихъ глазахъ, что Извоеву даже жутко стало.

— Я вамъ сказалъ, чтобы вы не смѣли меня выпытывать, прокричалъ Женя съ бѣшенствомъ, и губы его задрожали.

Онъ отодвинулъ пустую кружку, всталъ и поднялъ со стула сакъ.

— Прощайте, мнѣ пора, сказалъ онъ, нахлобучивая шапку. Извоевъ тоже поднялся.

Я васъ провожу, вы не сердитесь пожалуйста...

— Вамъ присмотрѣть велѣли, дѣйствительно-ли я уѣду? презрительно бросилъ ему Женя.

— Можетъ-быть и велѣли, тутъ нечѣмъ обижаться, спокойно отвѣтилъ Извоевъ.

Разговоръ не возобновился. Подымаясь на широкія ступени вокзала, Извоевъ еще выше наставилъ воротникъ и еще больше нахлобучилъ шапку; лица его теперь совсѣмъ не было видно, и только русый клокъ бородки торчалъ, прихваченный крючкомъ.

У кассы уже никого не было. Женя торопливо взялъ билетъ, вышелъ на платформу, и не разбирая, влѣзъ въ первый попавшійся вагонъ. Извоевъ въ окно протянулъ ему руку.

— Смотрите же, пишите, сказалъ онъ. — Ѳедору Степановичу поклонитесь отъ меня, да не забудьте передать письма...

— Прощайте, отозвался изъ своего темнаго угла отъѣзжающій.

Извоевъ наклонился въ окно и пытливо оглядѣлъ размѣстившуюся въ вагонѣ публику. Повидимому, никто не привлекъ его вниманія и не возбудилъ подозрѣній. Онъ притянулъ къ себѣ Женю за руку, и нагнувшись надъ самымъ его ухомъ, прошепталъ:

— Смотрите же, остерегайтесь... время теперь горячее!

Молодой человѣкъ кивнулъ головой, и съ признакомъ нетерпѣнія отдернулъ руку. Ему очевидно наскучили эти длинные проводы и прощанія...

Глава II.

Поѣздъ, ускоряя ходъ, выдвинулся въ непроглядную мглу петербургской ночи. Среди незнакомыхъ лицъ, въ своемъ темномъ углу, Женя почувствовалъ себя свободнѣе. Онъ былъ одинъ со своими мыслями, и эти мысли разомъ подхватили его, какъ подхватываетъ вѣтеръ упавшій на дорогу листъ, и погрузили въ состояніе отупѣлой и все еще терзающей тоски, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться, какъ только оставался самъ съ собой.

Прижавшись въ углу, надвинувъ шапку, онъ закрылъ глаза, но ни малѣйшей надежды на сонъ у него не было. Онъ испытывалъ все то же доходящее до боли нервное раздраженіе, и это какъ бы удвоенное ощущеніе жизни казалось вдвое мучительнѣе. Онъ былъ уже не Женя Козырь, а Володя Ладожскій. Въ этой неумолимой необходимости быть самимъ собой заключалось самое ядовитое терзаніе. Онъ не могъ забыться, отдѣлаться отъ себя, отъ того, что такъ мучительно и быстро пережито. Онъ все, все помнилъ — и наполненное ядовитыми впечатлѣніями дѣтство, и отраву перваго счастья, и страшную ночь, въ которую онъ навсегда разорвалъ съ семьей и обществомъ, и все, все, что было потомъ...

Его мысль уже научилась анализировать, ползать въ темныхъ извилинахъ этого страшнаго и гадкаго «потомъ». Онъ понималъ, какъ все случилось; на каждой подробности какъ-будто еще болѣлъ прихваченный нервъ. Онъ понималъ, что скрывшись послѣ той страшной ночи изъ Петербурга, онъ уносилъ съ собой жгучую каплю яда. Этою каплей было отравлено его дорого купленное счастье. Какая-то мрачная тѣнь втѣснилась между нимъ и Катериной Петровной, безжалостно нарушая ихъ уединеніе и свободу. Оба чувствовали, что тамъ, въ маленькихъ комнаткахъ въ Галерной, подъ гнетомъ безпокойства и заботы, легче дышалось и легче вѣрилось. Словно пыльный налетъ покрылъ ихъ любовь, мысль

тревожилась, краски тускнѣли... Работалось плохо, поступленіе въ политехникумъ все откладывалось, а тутъ совершенно новыя условія жизни, ничѣмъ не наполненные дни, отсутствіе тѣхъ маленькихъ подробностей привычной обстановки, которыя такъ помогаютъ у себя дома коротать время. Володя тотчасъ втянулся въ знакомства, сошелся со всею русскою эмиграціей, и въ скоромъ времени квартира ихъ приняла видъ какой-то курительной залы, въ которой съ утра до ночи толклись разношерстные соотечественники — недоучившіеся русскіе студенты, поляки, восточные человѣки изъ Нахичевани и съ Кавказа, жиды, акушерки, разводныя жены и — дѣвицы, дѣвицы изъ всѣхъ городовъ и всей земли русской. Все это топталось, грязнило полы и диваны, дымило изъ самодѣльныхъ папиросъ, спорило, кричало, должало по мелочи и производило такой шумъ и гвалтъ, что въ первые дни у Катерины Петровны голова болѣла до одури. Но отдѣлаться не было возможности, да никто объ этомъ серьезно и не думалъ, потому что «кружковщина» все-таки представляла какую-то жизнь и какъ бы какую-то цѣль, а своей жизни и цѣли у нихъ не было. Черезъ два, три мѣсяца Катерина Петровна уже совсѣмъ привыкла и къ безобразной толкотнѣ, и къ грязи, и даже къ невозможному обращенію съ дамами. Черезъ полгода ей уже казалось страннымъ смотрѣть на нѣкоторыя вещи иначе, чѣмъ смотрѣли въ «кружковщинѣ»; она уже не испытывала невольнаго, брезгливопротестующаго чувства, сказывавшагося въ первое время. Володя замѣчалъ, какъ что-то изящно-мечтательное, романтически-страстное, такъ властительно поработившее его, словно сбѣгало съ нея, и изъ подъ совлеченнаго блестящаго покрова выступала небогатая, легкомысленная и грубо развращенная природа. Пораженный сорвавшимся циническимъ словомъ, онъ иногда поднималъ на нее внезапно омрачившійся взглядъ, и говорилъ съ выраженіемъ упрека:

— Къ тебѣ вовсе нейдетъ такой тонъ; я не понимаю, что за охота представлять изъ себя какую-то... акушерку.

Катерина Петровна въ такихъ случаяхъ принималась хохотать и дразнить его.

— А ты хочешь, чтобъ я изъ себя буржуазную Діану представляла? Мой милый, это было бы слишкомъ глупо. Ты и такъ смѣшишь всѣхъ какимъ-то своимъ тономъ со мной. Всѣ очень хорошо знаютъ, что я ничего больше, какъ содержанка...

Володю возмущало это слово.

— Я тебя люблю, возражалъ онъ со вспыхнувшею страстностью; — а содержанки продаются.

— Ты меня любишь... положимъ; но когда ты проживешь свои деньги, я должна буду продаваться, настаивала Катерина Петровна. — Развѣ я не говорила объ этомъ еще въ Петербургѣ? Такъ ужь лучше не надѣвать какой-то смѣшной маски.

Володя послѣ подобнаго разговора дѣлался мраченъ, и страстное чувство съ такою болью сжимало ему сердце, что хотѣлось плакать.

Иногда, подъ вліяніемъ томящей душевной усталости, на Катерину Петровну находили припадки нѣжности. Она забиралась съ ногами на диванъ, клала къ себѣ на колѣни голову Володи, и распутывая пальцами его густыя бѣлокурыя пряди, говорила о томъ, какъ она его любитъ, и какіе они оба несчастные. Но что-то увядающее звучало въ ея голосѣ, и рука, игравшая его волосами, была холодна.

Володя, смущенный, глядѣлъ на нее недовѣрчивыми, занятыми какою-то внутреннею работой, глазами.

— У меня вѣдь кромѣ твоей любви ничего нѣтъ... говорилъ онъ съ тоской.

Прежде, въ первые мѣсяцы ихъ любви, Катерина Петровна была счастлива, когда въ его словахъ звучала эта тоскующая, напряженная до боли страсть. Но теперь такія слова какъ-будто раздражали ее.

— Милый, ты заставляешь себя слишкомъ много думать о нашей любви, отвѣчала она утомленнымъ голосомъ. — Ты такъ молодъ, у тебя еще такъ много другаго впереди.

— Съ тобой, возражалъ Володя.

Катерина Петровна начинала напѣвать что-то вполголоса, и въ ея усталыхъ глазахъ появлялось блуждающее выраженіе.

— О чемъ ты теперь думаешь? спрашивалъ Володя.

— Ахъ, какъ ты любишь себя мучить! тономъ ласковаго нетерпѣнія отвѣчала Катерина Петровна. — О чемъ я думаю? мало ли о чемъ!

И она продолжала разсѣянно играть его волосами, глядя мимо него.

На Володю въ такія минуты находило иногда невыразимое волненіе. Онъ чувствовалъ, какъ медленно размыкаются звенья невидимой цѣпи, сковавшей ихъ обоихъ, и не имѣлъ власти остановить что-то безжалостно уходящее.

— Катя, ты уже не любишь меня какъ прежде... говорилъ онъ, пряча на ея колѣняхъ тоскующее, блѣдное лицо.

— Полно тебѣ все объ одномъ... говорила она тихонько, освобождаясь отъ него.

Онъ грубо удерживалъ ее за руки.

— Катя, скажи мнѣ одно... только одно: ты могла бы полюбить кого-нибудь другаго? спрашивалъ онъ голосомъ, выражавшимъ муку.

Она увертывалась отъ него, улыбаясь и хмурясь.

— Почему я могу знать! отвѣчала она, и ея синіе зрачки становились прозрачнѣе, зеленѣе, напоминая что-то змѣиное.

— Вотъ же я знаю, что никогда, никого не могу любить кромѣ тебя! возражалъ блѣднѣя Володя.

Катерина Петровна начинала смѣяться.

— Ребенокъ! говорила она; — ты ни себя, ни меня не знаешь... ничего не знаешь!

Слово «ребенокъ» все чаще и чаще попадалось въ ея разговорѣ, и ему придавался особенный, снисходительный, даже пренебрежительный смыслъ, оскорблявшій Володю. Среди горластыхъ, наглыхъ,

безпардонно врущихъ и бахвальствующихъ героевъ «кружковщины», Володя дѣйствительно казался болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь ребенкомъ. Съ нимъ обращались въ покровительственномъ тонѣ, дали ему полу-женскую кличку, отпускали на его счетъ небрежныя или циническія шутки. Все это въ началѣ оскорбляло Катерину Петровну, потомъ пріучило ее относиться къ Володѣ почти такъ же, какъ относились къ нему другіе. Ей было вмѣстѣ съ тѣмъ досадно на него. «Ужъ если сунуться въ грязь, то по крайней мѣрѣ взять всю эту сволочь въ руки...» думала она иногда, взглядывая бокомъ на огромную косматую фигуру Чубатаго, который, наѣзжая изъ Женевы, производилъ въ революціономъ муравейникѣ сильнѣйшій переполохъ.

Чубатый — читатели быть-можетъ еще не забыли его — игралъ теперь очень большую роль. Въ «кружковщинѣ» его считали чѣмъ-то въ родѣ тайнаго диктатора, подъ наблюденіемъ котораго совершались приготовленія къ рѣшительнымъ событіямъ. У него были деньги, и къ нему обращались за подачками. Предъ его язвительными рѣчами умолкали даже пьяные крикуны. Онъ царствовалъ, окруженный таинственностью, и играя съ циническимъ презрѣніемъ инстинктами революціонной черни, радовавшейся, что нашла себѣ кумира.

Володя замѣчалъ, что Катеринѣ Петровнѣ какъ будто нравится снисходительное ухаживанье Чубатаго. Онъ ревновалъ. Ее эта ревность сначала забавляла, потомъ стала раздражать.

— Какой ты право несносный, говорила она въ отвѣтъ на его подозрѣнія и упреки. — Что у тебя за странныя претензіи? не довольно тебѣ, что я все тутъ же съ тобой, что я твоя? Не могу же я сдѣлать, чтобы мнѣ никто никогда не нравился. Чубатый такой забавный... я на него вчера, дурачась, брызнула водою съ букета, а онъ меня прибилъ по рукамъ. Посмотри, до сихъ поръ пальцы красные.

И она подносила руки къ губамъ и медленно цѣловала ихъ.

Володя терзался невыразимо. Онъ чувствовалъ, что разомкнувшаяся цѣпь держалась только потому, что оба они какъ будто боялись выйти изъ своего неподвижнаго положенія. Стоитъ пошевельнуться, и звенья упадутъ. Ему приходило въ голову, что лучше пошевельнутся, кончить разомъ...

— Катя, я не знаю, что будетъ дальше, сказалъ онъ ей послѣ одной изъ ревнивыхъ сценъ, которыя стали почти ежедневно повторяться между ними.

Катерина Петровна вопросительно посмотрѣла на него нахмуреннымъ взглядомъ.

— Ты когда-нибудь думаешь объ этомъ? спросилъ онъ.

— О чемъ? сухо отозвалась она.

— О насъ, о нашей любви... о томъ, какъ это кончится... Катя, мнѣ кажется, что для насъ лучше было бы избѣжать этой агоніи страсти, этого увяданья, тоски и холода... Я предпочелъ бы умереть.

Катерина Петровна пожала плечами, и въ глазахъ ея мелькнулъ непріятный, прозрачный блескъ.

— Умирай, сказала она.

Володя пристально взглянулъ на нее. Она спокойно сидѣла у окна, и лицо ея имѣло такое выраженіе, съ какимъ слушаютъ надоѣвшаго капризнаго ребенка. А ему въ эту минуту въ самомъ дѣлѣ хотѣлось умереть, умереть съ нею вмѣстѣ, пока ихъ еще связывало остывающее чувство... «Нѣтъ, если это и было когда-нибудь возможно, то теперь уже поздно», шевельнулось въ его умѣ.

Онъ подошелъ къ ней и опустился подлѣ нея на колѣни.

— Катя, я знаю... ты бросишь меня... сказалъ онъ, испытывая странное, жуткое ощущеніе холода внутри.

Она сжала губы.

— Если будешь надоѣдать мнѣ, то брошу... проговорила она спокойно.

— Но ты знаешь, что́ меня терзаетъ... Я не могу скрывать этихъ мукъ... возразилъ Володя.

— Ахъ, это скучно... молвила Катерина Петровна, отстраняя его.

Онъ всталъ, и отойдя къ другому окну, уперся горячимъ лбомъ въ стекло. На рѣсницахъ его навертылись слезы и медленно скатывались по лицу.

— Ты его любишь... Чубатаго... проговорилъ онъ, не оборачиваясь.

Катерина Петровна засмѣялась.

— Какой вздоръ! сказала она. — Послушай, это смѣшно, ты до сихъ поръ не умѣешь меня понять. Развѣ я когда-нибудь тебя обманывала, притворяясь честною женщиной, обѣщала вѣчно любить тебя? Мнѣ нельзя вѣрить, нельзя смотрѣть на меня серьезно. Ты такъ не хочешь? Тебѣ мало, что я тутъ съ тобой, что я твоя? Такъ не люби меня...

Володя глядѣлъ на нее мрачными и еще полными слезъ глазами.

— Ты, кажется, сама не понимаешь, что такое предлагаешь мнѣ... проговорилъ онъ глухо.

— Я предлагаю, чтобы ты смотрѣлъ на меня, какъ на свободную женщину, отвѣтила Катерина Петровна. — Право, ты странный мальчикъ. Я тебя полюбила, потому что хотѣла, чтобы ты былъ счастливъ. Мнѣ самой надо счастья, или по крайней мѣрѣ... веселья. А это скучно.

Она встала, надѣла шляпку, отыскала перчатки и зонтикъ, и вышла.

Глава III.

Революціонный муравейникъ продолжалъ жить все тою же безтолковою жизнью. Изъ Россіи безпрестанно прибывали все новыя лица. Одни пріѣзжали съ деньгами, въ состояніи радостнаго задора, и тотчасъ дѣлались предметомъ общаго ухаживанья и безшабашной эксплуатаціи; другіе, унылые и проголодавшіеся, имѣли видъ отсталыхъ разбитой арміи. Все это попрежнему толклось съ утра до ночи у Володи, бродило по дешевымъ кофейнямъ, сочиняло невѣроятныя политическія новости, галдѣло надъ устройствомъ вспомогательной кассы и кружковой библіотеки, безпардонно сплетничало и издѣвалось другъ надъ другомъ, и холопски благоговѣло предъ двумя, тремя самозванными вожаками. Чубатый принялъ еще болѣе таинственный видъ, безпрестанно то уѣзжалъ, то снова появлялся, и обѣщалъ приближеніе необычайныхъ событій. За дальнѣйшими откровеніями къ нему даже не рѣшались обращаться, но такъ-называемый «князинька», съ которымъ его часто теперь видѣли рука объ руку, кратко объяснялъ непосвященнымъ, что «революція вступила въ динамитный періодъ».

Къ Володѣ Чубатый относился съ покровительственною фамильярностью. Онъ не то щадилъ его, не то издѣвался надъ нимъ, но всегда въ присутствіи Катерины Петровны. Володя, выведенный изъ себя, отвѣтилъ ему разъ чрезвычайно грубо. Чубатый весело взглянулъ на него.

— Фу, какъ вы злитесь! сказалъ онъ, и продолжалъ смотрѣть ему прямо въ глаза, какъ бы предоставляя ему сдѣлать что-нибудь еще болѣе грубое. Володя только поблѣднѣлъ, и взявъ шляпу, вышелъ изъ дому.

Катерина Петровна, когда онъ вернулся, сидѣла у окна, и странная, какъ-будто безсознательная усмѣшка скользила по ея губамъ.

— Зачѣмъ ты ушелъ! сказала она почти съ упрекомъ.

— Затѣмъ, что я не намѣренъ переносить нахальства вашихъ друзей, рѣзко отвѣтилъ Володя.

Катерина Петровна повела загадочно улыбавшимся взглядомъ.

— Все-таки это странно — уйти! сказала она, и распахнувъ окно, высунулась въ маленькій садикъ, гдѣ вѣтеръ слабо шелестилъ опавшими осенними листьями. Вечерній воздухъ уже дышалъ холодомъ, но она оставалась неподвижною, лежа грудью на подоконникѣ и не чувствуя, какъ зябли плечи. Володя, усѣвшись въ углу, пробовалъ читать. Онъ не могъ заговорить съ ней... Черезъ полчаса онъ захлопнулъ книжку, ушелъ въ спальню и легъ. Изъ сосѣдней комнаты не слышалось шороха, какъ-будто Катерина Петровна намѣрена была всю ночь просидѣть у раскрытаго окна, глядя въ прозрачную мглу, наполненную холоднымъ луннымъ свѣтомъ.

Дня черезъ два послѣ того, Чубатый попросилъ Володю съѣздить по какому-то экстренному дѣлу въ ближайшій городъ. Володѣ показалось невозможнымъ уклониться отъ порученія, которому придавалась извѣстная важность. Онъ выѣхалъ утромъ и вернулся уже къ ночи, почти довольный успѣхомъ въ этомъ первомъ политическомъ дѣлѣ, въ которомъ ему предоставили роль. Катерины Петровны не было дома. Хозяйская служанка объяснила, что «фрау» еще утромъ увезла свои вещи, и приказала передать ему записку. На маленькомъ клочкѣ бумаги стояло всего нѣсколько строкъ. Катерина Петровна просила простить ей внезапный отъѣздъ и не искать ея, такъ какъ она убѣдилась, что совмѣстная жизнь не дастъ имъ больше счастья, и что ей нельзя оставаться вѣчною для него обузой. «Ты еще слишкомъ молодъ, тебѣ надо думать о себѣ», прибавляла она въ заключеніе.

Володя не помнилъ подробностей этой ночи. Онъ, кажется, не входилъ къ себѣ въ квартиру. Осенняя мгла словно поглотила его, со всѣми ощущеніями мучительно

потрясенныхъ и разомъ отупѣвшихъ нервовъ. Онъ гдѣ-то бродилъ, усталый и иззябшій, и несмотря на неизмѣримую тоску, которую онъ влачилъ за собою, время бѣжало съ непостижимою быстротой. Онъ помнилъ только какой-то сложенный изъ огромныхъ плитъ мостъ, и подъ нимъ съ шумомъ скользившія волны, такія свинцовыя и холодныя въ эту хмурую ночь. Онъ стоялъ на мосту и смотрѣлъ на эти волны, а надъ нимъ вѣтеръ злобно гналъ разорванныя тучи, и минутами лунный свѣтъ, прорвавшись сквозь нихъ, дробился ледянымъ блескомъ въ бѣшеныхъ брызгахъ. Мостъ стоялъ высоко; у Володи слегка кружилась голова, во мглистой глубинѣ подъ нимъ чувствовалась смерть, и это чувство было почти пріятно. По утру, мокрый и больной, онъ вернулся домой, бросился не раздѣваясь на постель, и залился безсильными, злыми слезами.

На время онъ какъ-будто потерялъ способность думать и соображать. Онъ никого не пускалъ къ себѣ, и цѣлые дни все ходилъ изъ угла въ уголъ, безъ всякой мысли, со смутнымъ ощущеніемъ необходимости что-то сдѣлать, на что-то рѣшиться.

Городокъ, гдѣ онъ прожилъ уже больше года, сталъ ненавистенъ ему. Онъ чувствовалъ отвращеніе къ этой жизни, къ этимъ людямъ, даже къ этому принявшему видъ осенней строгости небу. Надо было уѣхать куда-нибудь, лишь бы только выбраться отсюда. Но у него не было денегъ и не было свободы. Онъ уже настолько запутался въ «кружковщинѣ», что не легко было разорвать съ нею. Его считали своимъ, на него имѣли притязанія, за нимъ слѣдили. Онъ казался подозрителенъ, и отъ него требовали доказательства преданности. А въ немъ, вмѣстѣ съ ненавистью къ людямъ и къ мѣсту, явилась ненависть къ самому дѣлу. Въ Петербургѣ это дѣло представлялось ему великимъ и чистымъ; но потолкавшись среди эмигрантовъ, приглядѣвшись къ мародерамъ соціализма и революціи, онъ догадался, что грязныя руки не могутъ создать ничего чистаго. Мечты разсѣялись, осталась только злоба — злоба къ правымъ и къ лѣвымъ, къ

обороняющимся и къ нападающимъ, къ существующему и къ предполагаемому. Это была унылая, мрачная злоба человѣка вполнѣ потерявшагося. И онъ ясно сознавалъ, что былъ именно вполнѣ потерявшійся человѣкъ. Сначала у него явилась было мысль вернуться во что бы то ни стало въ Россію, предаться властямъ, и просить поступить съ нимъ, какъ найдутъ нужнымъ. Еслибъ онъ былъ только «политическій», онъ вѣроятно такъ бы и сдѣлалъ. Но жгучее воспоминаніе послѣдней страшной ночи въ домѣ отца отнимало у него рѣшимость. Съ этимъ позоромъ ужь нельзя вернуться...

Такъ какъ Чубатый куда-то исчезъ, чуть-ли даже не въ Америку, то въ кружкѣ явились новые заправители. Они распорядились отправить Володю въ Петербургъ, въ качествѣ рабочей силы. Онъ повиновался; но переполохъ, произведенный взрывомъ подъ Москвой, заставилъ тамошній кружокъ выпроводить его подальше, въ провинцію, въ распоряженіе уже извѣстнаго намъ Ѳедора Степановича, бывшаго сельскаго учителя, а теперь управляющаго на паровомъ лѣсопильномъ заводѣ.

Вся эта горькая повѣсть припомнилась Володѣ, и чувство озлобленія, съ которымъ онъ простился съ Извоевымъ, не утихало, а какъ-будто еще болѣе разгоралось въ немъ по мѣрѣ того, какъ поѣздъ уносилъ его все дальше отъ Петербурга, въ новыя мѣста, гдѣ его ждала заранѣе опротивѣвшая, подневольная роль свободнаго каторжника... Ненавистный Петербургъ представлялся такимъ милымъ, съ такою болѣзненною тоской думалось о тѣхъ, отъ кого онъ бѣжалъ когда-то, кого хотѣлъ и не смѣлъ увидѣть...

На третьи сутки онъ вышелъ изъ вагона, договорилъ мужика съ парною телѣжкою, и поѣхалъ трусцой по проселку, затопленному осеннею грязью. Погода стояла холодная и влажная; оголенныя березы уныло торчали по обѣ стороны, съ сосенъ и елей съ сухимъ шумомъ валилась засохшая хвоя и почернѣлыя, опустошенныя шишки; гдѣ-то надъ головою оглушительно и нагло каркали вороны. Даже мужику, кажется, непріятно было это кар-

канье, и онъ, встряхивая головою, повторялъ: «экъ ихъ, дьяволовъ!» Подальше, между сосновыми стволами, кое-гдѣ бѣлѣлъ выпавшій и нерастаявшій снѣгъ. Непривыкшій къ ѣздѣ въ телѣгѣ по русскимъ дорогамъ, Володя чрезъ часъ почувствовалъ боль въ спинѣ и какое-то онѣмѣніе во всѣхъ членахъ.

— Далеко еще? уныло спросилъ онъ мужика.

— Эхма, доѣдемъ! также уныло отвѣтилъ тотъ. — Животинки-то мои притомились, больно тяжела нынче дорога.

Доѣхали только въ сумерки. Совершенно разбитый, Володя почти не помнилъ, какъ слѣзъ съ повозки и поднялся на низенькое крылечко. Онъ шатался какъ пьяный. Въ темныхъ сѣнцахъ его встрѣтилъ самъ Ѳедоръ Степановичъ, и провелъ въ просторную, убранную поконторски комнату.

— Меня объ васъ извѣщали, сказалъ онъ басомъ. Володя досталъ изъ боковаго кармана письма и передалъ ему. Ѳедоръ Степановичъ внимательно осмотрѣлъ ихъ, распечаталъ и погрузился въ чтеніе. Отъ напряженія, на лбу у него образовались толстыя складки и носъ раздулся. Онъ сопѣлъ, ворочалъ губами и ковырялъ въ ноздрѣ. Дочитавъ послѣднее письмо, онъ сложилъ ихъ всѣ, зажегъ на свѣчкѣ и кинулъ въ печь.

— Ну, добро пожаловать, произнесъ онъ голосомъ, которому видимо старался сообщить привѣтливость; — я васъ устрою якобы по бухгалтеріи... Комната у васъ будетъ тутъ во флигелѣ... Какъ у васъ тамъ Михайло Иванычъ живетъ?

— Ничего, здоровъ, кланяется вамъ... отвѣтилъ Володя.

Ѳедоръ Степановичъ молча уставился на него глазами, и выраженіе этого нѣмаго взгляда было любопытствующее и какъ бы неодобрительное. Онъ очевидно нашелъ въ наружности гостя нѣчто такое, что не отвѣчало его ожиданіямъ и привычнымъ впечатлѣніямъ.

— Пойдемте-ка пока ко мнѣ, чайку напьемся, предложилъ онъ, и провелъ Володю на свою собственную половину, помѣщавшуюся тутъ же за конторою.

Какая-то дѣвица, очень некрасивая, однако не похожая на простую дѣвку, накрыла на столъ, а шустрый мальчишка въ огромныхъ сапогахъ втащилъ самоваръ. Дѣвица присѣла къ столу, заварила чай, и поставивъ оба локтя на столъ, вперила въ Володю вопросительный и ожидающій взглядъ.

— Изъ нелегальныхъ? спросила она.

— Сожительница моя, счелъ нужнымъ объяснить управляющій.

Дѣвица, не дожидаясь отвѣта Володи, тотчасъ высказала все, что какъ бы тяжкою ношею лежало на ея чувствахъ. Лѣсопильный заводъ былъ избранъ центромъ конспираціи по ея собственной мысли; здѣсь уже много сдѣлано, и она писала въ Петербургъ, чтобы сюда присылали кого можно, такъ какъ для всѣхъ найдется дѣло. Между рабочими есть уже совсѣмъ обращенные, такъ-что хоть сейчасъ послать куда угодно. Но главное, мѣсто чрезвычайно удобное для складовъ. У нихъ уже припрятано кое-что, а теперь Ѳедоръ Степановичъ уговариваетъ помѣщика устроить лабораторію, такъ-что можно будетъ и динамитомъ заняться. Сама она дочь сельскаго дьякона, но давно все поняла, и вся жизнь ея принадлежитъ общему дѣлу.

— А помѣщикъ же какого рода? спросилъ Володя.

— Изъ трусовъ, быстро и какъ бы радостно отвѣтила дѣвица, — самъ пальца не приложитъ, но за спиною позволитъ дѣлать что угодно.

Ѳедоръ Степановичъ слушалъ ее съ такимъ видомъ, по которому рѣшительно нельзя было судить — одобряетъ онъ, или не одобряетъ. Но когда она встала, чтобы разлить чай, и ея сухая, плоская и слегка кривобокая фигура обрисовалась взгляду, Володя замѣтилъ, что его выпученные глаза слѣдятъ за ея движеніями съ влюбленною жадностью.

Чай пили долго, разговоры тянулись безъ конца. Володя наконецъ извинился усталостью и просилъ, чтобъ его провели въ назначенную ему комнату. Тамъ онъ съ наслажденіемъ раздѣлся, бросился въ постель и заснулъ мертвымъ сномъ, какимъ давно уже не спалъ.

Глава IV.

Зимнее солнце, яркое и холодное, разбудило его поутру. Онъ раскрылъ окно; свѣжій воздухъ ворвался въ комнату и бодрымъ трепетомъ пробѣжалъ по тѣлу. За ночь грязь затянуло морозомъ, на почернѣлыхъ сучьяхъ выступилъ иней. Дворъ, съ открывающимся изъ него выходомъ на широкую лѣсную просѣку, смотрѣлъ чище и веселѣе, чѣмъ наканунѣ. Рабочіе были уже на ногахъ, слышался шумъ машинъ и людской говоръ, изъ трубъ валилъ дымъ. Смолистый запахъ свѣжаго дерева, вмѣстѣ съ запахомъ каменно-угольной копоти, носился въ воздухѣ. Ближе, у самаго окна, копошились куры, рылась въ какихъ-то объѣдкахъ молодая свинья съ весело закорюченнымъ хвостикомъ, и тянуло дымомъ отъ только-что наставленнаго самовара.

«Вотъ они, новыя мѣста!» думалъ Володя, озирая представившуюся ему картину, втягивая въ себя всѣ эти запахи и невольно бодрясь отъ какого-то возбудительнаго вѣянія, чувствовавшагося въ природѣ. Онъ никогда не жилъ въ деревнѣ, и это вѣяніе дѣйствовало на него съ силою перваго впечатлѣнія.

Напившись чаю, онъ пошелъ отыскивать Ѳедора Степановича. Ему хотѣлось знать, что собственно здѣсь дѣлается, и что онъ будетъ дѣлать. «Лишь бы что-нибудь настоящее, крупное»... думалъ онъ. «Тамъ, заграницею, меня считали мальчишкой; это скучно. Надо показать, что я выросъ»...

Бывшій учитель повелъ его осматривать заводъ и всѣ заводскія строенія. Это заняло часа два. Володя ничѣмъ однако не заинтересовался, и только усталъ.

— Въ чемъ же собственно все дѣло? спросилъ онъ наконецъ, когда они остались вдвоемъ.

— То-есть, какъ это? не понялъ Ѳедоръ Степановичъ.

— Не для того же меня сюда послали, чтобъ учиться заводскому хозяйству, пояснилъ Володя.

Управляющій усмѣхнулся своими толстыми губами.

— Вонъ что! произнесъ онъ иронически. — Потерпите, узнаете. Наше дѣло не на показъ дѣлается; мы паутину потихоньку плетемъ. Вотъ теперь рабочіе обѣдать пойдутъ, а мы съ вами тѣмъ временемъ позавтракаемъ. А послѣ того у меня заведены классы: Марья Яковлевна съ ребятишками возится, а я со взрослыми родъ собесѣдованія веду. Вы посмотрите, послушаете, да поучитесь, а потомъ помогать мнѣ будете.

— Соціальная пропаганда! брезгливо произнесъ Володя. — Съ рабочими разныя «хорошія» книжки читать... для этого не стоило посылать меня сюда.

— А вамъ чего бы хотѣлось? снова усмѣхнулся Ѳедоръ Степановичъ. — Сразу-то большаго не дадутъ, надо прежде показать себя.

— Въ чины выслужиться? закинулъ Володя.

— Опытъ надо имѣть, почти сурово отвѣтилъ управляющій. — Вы думаете, пропаганда-то легкое дѣло? Сколько осторожности надо! Другіе зря такъ наскакиваютъ, что ихъ скрутятъ по рукамъ, да къ становому, а тамъ и пойдетъ переборка... цѣлое гнѣздо разорятъ.

Классы и «собесѣдованія» тоже показались Володѣ очень скучными. «Все это вздоръ, этою дорогою во сто лѣтъ не дойдешь», думалъ онъ, слушая, какъ бывшій учитель истощался въ «наведеніяхъ», стараясь непримѣтнѣйшимъ образомъ направить мысль рабочихъ къ какой-нибудь намѣченной «идеѣ». Рабочіе какъ-будто и понимали, но затѣмъ вдругъ какое-нибудь одно слово, одинъ вопросъ, ясно обнаруживали, что впущенная идея совсѣмъ не застряла въ мозгу, такъ-что хоть начинай съ начала.

— И давно это вы бьетесь такимъ образомъ? спросилъ Володя, когда, по окончаніи класса, они шли вдвоемъ по мерзлой дорогѣ.

— Я пропагандою лѣтъ десять уже занимаюсь, отвѣтилъ Ѳедоръ Степановичъ.

— Ну, а я бы году не выдержалъ... сказалъ Володя. — Вы пробовали когда-нибудь разсчитать, сколько времени потребуется, чтобы перевоспитать такимъ образомъ народъ?

— Дальше легче будетъ, возразилъ Ѳедоръ Степановичъ.

— Дальше? Когда надъ нами лопухъ расти будетъ?

— Что жь, каждое поколѣніе работаетъ для будущаго. Мы сѣемъ, другіе жать будутъ.

Володя сдѣлалъ головою и плечами нетерпѣливое движеніе, выражавшее, что онъ совсѣмъ не сочувствовалъ теоріи бывшаго учителя.

— Я усталъ, сядемъ здѣсь, предложилъ онъ, указывая на огромный срубленный стволъ, лежавшій при дорогѣ. — А тѣ, что работаютъ револьверомъ и динамитомъ? вдругъ спросилъ онъ.

— Тѣ! протянулъ какъ-то особенно Ѳедоръ Степановичъ, и въ глазахъ его какъ-будто что-то завистливое мелькнуло. — Такъ вѣдь этимъ здѣсь не надъ чѣмъ работать. Въ становаго стрѣлять будете, что-ли? Мы здѣсь только подготовляемъ... Вотъ, какъ будетъ у меня лабораторія, я тутъ маленькую фабрику устрою.

— Когда же это будетъ-то?

— А вотъ, ужо... Надо потихоньку, безъ подозрѣній... Разговоръ вдругъ оборвался, такъ какъ оба заслышали гулкій стукъ колесъ по мерзлой землѣ, и черезъ минуту изъ за поворота дороги показалась коляска, а въ ней господинъ высокаго роста, плотный, съ широкимъ красноватымъ лицомъ и съ сильною просѣдью на вискахъ и въ бородѣ.

— Помѣщикъ здѣшній, Грешановъ, толкнулъ Ѳедоръ Степановичъ Володю.

По знаку сидѣвшаго въ колескѣ господина, кучеръ остановилъ лошадей, а самъ господинъ вылѣзъ на дорогу и подошелъ къ управляющему.

— Здравствуйте, мой любезнѣйшій... молвилъ онъ нѣсколько сквозь зубы, протягивая руку.

Володя съ любопытствомъ оглядѣлъ его. Господинъ Грешановъ принадлежалъ къ тѣмъ представительнымъ дворянскимъ фигурамъ новаго склада, которыя, сохранивъ отъ прежнихъ поколѣній нѣчто надменно-барственное, пріобрѣли вмѣстѣ съ тѣмъ какую-то либеральную юркость и способность къ постыднѣйшему искательству предъ такъ-называемымъ интеллигентнымъ разночинствомъ. Маленькіе свѣтлые глазки его, когда онъ небрежно жалъ руку Ѳедору Степановичу, какъ будто говорили: «Простите, что я цѣжу сквозь зубы и подаю два пальца, это у меня отъ привычки, такъ какъ я имѣлъ несчастье родиться при крѣпостномъ правѣ; но я готовъ сію минуту, сію минуту упразднить дворянство, и пройтись колесомъ по ярмаркѣ».

Ѳедоръ Степановичъ представилъ ему Володю, и пояснилъ, что онъ изъ «заграничныхъ». Грешановъ словно даже подскочилъ на мѣстѣ.

— У меня, господа, готовый кровъ для гонимыхъ за идею, объявилъ онъ, оглянувшись впрочемъ на кучера. — Но только, господа, поберегите меня, поберегите!

— Будьте спокойны, Алексѣй Ивановичъ, вѣдь ваше дѣло сторона, сказалъ на это управляющій.

— Я сочувствую, вы знаете; но я старъ, старъ, не гожусь, продолжалъ Грешановъ, посылая кучеру знакъ отъѣхать. — Такъ вы только-что *оттуда?* обратился онъ къ Володѣ, подмигнувъ глазомъ.

— Да, недавно... отвѣтилъ тотъ.

— Ну, и что же, какъ? Въ какомъ положеніи? спросилъ Грешановъ.

— Да ничего, кое-что дѣлается... промолвилъ неохотно Володя.

— Дѣлается? кое-что дѣлается, однако? повторилъ помѣщикъ. — Я вамъ скажу... (онъ опять оглянулся) — эта послѣдняя попытка... смѣлая вещь! досказалъ онъ, понижая голосъ и наклоняясь къ самому уху бывшаго

учителя. — И я слышалъ, что главный... подъ именемъ Сухорукова... уже находится въ безопасности.

— Ловкачъ! промычалъ на это Ѳедоръ Степановичъ.

— Ну, а у васъ, господа? Впрочемъ, не хочу ничего знать... У меня заводъ, при заводѣ управляющій, контора, рабочіе... больше ничего не хочу знать, продолжалъ помѣщикъ. — Дѣло идетъ плохо, но вѣдь теперь вездѣ застой, все подавлено, странѣ угрожаетъ кризисъ...

— А что же, Алексѣй Ивановичъ, когда мы лабораторію-то заведемъ? прервалъ его управляющій.

Грешановъ сдѣлалъ озабоченное лицо.

— Любезнѣйшій мой, боюсь я этой вашей лабораторіи, отвѣтилъ онъ, съ выраженіемъ безпомощности разведя руками. — Первое, заводъ даетъ мало, а тутъ новый расходъ; но главное, подозрительно это можетъ показаться. О чемъ вы тамъ толкуете съ рабочими, это не мое дѣло, я ничего этого не знаю. Но лабораторію-то вѣдь я самъ, значитъ, устрою. Почему? Для какой надобности? При лѣсопильномъ-то заводѣ? Повѣрьте, господа, въ глаза бросится.

— Да помилуйте, Алексѣй Ивановичъ, вѣдь я хочу поташъ добывать изъ древесныхъ опилковъ, возразилъ, ухмыляясь толстыми губами, управляющій.

— Вотъ то-то, самому смѣшно... Нѣтъ, господа, объ этомъ надо размыслить, сильно размыслить. Ужь вы, господа, поберегите меня. Я, вы знаете... Вамъ извѣстенъ мой образъ мыслей... Но что дѣлать, права личности у насъ ничѣмъ не ограждены. Всѣ подъ произволомъ полицейскаго чиновника ходимъ, говорилъ Грешановъ, и вдругъ заторопившись, пожалъ руки молодымъ людямъ и повернулъ къ коляскѣ.

— Трусоватъ! выразился Ѳедоръ Степановичъ, провожая его неодобрительнымъ взглядомъ. — Однако, пора и щи хлебать, добавилъ онъ, и оба направились къ дому.

Послѣ обѣда Ѳедоръ Степановичъ немедленно завалился спать, а Марья Яковлевна разложила на столъ

листъ газетной бумаги съ кучкою сухаго мелкаго табаку, и принялась набивать папиросы.

— Какъ вамъ показался сеньоръ нашъ? спросила она Володю.

— Кажется, дрянь порядочная, отвѣтилъ тотъ.

— Ужасная дрянь, подхватила подруга бывшаго учителя. — Вздумалъ тоже ко мнѣ съ любезностями подъѣзжать, но я такъ его отдѣлала, что чудо.

Володя недовѣрчиво взглянулъ на ея плоскій профиль, и мысленно спросилъ себя, на что тутъ могъ польститься Грешановъ?

— Эти господа воображаютъ, что если мы между собою безъ предразсудковъ, то и со всякимъ тоже, продолжала Марья Яковлевна, быстро работая пожелтѣвшими отъ такого занятія пальцами.

— Но онъ, повидимому, человѣкъ полезный для дѣла, сказалъ совершенно равнодушно Володя.

— Мало-ли теперь такихъ-то! отозвалась Марья Яковлевна. — Изъ него дѣйствительно можно было бы веревки вить, но вѣдь Ѳедя дуракъ, ничего не умѣетъ сдѣлать.

При такомъ неожиданномъ отзывѣ о Ѳедорѣ Степановичѣ, Володя невольно посмотрѣлъ на нее въ упоръ.

— Разумѣется дуракъ, подтвердила она совершенно спокойно. — Вотъ такъ, завалится каждое послѣ обѣда дрыхнуть, а тутъ и безъ того скучища смертная. Хорошо еще, что вы пріѣхали, будете со мною сидѣть, или я буду приходить къ вамъ.

— Онъ кажется очень любитъ васъ, сказалъ на это, не зная что отвѣтить, Володя.

Марья Яковлевна презрительно повела губами.

— Что онъ понимаетъ! отозвалась она. — Пойдемте лучше къ вамъ, тутъ мнѣ даже комнаты опротивѣли, вдругъ предложида она, и пристально взглянула Володѣ въ глаза.

Онъ вспыхнулъ.

— Я тоже имѣю привычку спать послѣ обѣда, сказалъ онъ.

— Спа-ать? протянула Марья Яковлевна, и съ игривымъ выраженіемъ отпихнула его отъ себя.

Потомъ, словно озадаченная чѣмъ-то, она опустилась на жесткій диванъ, и поставила локти на столъ. Володя на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

Глава V.

Потянулись дни, недѣли; предъ окнами появились снѣжные сугробы; на заводѣ встрѣтили и проводили святки. Володя испытывалъ злую тоску, такъ-что даже Ѳедоръ Степановичъ сталъ относиться къ этому обстоятельству серьезно и придумывать, что бы такое сдѣлать. Марья Яковлевна просилась снарядить ее въ Женеву, увѣряя, что тутъ на заводѣ хуже, чѣмъ было дома у дьякона...

Разъ Ѳедоръ Степановичъ, оставшись вдвоемъ съ Володею, спросилъ его — слышалъ-ли онъ что-нибудь про деревню Толошную, въ сорока верстахъ отъ завода.

— У насъ есть рабочіе оттуда, отвѣтилъ Володя.

— А не говорили-ли они вамъ чего про нѣкоего Максютина, тамошняго крестьянина? продолжалъ спрашивать Ѳедоръ Степановичъ.

Володя не могъ припомнить.

— Максютинъ этотъ очень замѣчательная личность, пояснилъ Ѳедоръ Степановичъ. — Это сектантъ, и на самой соціалистической подкладкѣ. Ученье его составляетъ до нѣкоторой степени тайну, но я знаю, что онъ отвергаетъ собственность, и думаетъ устроить какую-то евангельскую общину. Полиція о немъ провѣдала, онъ судился, сидѣлъ въ острогѣ. Теперь я получилъ извѣстіе, что онъ выпущенъ, вернулся въ Толошную и продолжаетъ пропаганду. У него уже нѣсколько сотъ послѣдователей, и все это такой матеріалъ, на который слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе. Максютина озлобили, сдѣлали изъ него врага, и вдобавокъ фанатика. Вы понимаете, какая это находка. Володя слушалъ съ большимъ любопытствомъ.

— Что же вы по этому случаю предполагаете? спросилъ онъ.

— Я думаю, что надо непремѣнно войти съ нимъ въ сношенія и постараться привлечь его на свою сторону.

Мнѣ сегодня пишутъ объ этомъ изъ Петербурга, гдѣ давно уже слѣдятъ за нимъ, отвѣтилъ Ѳедоръ Степановичъ.

— Я тоже думаю, что это очень важно, сказалъ Володя. — Если у нихъ дѣйствительно соціалистическая подкладка, то значитъ почва готовая.

— И еще какая почва-то! Народъ все грамотный, развитой, трезвый, зажиточный... подтвердилъ управляющій. — Но дѣло въ томъ, что самъ я не могу отлучиться туда на нѣсколько дней, да и слишкомъ это было бы замѣтно, въ Толошной меня знаютъ. Я хотѣлъ просить васъ съѣздить туда, повидаться съ Максютинымъ и пригласить его сюда...

Володя очень обрадовался.

— Что жь, это прекрасно, сказалъ онъ.

— Вотъ и поѣзжайте, продолжалъ Ѳедоръ Степановичъ. — Вы можете появиться тамъ подъ предлогомъ покупки древеснаго угля для завода, намъ нужно. Но только помните, что вы не должны входить ни въ какія подробныя объясненія, а только уговорить Максютина заѣхать ко мнѣ: дѣло, молъ, есть. Въ пропаганду ни въ какомъ случаѣ не пускайтесь, за нее надо осторожно взяться. Сектанты вѣдь изувѣры, однимъ неловкимъ словомъ можно все испортить.

«Ладно», подумалъ Володя, вовсе не расположенный стѣсняться инструкціями своего революціоннаго начальства.

На другой день рано утромъ ему заложили санки, и онъ уѣхалъ. Дорога шла лѣсомъ. Покормивъ лошаденку на пол-пути у лѣсника, онъ къ полудню былъ уже въ Толошной.

Деревня производила пріятное впечатлѣніе. Крѣпкія, просторныя избы, окруженныя всяческими хозяйственными застройками, свидѣтельствовали о достаткѣ; пьяные совсѣмъ не попадались. По разсчету Володи, здѣсь было дворовъ двѣсти. Ему тотчасъ указали избу самого Максютина. Семья сидѣла за обѣдомъ. Бойкій, здоровый парнишка лѣтъ десяти выскочилъ на дворъ и показалъ куда поставить лошадь.

— Пожалуйте, сударь, привѣтливо пригласилъ самъ хозяинъ, выйдя на крылечко.

Володя былъ пораженъ незначительностью его наружности. Максютинъ былъ совсѣмъ обыкновенный, сѣрый мужиченко лѣтъ сорока пяти, сутуловатый, лысоватый, съ согнутою шеею, толстоносымъ длиннымъ лицомъ и лохматою бородкою. Ничто въ немъ не напоминало питерщика и зажиточнаго хозяина.

— Откуда Богъ принесъ? спросилъ онъ, очищая гостю мѣсто на лавкѣ. Володя объяснилъ.

— Угля можно собрать, найдется, сказалъ хозяинъ.— Только сами мы торговлею не занимаемся.

— Бросили?

— Покончилъ въ Питерѣ еще.

Что же такъ? На покой кажется рано бы вамъ...

— Не для спокойствія, а собственно занятіе не показалось. Грѣха много.

— Какъ быть, безъ грѣха не проживешь.

— Потому-то самому и убѣгаемъ соблазна. Тутъ наше занятіе простое, какъ показано... Отъ трудовъ питаемся.

Молодуха, жена старшаго сына, убирала въ это время со стола, а мужъ ея, два младшіе брата и мать присѣли въ другомъ углу избы, и оттуда молча слушали бесѣду хозяина съ гостемъ. Володю это присутствіе домашнихъ очень стѣсняло.

— Я про васъ, Яковъ Капитонычъ, много наслышался отъ нашего управляющаго, Ѳедора Степановича, сказалъ онъ.

— Слыхалъ и я про него, молвилъ на это Максютинъ; — на заводѣ у васъ наши тоже работаютъ. Человѣкъ онъ по видимости хорошій, къ народу ласковъ.

— Онъ васъ очень почитаетъ, и когда узналъ, какъ начальство васъ притѣсняетъ и надругается надъ вами, то очень сокрушался, продолжалъ Володя.

Максютинъ при этихъ словахъ еще больше понурилъ голову.

— Въ міру неправды много, сказалъ онъ, и тотчасъ прибавилъ: — а больше все отъ неразумѣнія. Не разумѣетъ человѣкъ, какъ творить волю пославшаго, и оттого совращается въ неправду.

— А такихъ, что разумѣютъ, да лучше хотятъ соблюсти свою выгоду — развѣ мало? Между начальствомъ-то, да господами, все больше такіе бываютъ, замѣтилъ Володя. — Имъ лишь бы нажиться отъ нашего брата, а если какой начнетъ имъ правдою глаза колоть, такъ какъ бы молчать заставить. Вотъ его сейчасъ въ кандалы, да по судамъ таскать...

Максютинъ, наклонивъ голову, раза два изъ-подлобья взглянулъ на говорившаго.

— А вы, сударь, изъ какихъ будете? спросилъ онъ совершенно просто.

Володя хотя и приготовился заранѣе къ такому вопросу, но въ первую минуту невольно смѣшался.

— То-есть, какъ это? будто не понялъ онъ.

— Какого, то-есть, званія? пояснилъ Максютинъ.

— Я изъ мѣщанъ, отвѣтилъ Володя.

— Вышли значитъ въ ученье, молвилъ на это Максютинъ, и Володя понялъ, что́ онъ хотѣлъ сказать этою неясною фразою. Ученье, т.-е. господское ученье, очевидно, въ глазахъ сектанта равняло всѣ званія, и мѣщанинъ переставалъ быть мѣщаниномъ.

— Вамъ, Яковъ Капитонычъ, пришлось извѣдать, каковы у насъ порядки, продолжалъ Володя, торопясь возвратить разговоръ на прежнюю тему. — Потаскали васъ довольно по судамъ да по острогамъ за то, что хотѣли научить людей праведной жизни.

— Не мнѣ первому претерпѣть случилось, молвилъ на это спокойно Максютинъ.

— За то и честь вамъ большая отъ честныхъ людей. А вотъ что горько, что всякій у насъ можетъ надругаться надъ праведнымъ человѣкомъ, и защиты ему ни у кого нѣтъ.

Максютинъ вздохнулъ.

— Вѣры нѣтъ нынче въ людяхъ, оттого и неправда верхъ взяла, сказалъ онъ.

Володя былъ какъ будто озадаченъ такимъ заключеніемъ.

— Какой вѣры? переспросилъ онъ.

— Христіанской, отвѣтилъ совершенно просто Максютинъ.

— Что жь бы тутъ вѣра помогла? возразилъ Володя.

— А какъ же тутъ вѣрѣ не помочь? Вѣрующій человѣкъ развѣ не устыдится зла и не устрашится его дѣлать? пояснилъ Максютинъ.

Володя прекратилъ разговоръ, намѣреваясь возобновить его въ болѣе удобную минуту, когда они останутся вдвоемъ. Но каждая новая попытка убѣждала его, что Максютинъ крѣпко стоитъ на какой-то своей собственной точкѣ зрѣнія, и какъ будто даже не понимаетъ его мысли. Вечеромъ, когда домашніе уже улеглись спать, онъ замѣтилъ, что хозяинъ накинулъ на плечи тулупъ и вышелъ изъ избы. Володя тоже одѣлся, и пошелъ вслѣдъ за нимъ. Ночь была свѣтлая, на прозрачномъ небѣ мигали звѣзды, голубыя тѣни неподвижно лежали на снѣгу. Максютинъ сидѣлъ подъ стѣною на лавочкѣ, и повидимому о чемъ-то думалъ.

— Можно съ вами тутъ посидѣть? робко спросилъ Володя.

— Садитесь, сударь, предложилъ хозяинъ, и какъ будто усмѣхнулся.

Въ этомъ словѣ «сударь», съ которымъ постоянно обращался къ нему Максютинъ, и вообще въ его тонѣ, Володѣ чувствовалось что-то неодолимо препятствующее ихъ сближенію. Онъ хотѣлъ дать Максютину самому разговориться, и сталъ осторожно разспрашивать его о прежней жизни, о томъ, какъ онъ додумался до своего ученія, и въ чемъ оно состоитъ. Максютинъ не таился, разсказалъ все. Въ дѣтствѣ ему случалось бывать въ монастыряхъ, и замѣчать въ монашеской жизни, также какъ и въ жизни приходскаго духовенства, разладъ между сло-

вомъ и дѣломъ. Это заставило его обратиться къ евангелію, которое онъ изучилъ внимательно, сколько могъ понять. Потомъ, вступивъ въ практическую жизнь, онъ наблюдалъ на каждомъ шагу, что люди живутъ не по правдѣ, что воспиталась уже привычка считать заповѣдь евангельскую необязательною, явилось убѣжденіе, что жить по евангелію нельзя. А онъ этому не могъ повѣрить, не могъ подчиниться. Жизнь по правдѣ казалась ему не только возможною, но и несравненно прекраснѣйшею. Думая объ этомъ непрерывно, онъ пришелъ къ заключенію, что все зло происходитъ отъ розни людской, а рознь пошла оттого, что стали люди между собою дѣлить — что мое, а что твое. А надо, чтобы все было общее, и работа общая, и достатки общіе. Тогда люди привыкнутъ любить другъ друга, какъ училъ Христосъ. И чѣмъ больше онъ объ этомъ думалъ, тѣмъ больше убѣждался, что вѣра въ людяхъ исказилась, и что въ этой вѣрѣ нѣтъ спасенія. Мы въ церковь ходимъ, крещеніе и святое причастіе принимаемъ, священниковъ признаемъ, а правды и любви между нами нѣтъ; какая жь это вѣра? И вотъ онъ отвергъ таинства, пересталъ ходить въ церковь, и сталъ учить «по евангелію».

Володя слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ.

— А вы развѣ не слыхали о тѣхъ людяхъ, которые все это поняли и провозвѣстили, и которыхъ за это вѣшаютъ и разстрѣливаютъ? вдругъ спросилъ онъ.

Максютинъ помолчалъ.

— Читалъ я, гнали въ давнія времена апостоловъ и святыхъ мучениковъ, сказалъ онъ.

— А какъ вы думаете о тѣхъ, кого въ настоящее время казнятъ за то, что они возстаютъ противъ чиновниковъ и господъ? торопился Володя; — вѣдь и они ничего другаго не хотятъ, какъ уничтожить нынѣшніе порядки и завести такъ, чтобы каждый жилъ по правдѣ, чтобы земля была общая, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни знатныхъ, ни простыхъ...

Максютинъ посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Это, что царя извести хотятъ? молвилъ онъ.

— Царя они не трогали бы, еслибы не надо было уничтожить вообще всѣ нынѣшніе порядки, которые начальство поддерживаетъ и защищаетъ, продолжалъ Володя. — Пока эти порядки существуютъ, пока есть царское войско и царскіе чиновники, правды не будетъ, потому что нельзя подѣлить ни земли, ни капиталовъ.

— Какъ такъ подѣлить? спросилъ Максютинъ.

— Такъ, чтобы всѣмъ поровну, всякому одинаковая часть.

— Эко, сударь, какое вы слово сказали, усмѣхнулся Максютинъ. — Подѣлить! Христосъ нешто дѣлилъ? Кто хочетъ спастись, тотъ самъ отречется отъ богатствъ и прелестей мірскихъ. А то какая же правда — у богатаго отнять, да бѣдному дать? Этакая правда у васъ горше неправды будетъ.

— А вы много такихъ видали, что «отрекаются»? возразилъ уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ Володя.

— Это еще Христосъ сказалъ: легче верблюду въ ушко игольное войти, нежели богатому въ царствіе небесное. Спасеніе по вѣрѣ дается, отвѣтилъ Максютинъ.

«Не понимаетъ!» мысленно, съ горестью протестовалъ Володя. «Чортъ ихъ разберетъ, что они такое, эти народные изувѣры. Додумаются до такого раціонализма, о которомъ и въ Европѣ не мечтаютъ, докопаются до соціальной основы въ самомъ идеальномъ ея видѣ, а поскребешь ихъ — и окажется въ сущности тотъ же самый православный мужикъ, который Миколѣ-угоднику свѣчку ставитъ, и увѣренъ, что земля на трехъ китахъ стоитъ», думалъ онъ, сожалѣя, что не послушался Ѳедора Степановича, и не воздержался отъ неудачныхъ попытокъ. «Но только и Ѳедоръ Степановичъ не далеко съ нимъ уйдетъ», прибавлялъ онъ какъ бы въ утѣшеніе себѣ.

Глава VI.

Утромъ предъ отъѣздомъ Володя все-таки хотѣлъ исполнить порученіе.

— Надо бы вамъ, Яковъ Капитонычъ, заѣхать къ намъ на заводъ, сказалъ онъ Максютину. — Ѳедоръ Степановичъ велѣлъ очень просить васъ.

— Зачѣмъ бы надо такъ? спросилъ Максютинъ.

— Дѣло есть.

Максютинъ удивился.

— Я нынче ни торговлей, ни чѣмъ такимъ не занимаюсь, какое ко мнѣ дѣло можетъ быть?

— Право, заѣхали бы, потолковали бы съ Ѳедоромъ Степановичемъ, настаивалъ Володя. — Онъ васъ чрезвычайно уважаетъ, и если бы могъ отлучится съ завода, самъ бы пріѣхалъ къ вамъ. Поговорить найдется о чемъ.

Максютинъ скорбно склонилъ голову.

— Намъ это очень пріятно, и сами мы про Ѳедора Степановича много хорошаго наслышаны, но только вы люди ученые, а мы окромя духовнаго и не разумѣемъ ничего, потому для васъ и разговоръ нашъ ничего не стоющій, отвѣтилъ онъ, и въ голосѣ его опять заслышалась та подозрительная ироническая нотка, которая смущала и раздражала Володю.

— Ну, какъ хотите, сказалъ онъ досадливо. — Благодарю за хлѣбъ-соль.

— Не стоитъ того. А какъ съ углемъ-то? закупились-ли?

— Нашелъ немножко.

— Ну, слава Богу.

«Вѣдь смѣется», подумалъ Володя, обдергивая шлею. «Въ острогѣ сидѣлъ, а хуже парижскаго лавочника боится свѣжаго воздуха». И вдругъ спросилъ вслухъ:

— Правда это, Яковъ Капитоновичъ, будто вы въ судъ евангеліе принесли и требовали, чтобы судьи читали изъ него?

— Приносилъ, отвѣтилъ Максютинъ.

—И что же?

Яковъ Капитоновичъ помолчалъ.

— Гнѣвались очень, сказалъ онъ наконецъ, и тотчасъ прибавилъ какимъ-то рѣшительнымъ тономъ: — Ну, сударь, счастливаго пути! Много благодарны за честь.

Володя хлопнулъ возжей и поѣхалъ.

Онъ былъ страшно недоволенъ неудачей, и не только потому, что предстояло докладывать Ѳедору Степановичу о неуспѣхѣ своего перваго политическаго порученія, но и потому, что самое содержаніе дѣла очень его раздражало. Связь съ толошниковскими сектантами представлялась ему въ высшей степени важною: тутъ какъ-будто нащупывалась почва, революція встрѣчала опору въ народѣ. Настоящій народъ, какъ научили его еще въ «кружковщинѣ», составляли именно раскольники. И вдругъ одинъ изъ самыхъ видныхъ людей современнаго раскола не понялъ его, и не понялъ какъ-то злостно, иронически... Но если народъ безнадежно чуждъ революціи, то для кого же ее наконецъ дѣлать? Для Чубатаго, для князиньки, для жалкихъ отбросковъ жалкой интеллигенціи, на которыхъ онъ насмотрѣлся заграницей?

Размышленія его были внезапно прерваны самымъ неожиданнымъ образомъ. Онъ не замѣтилъ, какъ навстрѣчу ему подъѣхали маленькія американскія санки, запряженныя породистымъ рысакомъ, въ которыхъ сидѣлъ высокій, смуглый господинъ въ собольей шапкѣ и въ пальто съ такимъ же воротникомъ. А господинъ этотъ еще издали со страннымъ вниманіемъ приглядывался къ нему, какъ-будто узнавая и вмѣстѣ не вѣря своимъ глазамъ. Поровнявшись, онъ вдругъ остановилъ лошадь и окликнулъ его по имени.

Володя вздрогнулъ. Онъ уже почти отвыкъ отъ своего настоящаго имени. Быстро, съ испугомъ поднялъ онъ глаза, и тотчасъ узналъ Глѣба Дмитрича.

— Володя! Владиміръ Павловичъ! повторилъ Зимовьевъ, какъ бы все еще не довѣряя, не ошибся-ли онъ.

Володя жалостнымъ образомъ растерялся. Онъ не зналъ, отозваться-ли ему, прикинуться-ли, что въ немъ обознались, или просто стегнуть лошаденку и ускакать поскорѣе. Но Зимовьевъ, какъ бы предупреждая бѣгство, осадилъ лошадь и придвинулъ свою американку вплотную къ его санямъ.

— Какими судьбами вы здѣсь? что вы тутъ дѣлаете? спросилъ онъ.

Володя приподнялъ шапку.

— Я тутъ проѣздомъ, на короткое время, отвѣтилъ онъ.

— Васъ считаютъ заграницей!

— Я дѣйствительно живу заграницей, и завтра же опять туда уѣзжаю. А сюда меня звали знакомые... погостить.

Зимовьевъ все время пристально и пытливо смотрѣлъ ему въ глаза.

— Вы въ Петербургѣ были? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Володя, невольно избѣгая этого допрашивающаго взгляда.

— Вы неправду говорите! сказалъ Глѣбъ Дмитричъ.

Онъ отстегнулъ полость, соскочилъ съ саней, и подойдя къ Володѣ, взялъ его за руки.

— Послушайте, вамъ незачѣмъ отъ меня таиться, я знаю куда васъ сманили и зачѣмъ вы здѣсь...

— Что вамъ за дѣло до меня? рѣзко прервалъ его Володя.

— Что мнѣ за дѣло? Я старый другъ вашего отца, я видѣлъ какъ онъ страдаетъ, тревожится...

— Отецъ долженъ забыть, что я существую на свѣтѣ! тѣмъ же рѣзкимъ тономъ возразилъ Володя.

— Но онъ не забылъ, а неизвѣстность убиваетъ его, продолжалъ Зимовьевъ. — Послушайте, мы не даромъ здѣсь встрѣтились. Вы еще такъ молоды, вамъ есть время опомниться, примириться съ отцомъ. Вы вѣроятно

не знаете, какъ велико его горе, но я видѣлъ, я знаю. Я знаю, что онъ можетъ простить васъ...

Мучительное смятеніе выражалось въ глазахъ Володи. За минуту свѣжее отъ морознаго воздуха, лицо его было блѣдно.

— Если можетъ... пусть проститъ, проговорилъ онъ съ усиліемъ, и губы его какъ-то по-дѣтски покривились, какъ-будто онъ готовъ былъ расплакаться.

— А вы? стремительно спросилъ Зимовьевъ.

— А я не могу вернуться... въ волненіи отвѣтилъ Володя.

Глѣбъ Дмитричъ замѣтилъ это волненіе, и счелъ его за благопріятный признакъ.

— Но вѣдь вы не до такой степени замѣшаны и компрометированы, чтобы для васъ не было возврата, продолжалъ онъ. — Васъ увлекли, вы почти ребенокъ были, на ваше раскаяніе должны взглянуть благосклонно. Довѣрьтесь мнѣ, у меня есть связи, я буду хлопотать. Если не для меня, то для вашего отца сдѣлаютъ больше, чѣмъ для другаго.

Володя отрицательно покачалъ головою.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу... Вы очень добры, благодарю васъ.

И онъ подобралъ возжи. Глѣбъ Дмитричъ удержалъ его за руку.

— Можетъ быть вы... считаете себя безвозвратно связаннымъ съ *ними?* думаете, что *они* не захотятъ возвратить вамъ свободу? продолжалъ онъ, и голосъ его звучалъ все дружественнѣе, горячѣе и ласковѣе. — Полноте, когда вы сбросите съ себя эту петлю, вы сами увидите, что то были пустые страхи. Гдѣ вы? у кого? Я васъ возьму пока къ себѣ, у меня никто не осмѣлится васъ тронуть.

Володя нетерпѣливо высвободилъ руку.

— Глѣбъ Дмитричъ, вы напрасно хлопочете убѣдить меня... проговорилъ онъ. — Я отрѣзанный ломоть, съ моей дороги не возвращаются. И не старайтесь отыскать меня, я завтра же уѣзжаю изъ этихъ мѣстъ. Все, что я могу сказать—просить забыть меня. Прощайте.

Онъ съ силой ударилъ возжами; лошадь рванула и понесла по скрипучему снѣгу.

Глѣбъ Дмитричъ, въ раздумьи, шагомъ ѣхалъ знакомою лѣсною просѣкой. Что могъ онъ еще сдѣлать? Безполезно было бы искать, онъ всегда имѣлъ возможность скрыться раньше, чѣмъ нападутъ на его слѣдъ. Написать отцу? но что могъ онъ сообщить утѣшительнаго? Простое извѣстіе о встрѣчѣ только растревожитъ незажившую рану, возбудитъ новыя опасенія. Лучше промолчать...

Дома ему доложили, что его дожидается управляющій изъ Волчьяго Дола. Зимовьевъ удивился. «Что такое могло ему понадобиться?» подумалъ онъ, и на мгновенье странное, щемящее и робкое чувство стѣснило ему грудь.

Илья Петровичъ вошелъ вслѣдъ за нимъ въ кабинетъ, осторожно скользя по ковру своими коротенькими, обутыми въ какую-то неслышную обувь ногами.

— Здравствуйте, какъ васъ Богъ милуетъ? встрѣтилъ его Зимовьевъ.

— Покорнѣйше благодарю; милуетъ Господь по своему долготерпѣнію. Какъ дражайшее здоровье? Давненько-таки не доводилось видѣться, не смѣлъ безпокоить. Хотѣлъ, не одинъ разъ хотѣлъ засвидѣтельствовать неизмѣнное почтеніе, да все какъ-то думалось — не обезпокою-ли какъ-нибудь? — заговорилъ Миловановъ, и извлекши каемчатый фуляръ, по обыкновенію взялъ его двумя пальцами за средину и деликатно встряхнулъ.

— Садитесь, разскажите, что у васъ новаго, пригласилъ Зимовьевъ.

Миловановъ подвинулъ стулъ, оглядѣлъ его, и опустился съ такою осторожностью, какъ-будто опасался, что вдругъ его изъ подъ него выдернутъ.

— Новаго у насъ, достопочитаемый Глѣбъ Дмитричъ, нынче не мало, сказалъ онъ, и плутоватое лицо его приняло загадочно-безстрастное выраженіе. — Если бы не игра судьбы моей, то и не осмѣлился бы я наскучать вамъ моимъ посѣщеніемъ.

— Вашей судьбы? переспросилъ Зимовьевъ, у котораго интересъ къ новости быстро отлетѣлъ.

— Старинные и любимые въ свое время авторы сравнивали жизнь человѣческую съ челномъ, носимымъ по волѣ вѣтра въ безбрежности океана... запѣлъ Миловановъ, слегка встряхивая платочкомъ. — Конечно, самое слово безбрежность показываетъ, сколь малаго вниманія заслуживаютъ превратности человѣка незначительнаго.

— Что же такое съ вами случилось? вы меня пугаете... прервалъ Зимовьевъ.

Миловановъ собралъ мягкія складки лица.

— Случилось, что послѣ многолѣтнихъ трудовъ моихъ и въ преклонномъ возрастѣ, принужденъ я взять посохъ свой, и покинувъ тихое пристанище жизни, проводить остатокъ дней въ скитаніи... объяснилъ онъ, и прикрылъ платочкомъ ротъ. Затѣмъ бережно сложилъ этотъ платокъ и опустилъ въ карманъ, какъ бы поймавъ и завернувъ въ него вырвавшійся изъ груди слабый вздохъ.

— Какъ, вы покидаете Волчій Долъ? удивился Зимовьевъ.

— Съ истиннымъ сокрушеніемъ и горестью, подтвердилъ Миловановъ.

— Но почему же? спросилъ Зимовьевъ.

Миловановъ снова вздохнулъ, хотя лицо его рѣшительно не выражало ни сокрушенія, ни горести.

Онъ помолчалъ и замысловато прищурился.

— Развѣ не слыхали? закинулъ онъ.

— Что же такое? спросилъ съ возвратившеюся тревогой Глѣбъ Дмитричъ.

— Продали вѣдь! объяснилъ Миловановъ. — Пустобрюхова изволите знать?

— Ну?

— Купилъ! Давно желалъ, и наконецъ купилъ.

И какія-то торжествующія искры блеснули при этомъ въ глазахъ Милованова, свидѣтельствуя, что совершившаяся покупка прошла не безъ вліянія на улучшеніе его собственнаго быта.

Глава VII.

Глѣбъ Дмитричъ, пораженный извѣстіемъ, всталъ и нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ былъ почти подавленъ цѣлымъ рядомъ мгновенно нахлынувшихъ ощущеній и соображеній. Какимъ-то неопредѣленнымъ укоромъ отозвалась въ немъ новость. Эта поспѣшная, ничѣмъ не вынужденная продажа великолѣпнаго имѣнія носила характеръ печальной рѣшимости, съ какою глубоко-возмущенное сердце торопится раздѣлаться навсегда съ прошедшимъ, перенося уязвленное и мстительное чувство даже на самыя мѣста, омраченныя злыми воспоминаніями.

— Но почему вдругъ понадобилось продать Волчій Долъ? спросилъ онъ почти враждебнымъ тономъ Милованова.

Тотъ сдѣлалъ значительное лицо.

— Можно сказать, что случилось это дѣйствительно вдругъ, какъ бы по какому непостижимому для моего ума руководительству, отвѣтилъ онъ. — Прошедшею весной, въ скорости по возвращеніи вашемъ изъ Петербурга, отписала ко мнѣ Марья Ивановна весьма кратко, что онѣ съ барышней Ларисой Григорьевной изволятъ отъѣзжать въ чужіе края, и что какъ Пустобрюховъ еще ранѣе, при послѣдней болѣзни покойнаго Григорія Никитича, охотился имѣніе купить, на что Марья Ивановна тогда даже неудовольствіе выразила, то войти съ нимъ въ переговоры и рѣшительную цѣну его узнавъ, не медля ни мало отписать о томъ. Очень это меня тогда поразило и даже произвело смятеніе въ мысляхъ и сердечную боль; однако, исполняя хозяйскую волю, я съ Пустобрюховымъ дѣло повелъ. А какъ цѣну онъ предлагалъ почти несоотвѣтствующую, то отписалъ я къ Марьѣ Ивановнѣ уже въ чужіе края, что молъ не изволятъли онѣ съ этимъ помедлить, такъ какъ выищутся можетъ быть и другіе покупатели, и тогда мой разговоръ совсѣмъ

иной будетъ. Признаться, подумалось мнѣ тогда и о васъ, потому имѣнье, сами знаете, превосходное, для хозяина золотое дно. Однако, Марья Ивановна ничего этого близко не приняли и изволили отвѣтить какъ бы даже съ неудовольствіемъ, чтобы ни съ кѣмъ, кромѣ какъ съ Пустобрюховымъ, разговора не имѣть и съ дѣломъ отнюдь не тянуть. Приписали тоже, что жить въ Волчьемъ Долѣ никогда больше не желаютъ, а имѣютъ совсѣмъ другаго рода намѣренія. Тутъ у меня, признаться вамъ, образовалось въ мысляхъ, какъ-будто всему этому причиной барышня, Лариса Григорьевна...

Милованов при этихъ словахъ какъ-то бокомъ взглянулъ на Зимовьева, и вынувъ опять платочекъ, встряхнулъ имъ.

— Отчего же это у васъ такъ образовалось въ мысляхъ? спросилъ тѣмъ же враждебнымъ тономъ Глѣбъ Дмитричъ.

— Не знаю, не могу объяснить! Бываетъ это у меня, что вдругъ явится какъ бы какое озареніе... запѣлъ Милованов. — По отъѣздѣ-то ихнемъ я вѣдь все о нихъ думалъ непрестанно, и особливо какъ вы къ нимъ изъ чужихъ краевъ въ Петербургъ пріѣхали... Сижу у себя, въ управительскомъ своемъ домикѣ, какъ бы въ одичаніи, а самъ все о нихъ думаю, и благодарю Всевышняго. Ибо все устроятъ... Иной, вотъ какъ Ипполитъ Сергѣичъ Нестужевъ — вознесется, возмечтаетъ...

— Ну, а какъ же съ Пустобрюховымъ? прервалъ его Глѣбъ Дмитричъ.

Милованов пересталъ пѣть, и заговорилъ дѣловымъ тономъ:

— Съ Пустобрюховымъ дѣло я повелъ быстрѣйшимъ образомъ, и хотя онъ, доложу вамъ, плутъ и гордецъ какихъ мало, однако извлекъ я изъ него уступочки не малыя — и по хозяйственному инвентарю, по особой описи и оцѣнкѣ, надбавку свыше ста рублей, и шкапчикъ краснаго дерева, что у Ларисы Григорьевны въ комнатѣ стоялъ — ему, сиволапому, на что? Да еще коверъ чуднѣйшій, древній... А въ шкапчикѣ-то медальонъ фарфо-

ровый — сказывали мнѣ, въ Петербургѣ за эти вещи большія деньги даютъ.

По голосу и лицу Милованова можно было думать, что онъ говоритъ совершенно серьезно. Онъ съ видомъ торжества взмахнулъ платочкомъ.

— Карету, что покойный Григорій Никитичъ ѣзжалъ, изволите помнить? Въ шестьдесятъ рублей вѣдь онъ поставилъ, говоритъ: въ ломъ. А я и привязался къ слову: ломайте, говорю, будемъ вѣсить, сколько потянетъ? Десять рублей накинулъ...

Глѣбъ Дмитричъ не слушалъ его. Ему представилась толстая фигура Пустобрюхова, распоряжающаяся въ Волчьемъ Долѣ, прохаживающаяся по комнатамъ, гдѣ еще все было полно Ларисой, гдѣ стояла ея мебель, гдѣ онъ помнилъ каждый уголокъ... Представилось, какъ нагнанные новымъ хозяиномъ рабочіе тащатъ на чердаки и въ сараи старинное убранство дома, опустошаютъ оранжерею, рубятъ столѣтніе дубы и вязы въ саду, насаженные прадѣдомъ. На расчищенномъ мѣстѣ вѣроятно возникнетъ каменное зданіе винокурни, или паровая мукомольня... Можно бы найти для нихъ и другое мѣсто, но кулацкій глазъ не переноситъ садовъ — зачѣмъ мнѣ еще дармоѣда-садовника держать...

— Что же Пустобрюховъ намѣренъ сдѣлать съ усадьбой? Питейную контору въ ней помѣститъ? спросилъ Глѣбъ Дмитричъ.

— Помилуйте, какъ можно, самъ жить хочетъ! отвѣтилъ Миловановъ. — Сподручно, говоритъ: и городъ близко, и станція подъ рукой. Эхъ, Глѣбъ Дмитричъ, кабы эта покупка, да вамъ! Я-то, признаться, думалъ, что еще и лучше того устроится... вѣдь видишь тоже, замѣчаешь...

— А гдѣ теперь... Марья Ивановна? За границей? перебилъ, хмурясь, Зимовьевъ.

— Въ Петербургѣ, недавно вернулась... А вѣдь я, Глѣбъ Дмитричъ, откроюсь вамъ, согрѣшилъ. Какъ стали мы съ Пустобрюховымъ перебирать утварь разную въ домѣ, соблазнился я, покорыствовался. Въ комодикѣ-то у Ларисы Григорьевны портретецъ ихній позабытъ оказал-

ся. Маленькій, и не знаю на чемъ такомъ сдѣланъ, а должно быть штучка не дурная. Въ третьемъ году итальянецъ къ нимъ пріѣзжалъ, такъ онъ должно-быть и дѣлалъ. Вотъ, извольте взглянуть.

И Миловановъ досталъ изъ кармана медальонъ, писанный на слоновой кости, и оправленный въ блѣдно-зеленую плюшевую раму. Глѣбъ Дмитричъ посмотрѣлъ и положилъ на столъ.

— Вамъ слѣдовало бы отослать его къ Ларисѣ Григорьевнѣ, сказалъ онъ.

— Слѣдовало бы, знаю, что слѣдовало бы, но искусился! Зачѣмъ, думаю, Ларисѣ Григорьевнѣ свой собственный портретецъ? А мнѣ память дорога... продолжалъ Миловановъ. — И доложу вамъ по истинной правдѣ, была у меня тутъ мысль... мнѣ, конечно, пріятно было бы сохранить, но вещица-то ужь больно хороша, изящество! Дай, думаю, свезу къ Глѣбу Дмитричу, можетъ быть понравится — предложу ему отъ искренняго сердца...

Зимовьевъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Благодарю васъ, я не могу принять, сказалъ онъ сухо.

Миловановъ, нѣсколько смущенный, прибѣгнулъ къ помощи фуляра.

— Кхе, кхе... поперхнулся онъ. — Оно, конечно, глупо это я разсудилъ; потому, еслибъ изъ собственныхъ рукъ, въ знакъ вниманія и сердечнаго расположенія... А то чрезъ меня, утаенное...

— Вы какъ же теперь думаете: останетесь въ этихъ мѣстахъ, или уѣдете куда-нибудь? перебилъ его Глѣбъ Дмитричъ.

— Думаю я переѣхать на жительство въ столицу, въ Петербургъ, отвѣтилъ Миловановъ. — Старъ становлюсь, и поступать на мѣсто къ кому-нибудь изъ здѣшнихъ помѣщиковъ, свыкаться съ новымъ человѣкомъ, тяжело мнѣ было бы. Пора, думаю я, своимъ домкомъ зажить.

— Но что же вы въ Петербургѣ будете дѣлать? спросилъ Зимовьевъ.

Милованов разостлал платочек на колѣняхъ, и принялся медленно складывать его.

— Думаю я остатокъ дней моихъ посвятить на пользу нуждающемуся человѣчеству, отвѣтилъ онъ. — Благодареніе Всевышнему, трудами и бережливостью скопилъ я въ теченіи жизни малый капиталецъ, и хочу теперь, не какъ рабъ лѣнивый и лукавый, зарывшій таланъ въ землю, но въ сознаніи обязанностей предъ ближнимъ своимъ, помочь страждущему и притѣсненному, поддержать впавшаго въ нужду отца семейства, утереть слезу вдовицѣ...

Зимовьевъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Вы намѣрены посвятить себя благотворительности? спросилъ онъ съ явнымъ недовѣріемъ.

— Именно, благотворительности, дѣйствительно слѣдуетъ такъ назвать, кхе... Дѣло истинной пользы и блага... Не тщеславія ради, подобно богатымъ, что раздаютъ помощь свою какъ милостыню и тѣмъ поощряютъ праздность, тунеядство и безпечность, но оказывать буду по мѣрѣ силъ моихъ помощь разумную и осмотрительную, подъ обезпеченіе или поручительство, и съ приращеніемъ фонда, дабы нерадивый не растратилъ и у трудящагося не отнялъ.

Глѣбъ Дмитричъ не могъ скрыть улыбки.

— То-есть, будете деньги въ ростъ давать? догадался онъ.

Милованов стыдливо хихикнулъ.

— Но съ разборомъ, Глѣбъ Дмитричъ, съ разборомъ! Въ тѣхъ только случаяхъ, когда помощь во благо, а не въ соблазнъ.

— Желаю вамъ успѣха, сказалъ Зимовьевъ, и всталъ.

Милованов тоже поднялся.

— А вѣдь я къ вамъ, Глѣбъ Дмитричъ, собственно по дѣлу заѣзжалъ, да такъ вотъ заболтался и о главномъ-то не сказалъ до сихъ поръ ни слова, заговорилъ онъ. — А дѣло выходитъ совсѣмъ особаго и деликатнаго свойства.

— Что же такое? спросилъ Зимовьевъ.

— Разрѣшите присѣсть и изложить все по порядку, продолжалъ Миловановъ, снова опускаясь въ кресло. — Изволите вы можетъ быть припомнить, что проживалъ здѣсь нѣкогда мелкопомѣстный дворянинъ Сверловъ, высокій такой, съ большою бородой, и всегда въ русскомъ платьѣ ходилъ? Имѣньице у него небольшое подлѣ Волчьяго Дола было.

— Какъ же, помню. Онъ на цыганкѣ какой-то женатъ былъ.

— Именно, онъ самый. Жену его звали Настасья Ивановна, и красавица она была, какихъ можетъ быть и между московскими цыганками не бываетъ, продолжалъ Миловановъ. — Роста-то небольшаго, да тонкая, тальицу кажется двумя пальцами обхватишь, а плечи круглыя, безъ косточки. Ручки, ножки — любая барышня позавидовала бы; а ужь глаза — извѣстно какіе у цыганокъ-то глаза бываютъ. И голосъ... Онъ на гитарѣ чудесно игралъ, а она бывало запоетъ... такъ это у нихъ, я вамъ доложу, выходило, такъ выходило...

Миловановъ зажмурилъ глаза съ выраженіемъ несказаннаго упоенія, и поднявъ платочекъ, медленно помахивалъ имъ въ воздухѣ.

— Вы въ нее влюблены должно быть были, улыбнулся Зимовьевъ.

— Нѣтъ-съ, что ужь тамъ влюбляться, она въ мужѣ своемъ души не чаяла, защищался Миловановъ. — И надобно сказать, странный онъ былъ человѣкъ, но рѣдкаго ума и сердца. Образованность большую имѣлъ, книжки на всѣхъ языкахъ читалъ, и стихи сочинялъ въ журналахъ. Но слабость имѣлъ — зашибался немножко. Черезъ это самое никогда съ помѣщиками не водился, и съ виду угрюмъ былъ. А я къ нему большую питалъ пріязнь, и частенько у нихъ гащивалъ.

— Но въ чемъ же собственно дѣло-то? перебилъ Зимовьевъ.

— А вотъ, позвольте. Можетъ быть знаете также, что лѣтъ пять назадъ этотъ самый Сверловъ померъ. Осталась Настасья Ивановна одна съ дочкой Уленькой. Ну,

женщина она была не глупая, въ хозяйствѣ свѣдущая, имѣньицемъ управилась не хуже покойника, лучше даже. Для Уленьки и учительница изъ Москвы была выписана, и фортепьянъ отличный — все, знаете, какъ слѣдуетъ. Образованіе дала, какъ же. Только, разумѣется, какъ дѣвочка росла одна на хуторѣ, безъ всякаго общества, дикости въ ней еще много осталось. А прошедшимъ лѣтомъ Настасья Ивановна-то захворала, да и померла. Осталась Уленька, изволите видѣть, круглою сиротой, а дѣвочкѣ-то ужь семнадцать лѣтъ. Предъ смертью Настасья Ивановна безпокоилась о ней очень, просила не оставлять. Да и какъ бы ей одной на хуторѣ-то оставаться? Нечего дѣлать, перевезъ я ее тогда въ Волчій Долъ, думаю, все-таки у меня на глазахъ спокойнѣе ей будетъ. Имѣньице въ аренду сдалъ, устроилъ это. Ну, а вотъ теперь и не знаю я, какъ съ ней быть — въ Петербургъ мнѣ ее никакимъ образомъ везти невозможно, я человѣкъ одинокій, вдовый, какъ еще она тамъ въ чужомъ городѣ? И пришло мнѣ на мысль, зная ваше доброе сердце — не примите ли какого-нибудь участія въ сиротѣ? Управитель у васъ семейный, люди они простые, добрые — если бы ваше согласіе было, Уленька могла бы у нихъ пристроиться... Безъ васъ, надо правду сказать, придется сироту на волю Божію кинуть: никого у меня тутъ нѣтъ такого.

Глѣбъ Дмитричъ подумалъ.

— Что жь, я готовъ попросить жену управляющаго, она дѣйствительно женщина добрая, сказалъ онъ. — Привезите вашу цыганочку.

Глава VIII.

Милованов воспользовался разрѣшеніемъ на другой же день, и не заставъ Глѣба Дмитрича дома, оставилъ Уленьку у управляющаго. Онъ впрочемъ еще раньше переговорилъ съ нимъ и заручился его согласіемъ, но изъ тончайшихъ соображеній скрылъ объ этомъ отъ Зимовьева, предпочитая, чтобы тотъ какъ бы самъ помѣстилъ и устроилъ дѣвочку. Онъ разсчитывалъ, что въ такомъ случаѣ Глѣбъ Дмитричъ будетъ больше интересоваться ею, и считать себя какъ бы отвѣтственнымъ за ея положеніе. Илья Петровичъ признавалъ себя большимъ сердцевѣдцемъ и знатокомъ человѣческой природы...

Управляющій, Семенъ Матвѣичъ Скудельниковъ, происходилъ изъ мѣщанъ и не получилъ никакого образованія; но любилъ читать, и во многихъ отношеніяхъ оказывался человѣкомъ свѣдущимъ. Зимовьевъ цѣнилъ его за честность и сметливость, а еще больше за то, что онъ отлично ладилъ съ крестьянами, и не заводилъ никакихъ ссоръ и кляузъ. Глѣбъ Дмитріевичъ, живя по-долгу въ деревнѣ, самъ хорошо зналъ крестьянъ, и очень дорожилъ установившимися съ ними отношеніями добраго сосѣдства. Въ ученомъ агрономѣ онъ не нуждался, потому что лично руководилъ хозяйствомъ, а управляющихъ изъ нѣмцевъ рѣшительно не переносилъ, говоря, что гдѣ такой заведется, тамъ приходится съ крестьянами на ножахъ быть, и вообще деревенская жизнь теряетъ то, что составляетъ для него главную ея привлекательность.

Вечеромъ Семенъ Матвѣевичъ доложилъ, что барышню привезли и «устроили».

— А и славная жь какая барышня, прибавилъ онъ. — Моя Лизавета Степановна такъ ей рада, словно родной. Горе-то наше вы знаете — дѣтокъ Богъ не далъ.

Глѣбъ Дмитричъ сказалъ, что зайдетъ завтра съ ней познакомиться.

Ему Уля тоже понравилась. Тоненькая, съ маленькою головкой, съ покатыми и еще узкими плечами, она сидѣла у окна и прилежно расшивала узоромъ полотенце. Въ ея наружности оригинально соединились брюнетка и блондинка; блѣдно-смуглая кожа, черныя брови и свѣтлые, двухъ оттѣнковъ волосы: коса золотистая, съ отливавшими на солнечномъ свѣтѣ искрами, а около лба короткія и крупныя пряди гораздо холоднѣе тономъ, почти серебристыя. Отъ этой странной игры тоновъ казалось, какъ-будто на ея изящной головкѣ постоянно лежитъ какое-то случайное, эффектное освѣщеніе.

При входѣ Зимовьева, Уля приподнялась со стула и поклонилась, придерживая лежавшую на колѣняхъ работу.

— Я очень хорошо помню вашего покойнаго отца, сказалъ Глѣбъ Дмитричъ, поздоровавшись съ нею. — Мнѣ будетъ въ высшей степени пріятно чѣмъ-нибудь быть полезнымъ вамъ.

Уля поблагодарила, съ сдержаннымъ любопытствомъ раскрывъ большіе, черные, продолговатые глаза. Зимовьевъ, встрѣтившись съ ними, невольно вспомнилъ замѣчаніе Милованова о глазахъ ея матери.

— Пожалуйста, распоряжайтесь у меня чѣмъ вамъ угодно, предложилъ онъ. — Посмотрите мою библіотеку, она къ вашимъ услугамъ; и рояль у меня найдете, вы вѣроятно любите музыку?

— Очень люблю, сказала она.

— Вы меня нисколько не стѣсните, если будете приходить играть когда только вамъ вздумается, продолжалъ Зимовьевъ. — Или, можетъ быть, прислать рояль къ вамъ сюда?

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ, поспѣшно отказалась Уля.

— Во всякомъ случаѣ, все это въ полномъ вашемъ распоряженіи. Теперь зима, гулять негдѣ, но если вамъ вздумается покататься, прикажите заложить санки — вообще, я васъ очень прошу, не стѣсняйтесь и не церемоньтесь. Я человѣкъ одинокій и почти праздный, помѣшать

мнѣ нельзя, и я буду крайне радъ доставить вамъ какъ можно больше удовольствія и удобства.

— Вы очень добры, поблагодарила Уля, и такъ просто и мило улыбнулась и присѣла при этомъ, что Глѣбъ Дмитричъ совсѣмъ не могъ понять, гдѣ это Миловановъ нашелъ въ ней какую-то дикость.

Онъ пожалъ ей руку.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы не въ шутку считали, что ваше жилище не ограничивается этимъ домикомъ, но одинаково распространяется и туда, сказалъ онъ, улыбаясь и показывая на господскій домъ.

На другой день онъ уѣхалъ въ губернскій городъ, гдѣ только-что открылось земское собраніе, и пробылъ тамъ больше недѣли. Съѣздъ былъ многолюдный и даже шумный. На очереди оказалось дѣло довольно скандальнаго характера, обнаружилась растрата суммъ въ одномъ изъ земскихъ учрежденій. Господа гласные спорили, сплетничали, выворачивали изнанку, аплодировали и тому, кто торжественно взывалъ къ общественной совѣсти, и тому, кто мудро предлагалъ не выносить сору изъ избы. Въ концѣ концовъ рѣшили удовольствоваться тѣмъ, что главный виновникъ скандала покорно сложилъ съ себя свои почетныя обязанности, не дожидаясь баллотировки. Господинъ Грешановъ выступилъ защитникомъ темной народной массы, и въ великолѣпной рѣчи, которой не рукоплескали только чуткіе до новыхъ налоговъ гласные изъ крестьянъ, доказывалъ необходимость ввести обязательное обученіе для дѣтей обоего пола, и установить несмѣняемость народныхъ учителей. Но несмотря на весь шумъ и азартъ, обнаруженный въ собраніи, нельзя было не замѣтить чувства какого-то угнетенія и какъ бы растерянности, выражавшагося и на лицахъ, и въ рѣчахъ провинціальныхъ обывателей: всѣ точно чѣмъ-то смущены были, чего-то ждали, что-то у всѣхъ наболѣло на душѣ. Петербургскія газеты какъ разъ въ это время принесли ужасающія подробности взрыва въ Зимнемъ дворцѣ. Даже тѣ, у кого ни одной здоровой мысли никогда не моталось въ головѣ, почувствовали негодованіе и

стыдъ. Провинція недоумѣвала, и это было мучительное, разлагающее недоумѣніе...

Глѣбъ Дмитричъ выѣхалъ изъ города еще болѣе мрачный, чѣмъ ѣхалъ туда. Нужно было слишкомъ много душевной бодрости, чтобы продолжать ждать и надѣяться. Будущее представлялось такимъ зловѣщимъ, а вблизи — никакой опоры, ни одного свѣточа. Какая-то враждебная, злая сила копошилась во мракѣ, пугая и сама пугаясь, отравляя воздухъ и распространяя маразмъ. Въ этой темнотѣ терялось различіе между тѣми, кто служитъ этой злой силѣ, и тѣми, кто борется съ нею. Одни постыдно бездѣйствовали, другіе малодушно увлекались, третьи не вѣдали, что творили; четвертые, вытянувъ шею и направивъ носъ по вѣтру, усиливались вынюхать завтрашняго тріумфатора. Мысль отказывалась понять безтолковую игру какихъ-то тѣней, глазъ видѣлъ только безпутное маханіе обезсиленныхъ рукъ. А народъ... «народъ безмолвствовалъ», по трагическому выраженію Пушкина.

Пріѣхавъ домой, Зимовьевъ, еще не входя въ кабинетъ, услышалъ громкіе звуки бетховенской сонаты.

— Барышня, Ульяна Васильевна, играютъ... доложилъ оробѣвшимъ тономъ слуга, который, не смотря на отданное распоряженіе, не былъ вполнѣ увѣренъ, можно-ли пускать барышню въ домъ въ отсутствіе барина.

Глѣбъ Дмитричъ совсѣмъ забылъ про Улю.

— Прекрасно, пускай играетъ, сказалъ онъ, и спросилъ, часто-ли она заходила сюда безъ него.

— Заходили, домъ осматривали, въ библіотекѣ книги перебирали, а то на фортепьянахъ играли, отвѣтилъ слуга.

Глѣбъ Дмитричъ расположился въ кабинетѣ и занялся полученными въ его отсутствіе письмами. Звуки сонаты продолжали раздаваться; потомъ ихъ смѣнилъ тихій аккомпаниментъ и свѣжее, сильное контральто. Зимовьевъ слушалъ. Странное, почти болѣзненное чувство стѣснило ему сердце. Уже много лѣтъ не раздавалось въ его домѣ пѣніе. Эти свободные, сильные и мягкіе звуки какъ-будто пробудили что-то, сорвали съ онѣмѣвшихъ

стѣнъ другіе, давно замолкшіе и мучительно ударившіе по нервамъ звуки...

Пѣніе наконецъ прекратилось, Уля вошла въ кабинетъ, и вдругъ, увидавъ Зимовьева, остановилась и вся вспыхнула.

— Когда жь это вы успѣли пріѣхать? вѣдь я не знала, что вы здѣсь! съ дѣтскимъ отчаяніемъ всплеснула она руками.

Глѣбъ Дмитричъ, улыбаясь, подошелъ къ ней и поздоровался.

— Я не хотѣлъ прервать васъ, сказалъ онъ, и прибавилъ: — у васъ прехорошенькій голосъ, и вы отличная музыкантша.

— Еслибъ я знала, что вы тутъ, я бы ни за что... проговорила, не умѣя еще отдѣлаться отъ смущенія, Уля.

Ея большіе, миндальной формы глаза почти со страхомъ смотрѣли на Зимовьева изъ подъ длинныхъ, темныхъ рѣсницъ, а руки такъ и остались сжатыми.

— Увѣряю васъ, для меня было очень пріятною неожиданностью услышать ваше пѣніе; уже сколько лѣтъ въ этомъ домѣ такъ тихо и мрачно, сказалъ Глѣбъ Дмитричъ, и въ голосѣ его невольно прозвучала глубокая грусть.

— Но вы привыкли въ этой тишинѣ, и вдругъ я... продолжала Уля и остановилась, сама не зная, какъ назвать свой проступокъ.

— И вдругъ вы напомнили, что есть музыка, пѣсня, молодость, жизнь? досказалъ Зимовьевъ. — Пожалуйста, напоминайте это почаще, вы не нарушите мою тишину, но сдѣлаете ее гораздо привлекательнѣе.

Уля посмотрѣла на него глазами, выражавшими смѣсь недовѣрія и любопытства.

— Хорошо, что я пѣла такое... обыкновенное! а то вѣдь я иногда Богъ знаетъ что пою или играю! Снова всплеснула она руками, и снова вспыхнула при мысли о такой угрожавшей ей опасности. Глѣбъ Дмитричъ разсмѣялся.

— Напримѣръ? спросилъ онъ.

— Да мало-ли что? иногда что-нибудь цыганское, или вообще... вообще такое, чего нельзя при васъ.

— Почему же нельзя?

— Да потому что... какъ же объяснить? словомъ, такое, что можно только для себя.

— А мнѣ вотъ именно такое хотѣлось бы услышать, сказалъ Зимовьевъ.

— Ну, ни за что! воскликнула Уля, и сдѣлала шагъ впередъ, чтобъ уйти.

— Позвольте, Ульяна Васильевна... остановилъ ее Глѣбъ Дмитричъ. — Я васъ просилъ не стѣсняться, быть безъ церемоній, располагать здѣсь всѣмъ, что вамъ понадобится. Это иногда говорится изъ простой любезности, а иногда серьезно. Я говорилъ совершенно серьезно. Увѣряю васъ, меня гораздо больше стѣснитъ, если я замѣчу, что вы не привыкаете ко мнѣ, не вѣрите, что ваше присутствіе никогда не можетъ мнѣ помѣшать.

— Благодарю васъ, я вѣдь приходила сюда каждый день безъ васъ, сказала Уля.

— Что жь, вы хотите, чтобъ я опять уѣхалъ куда-нибудь на цѣлую недѣлю? возразилъ, смѣясь, Глѣбъ Дмитричъ.

Уля тоже разсмѣялась, показавъ въ первый разъ свои ровные, бѣлые зубки.

— Нѣтъ, не хочу, а просто... мнѣ тамъ очень удобно, у Лизаветы Степановны, сказала она.

— Въ такомъ случаѣ я велю этотъ рояль перенести туда, къ вамъ, предложилъ Зимовьевъ.

— Да нѣтъ же! воскликнула Уля морща бровки и пожимаясь всѣмъ тѣломъ, съ выраженіемъ защищающагося отчаянія. — Я буду приходить сюда.

— Наконецъ-то! улыбнулся Глѣбъ Дмитричъ. — Не хотите-ли также выбрать книгъ? вы вѣрно любите читать?

— Mercі, очень люблю. Выберите сами, пришлите.

И она, поклонившись, быстро выбѣжала изъ кабинета.

Глава IX.

Глѣбъ Дмитричъ отобралъ нѣсколько томовъ русскихъ классиковъ, и отослалъ во флигель. Прошло затѣмъ два или три дня, Уля не показывалась. Идя разъ дворомъ, Зимовьевъ увидѣлъ ее сквозь тусклое двойное стекло, съ работой въ рукахъ; они издали поклонились другъ другу. Въ тотъ день вечеромъ, когда Семенъ Матвѣевичъ опять заговорилъ о ней, Глѣбъ Дмитричъ спросилъ, читаетъ-ли она книги, которыя онъ послалъ ей.

— Нѣтъ, не видалъ, чтобы читала, отвѣтилъ приказчикъ. — Посмотрѣла какъ принесли, велѣла благодарить, а не читала.

Зимовьевъ удивился.

— Попросите ее, чтобы зашла, выбрала бы сама, сказалъ онъ.

На другое утро Уля принесла книги.

— Отчего вы не читали ихъ? спросилъ Зимовьевъ.

— У меня эти всѣ есть, я ихъ наизустъ знаю, отвѣтила дѣвушка.

— Какъ же вамъ не стыдно было не отослать ихъ назадъ и не взять другія! упрекнулъ Глѣбъ Дмитричъ.

— Что же такъ часто безпокоить васъ, возразила Уля.

— Значитъ, все еще не вѣрите? улыбнулся Зимовьевъ.

— Что нельзя помѣшать вамъ? Какъ же это можно! вы привыкли тутъ всегда одни быть, вы...

Она вдругъ остановилась, какъ бы испугавшись того, что готово было сорваться съ языка, и даже прикусила губу бѣлыми краешками зубовъ.

— Что: «вы»?.. засмѣялся Зимовьевъ. — Говорите, я очень люблю, когда меня опредѣляютъ.

— Нѣтъ, ничего, отказалась Уля, и сбоку, любопытными и какъ бы изподтишка смѣющимися глазами взглянула на него.

— Пойдемте въ библіотеку, предложилъ Зимовьевъ. — Видите, по настоящему я самъ долженъ чувствовать себя сконфуженнымъ передъ вами, а не вы: я сдѣлалъ такой неудачный на первый разъ выборъ книгъ. Но я не подозрѣвалъ, что вы такая ученая. Все-таки, впрочемъ, въ этихъ шкапахъ найдется что-нибудь новое для васъ.

И онъ поочереди раскрылъ всѣ шкапы.

— Господи, этого кажется въ цѣлую жизнь не перечитаешь, воскликнула Уля, и на цыпочкахъ, вытянувъ шею, принялась читать на корешкахъ книгъ.

— Можно это? вопросительно обернулась она къ Зимовьеву, и провела пальчикомъ по ряду маленькихъ томиковъ Жоржъ-Занда.

Глѣбъ Дмитричъ пожалъ плечами.

— Выбирайте что хотите, я не берусь руководить вашимъ чтеніемъ, сказалъ онъ.

— Не беретесь? отчего? спросила какъ бы съ удивленіемъ Уля.

— Да оттого, что... можетъ быть у васъ уже есть свой собственный вкусъ.

— Нѣтъ, я бы хотѣла, чтобы вы мнѣ указывали; тутъ такъ много, не знаешь, съ чего начать.

— Попробуйте, пожалуй, что-нибудь изъ Жоржъ-Занда; мнѣ интересно будетъ узнать ваше впечатлѣніе, сказалъ Глѣбъ Дмитричъ, и отобралъ нѣсколько томовъ.

Уля забрала ихъ обѣими руками и хотѣла уйти.

— Вы не дадите сегодня послушать вашей музыки? остановилъ ее Зимовьевъ. — Тутъ между нотами навѣрное есть что-нибудь вамъ знакомое.

Уля послушно подошла къ этажеркѣ и перебрала нѣсколько тетрадокъ.

— Хотите это? спросила она, раскрывая рапсодію Листа.

— Пожалуйста.

Она проиграла нѣсколько страницъ.

— Спойте что-нибудь, попросилъ Зимовьевъ.

Уля подумала немножко, и наконецъ рѣшилась спѣть одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ романсовъ.

— А чего-нибудь цыганскаго не споете? предложилъ Глѣбъ Дмитричъ.

Уля только покачала головой, и сыграла что-то совершенно незнакомое ему. Это была какая-то странная музыкальная фантазія, почти непонятная вначалѣ, полная пестроты и недосказанности. Потомъ звуки становились все полнѣе, что-то поэтически-свѣжее обрисовывалось въ нихъ, звучало задоромъ и соблазномъ. Глѣбъ Дмитричъ слушалъ недоумѣвая, тщетно стараясь что-нибудь припомнить.

— Откуда вы это взяли? спросилъ онъ наконецъ.

— Это часто отецъ игралъ, только онъ никогда не записывалъ; я помню по слуху, отвѣтила Уля.

— То-есть, это его сочиненіе?

— Да, онъ много сочинялъ.

— И все такъ и пропало? Какъ это жаль! молвилъ Зимовьевъ.

Уля встала изъ за рояля.

— Онъ не придавалъ этому никакого значенія, а всѣ находили, что у него большой талантъ, сказала она со внезапно вспыхнувшимъ въ глазахъ оживленіемъ. — Невозможно было заставить его записать что-нибудь; онъ не доканчивалъ, переиначивалъ каждый разъ какъ игралъ, и вообще считалъ музыку чѣмъ-то «для себя». Вотъ, стиховъ послѣ него много осталось. Лучшихъ онъ тоже не хотѣлъ печатать, считалъ ихъ «для себя». То, что напечатано, по моему не даетъ о немъ понятія: слишкомъ холодно, а онъ совсѣмъ не такой былъ.

Уля, говоря, присѣла на маленькій диванчикъ между шкапами.

— Сколько вамъ было, когда умеръ вашъ покойный отецъ? спросилъ Зимовьевъ.

— Двѣнадцать лѣтъ; но я такъ помню, какъ-будто я совсѣмъ большая была, какъ-будто это еще вчера было... отвѣтила Уля, и лицо ея вдругъ стало такое печальное, жалкое...

— Какъ жаль, что мнѣ не было случая ближе узнать его, сказалъ Зимовьевъ; — а мамашу вашу я даже никогда не видалъ.

— И мама... ахъ, какая мама была хорошая... И никого, никого ужь нѣтъ... проговорила Уля, и прижала къ глазамъ свою узкую, розово-смуглую руку.

Глѣбъ Дмитричъ въ смущеніи сѣлъ подлѣ нея.

— Сколько вы ужь извѣдали горя! сказалъ онъ съ печальною ласковостью.

Ему хотѣлось чѣмъ-нибудь развлечь ее, успокоить, показать, какъ искренно онъ тронутъ. Но Уля сама отняла отъ глазъ руку и по-дѣтски встряхнула головой, какъ-будто отгоняя свою печаль.

— Что дѣлать! что было — не воротишь, проговорила она все еще грустно звенѣвшимъ голосомъ.

И взглянувъ на Зимовьева, она черезъ силу улыбнулась, точно извиняясь за свою некстати обнаруженную грусть.

— Какъ здѣсь хорошо, сколько статуй, и все какія чудныя! продолжала она, поведя глазами по стѣнамъ и нишамъ, въ которыхъ стыдливо бѣлѣлъ мраморъ и отливала темнымъ блескомъ бронза. — Мнѣ эта комната больше всѣхъ нравится у васъ въ домѣ. И еще кабинетъ; но тамъ я не рѣшалась ничего разглядывать.

— Я вѣдь только въ этихъ двухъ комнатахъ и живу, сказалъ Зимовьевъ.

— А что такое тамъ, за занавѣской? можно взглянуть? спросила Уля, и не дождавшись отвѣта, спрыгнула съ диванчика и отдернула драпировку.

Женскій портретъ въ тяжелой черной съ золотомъ рамѣ выступилъ въ слабомъ полусвѣтѣ угла. Уля остановилась предъ нимъ, внимательно вглядываясь сощуренными глазами въ прелестное лицо.

— Это ваша покойная жена? вопросительно повернула она голову къ Зимовьеву.

Онъ отвѣтилъ.

— Какая красавица! сказала Уля, и снова пристально обратила глаза на портретъ, словно вникая въ

него, словно усиливаясь угадать что-то загадочное, блуждавшее въ глубокихъ синихъ зрачкахъ и въ неопредѣленномъ очеркѣ губъ. — Господи, какъ хороша! повторила она, поведя съ выраженіемъ восторга плечами. — Бываютъ же такія... И живая, ну вотъ совсѣмъ живая... Но какое выраженіе! вдругъ добавила она совсѣмъ другимъ тономъ, и снова вопросительно взмахнула взглядомъ на Зимовьева.

У него при этомъ восклицаніи и взглядѣ что-то жуткое холодкомъ пробѣжало по нервамъ.

— Вамъ не нравится выраженіе? спросилъ онъ со внезапнымъ жаднымъ любопытствомъ.

— Мнѣ не нравится! отвѣтила Уля рѣшительно, и опять взглянула на Зимовьева. — Не вообще, а что-то одно... что-то такое, что не сейчасъ угадывается... Вообще — это красота, неописанная красота, какой я и не видѣла; но когда присмотрѣться, что-то удивляетъ въ ней, что-то такое, чего не надо. У нея что-то есть свое, и этого не надо.

— Какъ не надо? переспросилъ Глѣбъ Дмитричъ, внезапно и невольно испытывая жгучесть давно пережитыхъ впечатлѣній. — Я не совсѣмъ васъ понимаю.

— Я не знаю какъ сказать... только у нея что-то свое, отдѣльное, ну вотъ какъ-будто... нѣтъ, я не умѣю, да и не слушайте, я такой вздоръ говорю, перебила сама себя Уля, тогда какъ глаза ея жадно, но уже съ какимъ-то почти враждебнымъ выраженіемъ продолжали всматриваться въ портретъ, словно она и хотѣла, и не могла оторваться отъ него...

Глѣбъ Дмитричъ стоялъ за ея спиной, и тоже смотрѣлъ. «Какъ странно!» думалъ онъ. «Художникъ не могъ быть такимъ истолкователемъ. Ей что-нибудь разсказали». И лицо его приняло то сосредоточенное, мрачное выраженіе, которое вызываютъ сохранившія власть воспоминанія.

Уля наконецъ задернула драпировку и отошла, задумчивая и какъ-будто тоже невеселая.

— Отчего этотъ портретъ всегда закрытъ у васъ? спросила она.

Глѣбъ Дмитричъ промолчалъ. Уля взглянула на него, сѣла, и опять повела кругомъ глазами.

— Я никакъ не могу себѣ представить этотъ домъ, когда *она* жила тутъ, сказала она.

— Почему? спросилъ Зимовьевъ.

Уля вмѣсто отвѣта перемѣнила вопросъ:

— Вы были счастливы?

Лицо Глѣба Дмитрича еще болѣе нахмурилось.

— И да и нѣтъ, сказалъ онъ.

— Значитъ, я поняла! молвила Уля съ какимъ-то страннымъ оживленіемъ. — Еслибъ я любила такую женщину, мнѣ кажется, я никогда бы не могла повѣрить, что она меня любитъ.

— Вы что-нибудь слышали о ней? о насъ? спросилъ Зимовьевъ.

— Никогда! Илья Петровичъ говорилъ, что вы вдовецъ — молодой вдовецъ, какъ онъ выражался (Уля улыбнулась при этихъ словахъ), — больше я не разспрашивала. Про васъ, собственно про васъ, я ото всѣхъ слышала, отъ отца, отъ мамы... много, очень много... но о *ней* никогда! Только вѣдь это такъ ясно!

— Что ясно? спросилъ, все болѣе омрачаясь, Зимовьевъ.

Уля, заведя этотъ разговоръ, повидимому уже не замѣчала тяжелаго волненія, выражавшагося въ глазахъ и въ каждой чертѣ лица Зимовьева. Или можетъ быть она поняла, что лучше дать высказаться пробужденной горечи воспоминаній, чѣмъ остановиться на одномъ безцѣльномъ раздраженіи.

— Ясно, что вы ее любили, ужасно любили и не были счастливы, объяснила она. — Иначе никогда и не могло быть, потому что такая красота съ ума сводитъ, и другой можетъ быть былъ бы счастливъ, а вы не могли, никогда не могли.

— Развѣ вы такъ знаете меня? улыбнулся сквозь горькое чувство Зимовьевъ.

— Да, мнѣ кажется я знаю... самое главное... отвѣтила Уля. — Вы... для вашего счастья надо, чтобы женщи-

на принадлежала вамъ безусловно, рабски, чтобъ она уничтожилась предъ вами, поняла бы сама, что только такое и можетъ быть для васъ обоихъ прочное счастье. А тамъ (она указала глазами въ уголъ) этого нѣтъ, тамъ есть свое, отдѣльное... хитрое, лживое... Тамъ гадкое выраженіе, гадкое!

Невольно ея голосъ зазвучалъ громче на этихъ словахъ. Глѣбъ Дмитричъ не обратилъ вниманія. Онъ не замѣтилъ, что въ первый разъ, только въ первый разъ въ своей жизни онъ говорилъ о женѣ, и что это не было трудно. Онъ былъ озадаченъ только тѣмъ, что Уля сказала о женщинѣ-рабѣ, пораженъ ея опредѣленіемъ счастья. Онъ опять улыбнулся, но на этотъ разъ его улыбка какъ-будто была веселѣе.

— Вы беретесь сразу разгадать загадку, которую я никогда не могъ разрѣшить, сказалъ онъ.

— Люди такъ рѣдко понимаютъ самихъ себя, отвѣтила Уля.

«А Лариса?» мысленно возразилъ Глѣбъ Дмитричъ. «Неужели и съ ней я не былъ бы счастливъ? Раба... но рабу нельзя любить!» Онъ недовѣрчиво взглянулъ въ задумчивые глаза Ули.

— Вы еще не знаете, какъ капризно человѣческое сердце, сказалъ онъ.

И весь этотъ день онъ все думалъ о томъ, что она такъ быстро и съ такою увѣренностью объяснила ему... Онъ думалъ почти смѣясь надъ нею, почти оскорбляясь. «Раба... это конечно мудро и вѣрно. Съ барскими барынями, съ ключницами, съ краденными изъ табора Стешами, наши отцы и дѣды жили счастливо; этими преданіями полна всякая старая дворянская усадьба. Безгранично властвовать надъ женщиной, такъ, чтобъ она «уничтожилась», какъ говоритъ Уля — для такого счастія существуютъ только тѣ женщины, которыхъ мы не умѣемъ полюбить».

Глава X.

Глухой, темной ночью, когда мятель неистово крутила мелкія оледенѣвшія снѣжинки и выла во всѣхъ трубахъ, Володя сквозь сонъ услышалъ сильный стукъ въ дверь управительскаго домика, заглушаемый собачьимъ лаемъ. Освоившійся уже съ опасностями и предосторожностями «нелегальнаго» существованія, Володя быстро вскочилъ съ постели, подошелъ къ окну, и такъ какъ стекла были совсѣмъ занесены снѣгомъ, отворилъ форточку. Кто-то, закутанный съ головой не то въ пледъ, не то просто въ рогожу, стоялъ на крыльцѣ и прислушивался, потомъ снова принимался стучать. Собаки неистово заливались. «А, чтобъ васъ!» ругался неизвѣстный, отбиваясь ногами и палкой отъ рвавшихся на него собачьихъ мордъ.

Прошло можетъ быть минутъ десять прежде чѣмъ изнутри кто-то подошелъ къ двери и опросилъ. Затѣмъ дверь отворилась, и ночной посѣтитель вошелъ въ домъ. Володя, успокоившись, вернулся на постель и заснулъ.

Поутру, когда онъ еще не вставалъ, къ нему вошелъ Ѳедоръ Степановичъ съ замысловатымъ и какъ-будто радостнымъ лицомъ.

— Ничего не слыхали ночью? спросилъ онъ.

— Кто это пріѣхалъ? отвѣтилъ другимъ вопросомъ Володя.

— Изъ Петербурга, изъ нашихъ... да когда бы вы знали, кто! объяснилъ Ѳедоръ Степановичъ. — Столяръ, который въ Зимнемъ дворцѣ работалъ въ подвалѣ... Балдуровъ!

По лицу Володи пробѣжало что-то нервное, мучительное. Онъ только вчера прочиталъ въ газетахъ ужасающія подробности покушенія, и страшная картина окровавленныхъ, изуродованныхъ, размозженныхъ тѣлъ неотступно стояла въ его воображеніи, давила и терзала. Ему все казалось, будто онъ приложилъ руку къ этому

адскому дѣлу, и онъ чувствовалъ содраганіе каждаго нерва. Еще вчера онъ крикнулъ при Ѳедорѣ Степановичѣ: — это безсмысленно, это гнусно и подло! — и когда тотъ сталъ доказывать, что «дѣло требуетъ жертвъ», Володя ушелъ къ себѣ мрачный, подавленный угнетающими ощущеніями и думами, и весь день не показывался больше въ управительскомъ домѣ.

— Спитъ теперь какъ убитый, продолжалъ Ѳедоръ Степановичъ. — Онъ вѣдь отъ самой станціи цѣлый день пѣшкомъ шелъ, боялся подводу взять, а ночью мятель захватила — какъ это онъ еще дорогу нашелъ, ума не приложу. Тутъ опять, пришлось черезъ заборъ перелѣзать. Но ужь и натура же у него, я вамъ скажу — двужильная! Плечистый, силищи надо быть неимовѣрной. Изъ мужиковъ, изъ настоящихъ. Я было думалъ разспросить его, поговорить — куда! Спросилъ водки, выпилъ цѣлый стаканъ, и какъ былъ, такъ и завалился на диванъ. Къ завтраку приходите, я вамъ покажу эту штучку.

Володя на все это ничего не отвѣчалъ, и лежа съ открытыми глазами на постели, смотрѣлъ на низенькій потолокъ.

— Вотъ вы съ Марьей Яковлевной все скучали, что здѣсь и людей нѣтъ, и дѣла большаго нѣтъ, а теперь у насъ по другому пойдетъ! продолжалъ съ оживленіемъ Ѳедоръ Степановичъ. — *Онъ-то* не изъ мелочи! Вначалѣ, конечно, поостеречься придется, потому что его съ собаками теперь ищутъ, а потомъ онъ какъ возьмется за дѣло, такъ не по нашему. Я, положимъ, здѣсь давно, и опытность имѣю, но гдѣ жь мнѣ противъ него. Онъ настоящій, центральный...

Къ завтраку были поставлены разныя водки, сыръ, и даже коробка съ сардинками; бывшій учитель очевидно хотѣлъ угостить пріѣзжаго не на шутку. «Центральный человѣкъ», впрочемъ, выпилъ только водки и принялся за жареную утку, а мелочью совсѣмъ не занялся. Онъ повидимому былъ голоденъ и ѣлъ съ жадностью. На Марью Яковлевну взглянулъ только сбоку, словно спрашивая: «а эта подстега чего тутъ?», но на Володю по-

смотрѣлъ пристально и не одинъ разъ, и когда Володя отвѣтилъ ему такимъ же упорнымъ, вызывающимъ взглядомъ, на толстыхъ губахъ Балдурова появилась непріятная усмѣшка, какая бываетъ у «непомнящихъ» арестантовъ при допросѣ. Ѳедоръ Степановичъ старался навести разговоръ на послѣднюю катастрофу; его снѣдало любопытство, онъ былъ увѣренъ, что есть подробности, не попавшія въ газеты. Балдуровъ однако распространялся мало, отзываясь кратко, что «дѣло было налажено важно, малость самую не дохватило».

— Но вы знали, что десятки солдатъ должны погибнуть при этомъ? спросилъ Володя.

— Какъ не знать! отвѣтилъ Балдуровъ. — Мы даже думали — побольше будетъ. Вотъ, какъ будемъ казармы взрывать, то-ли еще выйдетъ!

— А будутъ взрывать? полюбопытствовалъ Ѳедоръ Степановичъ.

Балдуровъ утвердительно мотнулъ головой.

— Вотъ только заграничнаго динамиту дожидаемся, объяснилъ онъ.

— Стало быть, вообще вы хотите истреблять всѣхъ, кого попало? снова спросилъ Володя.

— Надо дребезговъ чтобы побольше было, отвѣтилъ Балдуровъ. — Читали въ газетахъ, дворцовую караульню-то какъ размозжили? Страсть!

— Это гнусность! сказалъ Володя. Марья Яковлевна перепугалась.

— Ну да, если представить себѣ все въ воображеніи, разумѣется наши нервы не привыкли, сказала она. — Но надо имѣть въ виду идею.

— Нельзя пріучить нервы къ подлому звѣрству. рѣзко возразилъ Володя. — Это не идея, не революція, даже не терроръ, это гнусность, на которую можетъ быть способна только совершенно подлая и презрѣнная сволочь!

У него глаза и лицо горѣли. Управляющій и Марья Яковлевна притихли, ожидая, что Балдуровъ броситься на него. Но «центральный» человѣкъ только

презрительно усмѣхнулся, и кивнувъ на Володю Ѳедору Степановичу, проговорилъ:

— Бѣлоручки у васъ тутъ...

Володя вернулся къ себѣ еще болѣе мрачный и злой. Появленіе Балдурова какъ-будто усилило тайную тоску апатіи, въ которую его погрузило уединеніе и бездѣйствіе новой жизни. Онъ больше прежняго почувствовалъ, что руки не подымаются, что азарта нѣтъ и нѣтъ даже любопытства. Заграницей, среди фальшивой горячки революціонныхъ хвастуновъ и шарлатановъ, ему казалось, что онъ страстно преданъ соціальной идеѣ и долженъ непремѣнно служить перевороту. Стоять въ центрѣ, воображать, что предъ его глазами и почти въ его рукахъ плетутся и передергиваются политическія нити — это имѣло свою заманчивость. Но на заводѣ онъ научился смотрѣть на все другими глазами. Ѳедоръ Степановичъ былъ глупъ и не могъ поддержать навѣяннаго «кружковщиной» угара. Будничная канитель пропаганды, подъ благосклоннымъ покровительствомъ господина Грешанова, «развиванье» заводскихъ ребятишекъ, разговоры съ Марьей Яковлевной, которая все старалась узнать, что дѣлаютъ въ Цюрихѣ русскія студентки — это наводило скуку, поѣдало краски, разгоняло чадъ. Ничего красиваго не оставалось. А главное... главное заключалось въ томъ, что народъ, во имя котораго дѣйствовала эмиграція, совсѣмъ о ней не зналъ, или зналъ по своему, какъ обнаружилось изъ разговора съ Максютинымъ. Но если народъ желаетъ попрежнему вѣрить, что земля на трехъ китахъ стоитъ, иронически спрашивалъ себя опять Володя, то какой же наконецъ смыслъ въ томъ, что они дѣлаютъ? Тутъ вѣдь не остается исхода даже для личной злости...

Предъ обѣдомъ Ѳедоръ Степановичъ зашелъ къ нему и сдѣлалъ нѣчто въ родѣ дружескаго замѣчанія по поводу его давишней рѣзкости съ Балдуровымъ. Володя точно также рѣзко остановилъ его.

— Я сказалъ то, что думалъ, и иначе не могу думать! проговорилъ онъ съ краской въ лицѣ.

— Но вы этимъ очень вооружили его противъ себя, увѣщевалъ Ѳедоръ Степановичъ. — Я, конечно, стараюсь это уладить, но онъ составилъ заключеніе, что вы... какъ бы вамъ сказать... неблагонадежны!

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до его заключеній, отвѣтилъ Володя.

— Положимъ, вы съ нимъ не сошлись, это бываетъ... продолжалъ Ѳедоръ Степановичъ; — но вѣдь Балдуровъ — это не мы съ вами. Онъ можетъ внушить подозрѣнія на вашъ счетъ *тамъ*... понимаете?

Володя усмѣхнулся.

— Я буду очень радъ, если онъ передастъ *тамъ* мои слова, сказалъ онъ. — Но онъ этого не сдѣлаетъ, если я даже ихъ повторю ему... что, впрочемъ, навѣрное случится. Скажите пожалуйста, этотъ Балдуровъ долго предполагаетъ тутъ оставаться?

— Да, онъ останется нѣкоторое время: ему необходимо скрываться, а у насъ, вы знаете, благодать, отвѣтилъ Ѳедоръ Степановичъ.

— И вы, пока онъ останется, будете предъ нимъ холопствовать и стараться «уладить» между нами? Не обидьтесь, это очень противно.

Ѳедоръ Степановичъ покачалъ головой.

— Экой вы... какъ-то промычалъ онъ. — Пойдемте обѣдать.

— Не пойду, отрѣзалъ Володя.

И онъ въ самомъ дѣлѣ не пошелъ, а вмѣсто того отправился на деревню, гдѣ выпилъ крынку молока, и потомъ долго тихо шелъ по широкой снѣжной дорогѣ, не замѣчая ни морознаго вѣтра, ни усталости, мучительно занятый новою, властно охватившею его мыслью...

Вечеромъ въ этотъ день Зимовьеву доложили, что его желаетъ видѣть какой-то молодой человѣкъ, откуда-то пришедшій пѣшкомъ. Глѣбъ Дмитричъ вышелъ въ залу.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ, и вдругъ узнавъ Володю, проговорилъ съ радостнымъ изумленіемъ:

— Это вы! пойдемте... — и провелъ его въ кабинетъ, тщательно заперевъ за собою дверь.

— Не знаю, что васъ привело, но я радъ, что вы обо мнѣ вспомнили, сказалъ онъ, усаживая его подлѣ себя. — Вы можете говорить со мною совершенно откровенно.

— Еслибъ я не былъ въ этомъ увѣренъ, то не могъ бы и быть здѣсь, отвѣтилъ Володя.

Онъ тяжело дышалъ; на лицѣ его была написана усталость и тягостное возбужденіе.

— Я принужденъ обратиться къ вамъ, потому что здѣсь нѣтъ ни одного близкаго мнѣ лица, сказалъ онъ. — Можете вы помочь мнѣ уѣхать отсюда?

— Уѣхать — куда и съ какою цѣлью? спросилъ Зимовьевъ.

— Я не обратился бы къ вамъ, еслибъ имѣлъ въ виду цѣль, которой вы не можете одобрить, отвѣтилъ Володя, и по губамъ его скользнула печальная усмѣшка.— Я хочу уѣхать, потому что... потому что хочу вернуть себѣ свободу. Мнѣ нужны небольшія деньги, чтобы пріѣхать въ Ниццу, гдѣ теперь моя мать. Она тотчасъ возвратитъ ихъ вамъ.

— Вопросъ о деньгахъ самый послѣдній, сказалъ Зимовьевъ. — Но развѣ вы все-таки не хотите увидѣть вашего отца? Что вы будете дѣлать въ Ниццѣ?

— Я пробуду тамъ самое короткое время, и затѣмъ уѣду въ Америку, отвѣтилъ Володя. — Въ Америкѣ люди начинаютъ новую жизнь, а я еще молодъ, у меня могутъ быть надежды. Когда прошедшее слишкомъ испорчено, лучше начинать сначала.

— Но вы преувеличиваете, вамъ нѣтъ необходимости въ такомъ тяжеломъ рѣшеніи, возразилъ Глѣбъ Дмитричъ. — Я увѣренъ, что вамъ можно выхлопотать возвращеніе въ Россію на легальныхъ условіяхъ. Я увѣренъ, что отецъ проститъ васъ.

— Послѣ, когда-нибудь... проговорилъ Володя, и на лицѣ его обнаружились признаки нетерпѣнія. — Я знаю, что вы добры ко мнѣ и желаете для меня лучшаго, но есть обстоятельства, по которымъ я одинъ могу су-

дить, что возможно и что невозможно. Для меня нѣтъ выбора. Хотите помочь мнѣ, дать единственное средство выйти изъ положенія, въ какомъ я нахожусь? Если нѣтъ, я буду просить извинить меня за безпокойство.

Глѣбъ Дмитричъ въ раздумьи прошелся по комнатѣ.

— Въ Америкѣ русскіе устраиваются не такъ легко, какъ можетъ быть вы думаете, сказалъ онъ. — Если бы вашъ отецъ захотѣлъ помочь вамъ, облегчить хотя на первое время ваше положеніе?

— Онъ не будетъ знать моего адреса.

Зимовьевъ пожалъ плечами.

— Вы ссылаетесь на обстоятельства, которыхъ я очевидно не знаю, слѣдовательно не могу судить, сказалъ онъ. — Но вы ищете возможности разорвать ваши теперешнія связи, бросить дѣло, въ которое увлекли васъ. Я вамъ вѣрю и радъ, что вы тоже имѣете довѣріе ко мнѣ. Но мнѣ хотѣлось бы вырвать у васъ одно обѣщаніе...

— Какое? спросилъ Володя.

— Если вамъ не повезетъ въ новой жизни, если придетъ черная минута — вы напишете мнѣ?

Володя въ нерѣшительности помолчалъ.

— Хорошо, благодарю васъ... согласился онъ послѣ короткаго раздумья.

Глава XI.

Въ воздухѣ начинало пахнуть тепломъ и раздражающимъ запахомъ весенней прѣлости, на еляхъ и соснахъ пробивалась свѣжая хвоя, березы стояли черныя и мокрыя; появились прогалины, на пригоркахъ снѣгъ сдѣлался тонокъ и прозраченъ, и въ оврагахъ уже слышался послѣ полудня шумъ надувшагося ручья. По дорогѣ съ голодною важностью расхаживали грачи, и иногда широкимъ и быстрымъ кругомъ низко-низко проносились ласточки. Черезъ дворъ въ разныхъ мѣстахъ проложили доски; Семенъ Матвѣевичъ скинулъ барашковую шапку и шубку, и ходилъ по этимъ доскамъ въ какомъ-то коротенькомъ съ огромными пуговицами пальто и въ порыжѣлой касторовой шляпѣ. Одно окно у него во флигелькѣ выставили, и въ солнечные дни Уля глядѣла оттуда на широкій дворъ, все болѣе и болѣе грязнѣвшій, на глубокое ясное небо, и на окруженныя весеннимъ паромъ темныя верхушки лѣса.

Глѣбъ Дмитричъ ходилъ невеселый. Весна не обѣщала ничего радостнаго. Онъ было задумалъ значительныя преобразованія въ хозяйствѣ, затѣялъ еще неиспробованное у нихъ въ уѣздѣ разведеніе табаку, и зналъ заранѣе, что дѣло пойдетъ. Но это было только средствомъ создать себѣ какое-нибудь дѣловое развлеченіе. Робко подкрадывавшаяся, еще холодная, но уже дышавшая раздражительнымъ трепетомъ весна смущала его. Облокотившись на сырыя перила балкона, онъ почти съ грустью гдядѣлъ въ широкіе просвѣты сада, наполненные шумнымъ трепыханьемъ птичьихъ крылъ, и странное, безпокойное чувство все сильнѣе овладѣвало имъ. Опять зазеленѣютъ и зажелтѣютъ поля, одѣнутся узорною листвой старыя липы, клены и вязы, закраснѣетъ шиповникъ, ворвется въ открытыя окна задорный птичій гамъ, закипитъ кругомъ обычная, дѣятельная, здоровая и полезная жизнь — а онъ будетъ здѣсь все также одинъ, безъ весны,

безъ праздника въ душѣ, погруженный въ свою дѣловую лѣнь, въ мелкія заботы о томъ, что не имѣетъ цѣны, не нужно, безцѣльно... Какими ничтожными представлялись ему всѣ эти хозяйственныя интересы и соображенія, съ ихъ условною значительностью! Какая ему надобность получить нѣсколькими тысячами больше доходу, замѣнить картофель табакомъ, помѣшать какому-нибудь Пахому или Сидору искалѣчить лошадь, или украсть лишнюю полтину? Онъ и такъ не проживаетъ всего, что получаетъ, а сколько достанется послѣ него наслѣдникамъ — не все-ли ему равно? Василій Андреевичъ во всякомъ случаѣ сдѣлается богачомъ, и будетъ выбранъ въ почетные мировые судьи вмѣсто участковаго...

— Господи, какъ хорошо! воскликнула разъ Уля перебѣжавъ по доскамъ изъ своего флигелька и заставъ Глѣба Дмитрича на балконѣ, съ котораго съ шумомъ шлепали и играли на солнцѣ тяжелыя, крупныя капли тающаго снѣга. — Весна идетъ. Посмотрите, вонъ тамъ, надъ прудомъ, вербы уже зеленѣютъ, и ракиты, и трава показалась, и фіалками откуда-то пахнетъ....

Кожаныя ботинки ея были забрызганы грязью, въ волосахъ разбилась сорванная откуда-то вѣтромъ шальная капля.

— Да, весна идетъ... задумчиво повторилъ Глѣбъ Дмитричъ. — Вы рады?

— Ахъ, какъ я рада! подтвердила Уля.

Она, лежа по цѣлымъ часамъ на подоконникѣ, успѣла уже загорѣть, и подъ этимъ первымъ золотистымъ загаромъ какъ-будто усиленно переливалась и сквозила кровь.

— Зима такая длинная!

Въ рукахъ у нея были книги, которыя она хотѣла перемѣнить.

— Пожалуйста, выберите что вамъ угодно, предложилъ Глѣбъ Дмитричъ, а самъ остался на балконѣ.

Заслышавъ въ его голосѣ угрюмую ноту, Уля бокомъ взглянула на него и вышла въ библіотеку. Черезъ

минуту она вернулась. Глѣбъ Дмитричъ стоялъ все тамъ же, у колонки, и курилъ сигару.

— Выбрали что-нибудь? спросилъ онъ.

— Mercі, я какъ-нибудь послѣ, отвѣтила Уля, и опять бокомъ взглянула на него.

Она привыкла, что онъ самъ вмѣстѣ съ ней пересматривалъ книги, но такъ какъ сегодня онъ не пошелъ, то она ничего не хотѣла взять.

— Теперь у меня работа, надо къ лѣту сшить что-нибудь, добавила она.

— Можетъ быть, вамъ надо въ городъ послать? предложилъ Глѣбъ Дмитричъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

Прислонясь къ периламъ, Уля ощипывала засохшіе листья плюща, и изподлобья, вопросительно и безпокойно взглядывала на Зимовьева. Ей хотѣлось знать, отчего онъ сегодня «такой». Она была увѣрена, что если мужчина молча и торопливо куритъ, то непремѣнно думаетъ о чемъ-нибудь непріятномъ.

— Вы никогда въ городъ не ѣздили? спросилъ онъ.

— Давно, когда маленькая была, съ отцомъ, отвѣтила Уля.

— А съ тѣхъ поръ все въ деревнѣ, вѣчно въ деревнѣ?

— Да... Гдѣ жь еще?

— И вамъ не надоѣло? не хотѣлось бы побывать — хоть бы въ Петербургѣ? продолжалъ спрашивать Глѣбъ Дмитричъ.

Уля пожала плечами.

— Когда-нибудь, изъ любопытства; а лучше какъ въ деревнѣ нигдѣ не можетъ быть, отвѣтила она. — Развѣ не правда? прибавила она, и вопросительно взглянула въ его угрюмые глаза.

Зимовьевъ швырнулъ въ садъ окурокъ сигары.

— Да, тутъ хорошо, сказалъ онъ равнодушно. — Тихо по крайней мѣрѣ... какъ въ могилѣ.

— Что это вы! изумилась Уля. — Тутъ жизнь, весна, все движется, копошится... какъ же можно съ могилой сравнить?

— И тамъ вѣдь жизнь есть: трава пробивается, вода просачивается, черви копошатся... возразилъ Зимовьевъ. — Такая жизнь вездѣ въ природѣ. А не живое, могильное — тоже вездѣ. Вы слыхали когда-нибудь о погребенныхъ заживо? Вотъ это настоящая, адская мука, а тѣ, что умерли — для нихъ все кончено.

Уля посмотрѣла на него съ возраставшимъ удивленіемъ.

— Но всего лучше — жизнь, сказала она.

Глѣбъ Дмитричъ ничего не отвѣтилъ, и вздрогнувъ озябшими плечами, ушелъ съ балкона. Уля, печальная и словно оробѣвшая, тихо проскользнула мимо него, и пробѣжала по доскамъ во флигелекъ.

Вернувшійся со станціи слуга привезъ газеты и письма. Глѣбъ Дмитричъ пересмотрѣлъ пакеты и взялъ тотъ, на которомъ узналъ руку своего стараго петербургскаго пріятеля.

«Что дѣлаете, гдѣ думаете провести лѣто, и долголи намѣрены хоронить себя отъ своихъ друзей?» читалъ онъ на исписанномъ кругомъ листкѣ бумаги. «Правда, подъ вашими благословенными небесами теперь можетъ быть уже зеленѣетъ весна, тогда какъ у насъ морозъ и снѣгъ, или еще хуже — дождь и грязь; у васъ свѣтитъ солнце, а у насъ сѣро и хмуро въ воздухѣ, какъ и въ душѣ. За то въ политикѣ, въ нашей печальной петербургской политикѣ, начинается какая-то весенняя игра. Послѣ ужасной катастрофы 5 февраля, мы какъ-то всколыхнулись, и до настоящей минуты не только не встали на ноги, но продолжаемъ скользить все съ большею и большею рѣзвостью и легкостью. Дошли-ли до васъ слухи о томъ, что здѣсь дѣлается, донеслись-ли до васъ наши новыя вѣянія, какъ теперь всѣ здѣсь выражаются? Шутки въ сторону, мы подняли паруса и пустились въ дальнее плаваніе. Долго-ли оно продлится и куда приведетъ — я не знаю, но можно поручиться, что увидимъ много любо-

пытнаго. Берегъ уже пропадаетъ изъ виду, вѣтеръ играетъ, мы чувствуемъ просторъ — можетъ быть даже слишкомъ много простору. Будемъ уповать на ловкаго кормчаго, котораго неожиданно послала намъ судьба».

«Какъ вамъ не грѣхъ прятаться? Я каждую минуту сожалѣю, что васъ нѣтъ здѣсь. Никогда еще, можетъ быть, Петербургъ не представлялъ такого любопытнаго зрѣлища. Я смотрю и поучаюсь. Помните, какъ одинъ знакомый вамъ редакторъ, недовольный убылью подписчиковъ, вдругъ догадался, что публикѣ надоѣли наличные литераторы, и сталъ искать, какъ онъ выражался, новыхъ силъ; пріѣдетъ какая-нибудь барыня поздравить его жену съ именинами, а онъ и пристанетъ къ ней: напишите мнѣ романъ, да не такъ, какъ литераторы пишутъ, а совсѣмъ по другому; публика-молъ свѣжаго требуетъ! И вотъ, въ такомъ же родѣ, мы засвѣтили фонари и ищемъ новыхъ людей. Не спрашиваютъ ни ума, ни дѣла, ни таланта, а только чтобы человѣкъ былъ самый свѣжій, то-есть совсѣмъ свободный отъ государственной подготовки и установившихся понятій. Вы засмѣетесь, если я назову вамъ массу знакомыхъ именъ, поднятыхъ налетѣвшимъ на насъ вихремъ новыхъ вѣяній. Все это, въ пиджакахъ и съ папиросами въ рукахъ, расхаживаетъ по казенному паркету и указываетъ — *туда!* Помните у Раблэ, когда Пантагрюэль набираетъ товарищей для дальнѣйшаго плаванія, на поиски за великимъ *«быть можетъ?»* Государственною властью овладѣлъ какой-то странный недугъ самоотреченія и самоупраздненія. Чиновники взываютъ къ земству и къ общественному мнѣнію, выражаемому ими же самими за пять копѣекъ построчной платы, обуздываютъ губернаторовъ и полицейскихъ приставовъ, и раздаютъ щедроты всѣмъ и каждому — правда, не изъ своего кармана; губернаторы массами ѣдутъ въ Петербургъ развѣдать чрезъ знакомыхъ столоначальниковъ, что такое тутъ дѣлается, а имъ показываютъ обличительную корреспонденцію и совѣтуютъ поскорѣе примириться съ общественнымъ мнѣніемъ. Отставные кавалерійскіе юнкера, завѣдующіе школьнымъ

дѣломъ въ какомъ-то земствѣ, недовольны учебною системой, и система привлекается по этому поводу къ отвѣту. Доклады остаются недоложенными, потому что новые люди пренебрегаютъ рутиной, но за то безъ докладу входятъ къ нимъ общественные крикуны и газетные репортеры».

«Какъ обидно, что васъ здѣсь нѣтъ! Шутка становится слишкомъ грустною, на душѣ дѣлается слишкомъ безпокойно. Я боюсь, что мы переживаемъ очень опасный моментъ, страшный припадокъ всеобщаго самоослѣпленія и безволія. Боюсь всего худшаго, смущаюсь и скорблю».

— Милѣйшій эгоистъ, ему скучно наслаждаться безъ меня комедіей человѣческой суеты, подумалъ Глѣбъ Дмитричъ, дочитавъ письмо. — Но развѣ сюда не достигаютъ торжествующіе крики глупцовъ? Развѣ издали веселѣе? Вблизи, по крайней мѣрѣ, что-нибудь смѣшное можно увидѣть...

И понемногу, точно радостный капризъ, имъ овладѣла мысль поѣхать опять въ Петербургъ. Онъ былъ свободенъ, ничто серьезно его не связывало. Съ табакомъ и Семенъ Матвѣевичъ управится, а не управится, такъ Богъ съ нимъ. Въ Петербургѣ онъ могъ пробыть недолго — посмотрѣть, можетъ быть посмѣяться, а если сдѣлается очень тошно и грустно — вернуться домой или уѣхать подальше, хотя бы опять въ ту затерянную между горами и моремъ деревушку, гдѣ онъ тихо прожилъ нѣсколько недѣль среди басковъ и ихъ козъ. Ему ничего не осталось кромѣ свободы, и такъ много грустнаго заключалось въ этой свободѣ, что глупо было бы не пользоваться ея преимуществами.

Дня черезъ два всѣ въ усадьбѣ уже знали, что Глѣбъ Дмитричъ уѣзжаетъ. Семенъ Матвѣевичъ принялъ преувеличенно спокойный видъ, какъ бы говорившій: — не первый разъ, намъ не въ диковину!

Наканунѣ отъѣзда, вернувшись отъ Василія Андреевича, съ которымъ хотѣлъ проститься, Глѣбъ Дмитричъ опять услышалъ звуки фортепіано и голосъ Ули.

Она играла ту самую музыкальную фантазію своего отца, которую онъ разъ уже слышалъ, но теперь музыка сопровождалась пѣніемъ. Глѣбъ Дмитричъ сталъ вслушиваться:

Стерегутъ, какъ въ старой сказкѣ,
Заколдованныя встрѣчи,
Очаровываютъ глазки,
Заворажаваютъ рѣчи...

пѣла Уля, и ея густой, красивый голосъ какъ-будто пестрѣлъ и свѣтился радужными красками, разсыпанными въ этой своевольной фантазіи, полной сказочнаго блеска и сказочной темноты.

Глѣбъ Дмитричъ тихонько вошелъ въ библіотеку, но старая половица скрипнула подъ нимъ, Уля оглянулась и быстро вскочила съ табурета.

— Продолжайте, пожалуйста! попросилъ Зимовьевъ. — Вы не сказали, что есть стихи, это еще интереснѣе...

Уля покачала головой, и даже сжала губы и сѣла подъ окномъ.

— Слова тоже вашего отца?

Она кивнула вмѣсто отвѣта.

— Спойте все! или хоть скажите... просилъ Глѣбъ Дмитричъ.

— Не стану! разжала губы Уля. — Послѣ, когда-нибудь, когда вернетесь... если вернетесь...

Глѣбъ Дмитричъ уже замѣчалъ въ ней эти капризы молчаливаго сопротивленія, и зналъ, что съ ними нельзя сладить. Онъ только улыбнулся на ея послѣднія слова.

— Я вѣроятно даже очень скоро вернусь, сказалъ онъ.

— Когда? быстро и какъ-то строго спросила Уля.

— Можетъ быть черезъ мѣсяцъ, черезъ два, отвѣтилъ Зимовьевъ.

Она промолчала, и смотрѣла мимо него въ бѣлые, слѣпые глаза мраморной «Ночи».

— Я надѣюсь, что въ мое отсутствіе вы не откажетесь пользоваться книгами, роялемъ, всѣмъ, что вамъ понадобится, сказалъ Глѣбъ Дмитричъ. — Лошади, экипажи, тоже во всякое время къ вашимъ услугамъ.

— Mercі, поблагодарила Уля почти не разжимая губъ. — Знаете, почему мнѣ опять вспомнилась эта «фантазія»? вдругъ перемѣнила она разговоръ. — Мнѣ пришла странная мысль... Вотъ для васъ, для другаго, для третьяго, таинственнымъ представляется сказочный лѣсъ, населенный оборотнями, русалками, всякими страхами и чудесами. А я въ какомъ угодно лѣсу, кажется, ничего бы не боялась... Ничего въ немъ таинственнаго нѣтъ. А когда мнѣ почему нибудь представляется большой городъ, Петербургъ напримѣръ, мнѣ кажется, что тамъ-то именно все, какъ въ сказкѣ, таинственно и опасно...

— Но не такъ поэтично какъ вы пѣли, усмѣхнулся Глѣбъ Дмитричъ.

Уля тоже улыбнулась, и переведя на него странный, какъ-будто сквозь невыраженную досаду смѣющійся взглядъ, повторила вполголоса:

Очаровываютъ глазки,
Завораживаютъ рѣчи...

— Такъ скучно вамъ здѣсь, Глѣбъ Дмитричъ? вдругъ оборвала она свое пѣніе.

— Тамъ можетъ быть еще скучнѣе будетъ, отвѣтилъ Зимовьевъ.

Уля повела глазами и нерѣшительно протянула руку.

— Прощайте... счастливаго пути... сказала она, и скоро, скоро, то скользя по немъ взглядомъ, то отворачиваясь, отвѣтила на его пожатіе и выбѣжала изъ библіотеки.

Глава XII.

Въ Петербургѣ веселились. Это не было свободное и спокойное веселье всеобщаго благополучія. Такое почти не замѣчается, къ нему всѣ слишкомъ привыкаютъ, оно отзывается надоѣвшею праздничною лѣнью. Напротивъ, въ тогдашней петербургской веселости чувствовалось что-то нервное, какое-то тайное безпокойство и раздраженіе; оно походило на смѣющуюся гримасу, вызванную бутылкой шампанскаго на лицѣ человѣка, у котораго совсѣмъ не весело на душѣ.

Два года тяжкой войны только что миновали; въ рѣдкой семьѣ не оказалось недочета. Дорого купленныя побѣды не дали мира, не дали даже нравственнаго удовлетворенія. Лавры чахли подъ зловѣщею тѣнью берлинскаго трактата. Быстро и дерзко подняла голову крамола, и шипѣла во мракѣ. Все было полно слуховъ — тревожныхъ, скорбныхъ, приводившихъ въ недоумѣніе... И между тѣмъ, Петербургъ веселился. Веселилась безразличная, праздная и жадная толпа, на которой общественныя условія отражаются только нервнымъ возбужденіемъ; веселились — и совершенно искренно — тѣ, для кого «новыя вѣянія» знаменовали собою праздничный пирогъ, вкусно начиненный ненавистными имъ именами, и разрѣзанный на болѣе или менѣе крупные и лакомые куски.

Балъ французской колоніи, одинъ изъ самыхъ позднихъ въ сезонѣ, отличался большимъ оживленіемъ. Громадная зала Дворянскаго собранія съ трудомъ вмѣщала нѣсколько тысячъ гостей. Француженки бойко торговали въ кіоскахъ и хозяйничали за буфетами. Маски ходили все нарядныя, играли дорогими вѣерами, улыбались изъ подъ дорогихъ кружевъ, сверкали дорогими брилліантами. Гулъ веселыхъ, смѣющихся, скабрезноостроумничающихъ голосовъ стоялъ надъ толпой, и какъ будто усиливалъ духоту и жаръ.

Среди этой толпы мы могли бы сразу узнать множество знакомыхъ лицъ. Да и можетъ-ли быть иначе, когда тутъ «весь Петербургъ»? У красиваго кіоска, предъ красивою продавщицей уже нѣсколько минутъ стоитъ Каричъ. Его широкая грудь сверкаетъ бѣлизной бѣлья и игрой брилліантовыхъ запонокъ. Широкая, жирная рука, на которой съ трудомъ сошлась лопнувшая перчатка, держитъ крупную ассигнацію. Трудно понять, зачѣмъ столько щедрости. Онъ такъ сытъ, въ крупной фигурѣ его столько обрюзглой лѣни, а заплывшіе глаза, кажется, только по привычкѣ сохраняютъ плотоядное выраженіе. Ординарная, разрисованная красота француженки съ длиннымъ носомъ и улыбающимися полированными губами, изъ подъ которыхъ сверкаютъ полированные зубы, для него не находка. Но вѣроятно въ самой безсмысленности щедрости есть своего рода наслажденіе. Когда Каричъ судился и посылалъ въ буфетъ за пирожками, онъ бросалъ на подносъ десятирублевую бумажку вмѣсто двугривеннаго. А осуди его, ему пригодился бы и двугривенный. Но это былъ вызовъ, кидаемый общественному мнѣнію, и кидавшій его безъ сомнѣнія испытывалъ наслажденіе наглости.

Сквозь стоявшую кругомъ толпу протѣснилось изящное черное домино, и маленькая ручка, обтянутая длинною душистою перчаткой, смѣло просунулась подъ рукавомъ его фрака.

— Каричъ, я тебя увлекаю на нѣсколько минутъ, произнесъ по-французски серебристый голосъ.

Каричъ небрежно оглянулъ маску черезъ плечо. Онъ такъ часто былъ предметомъ маскарадныхъ атакъ, что не легко позволялъ овладѣть собою. Но привычный глазъ его сразу оцѣнилъ ея туалетъ, ея изящныя манеры, ея строгое — настоящее или мнимое — comme il faut. Притомъ же она была маленькаго роста, а онъ находился въ періодѣ обожанія маленькихъ женщинъ.

— Ты кажется хотѣла меня удивить, назвавъ по имени; но меня всѣ знаютъ, сказалъ онъ тономъ, въ кото-

ромъ къ его обычной наглости присоединилась маскарадная фамильярность.

— А ты кажется гордишься своею извѣстностью? отвѣтило съ легкою ироніей черное домино. — Но ты ошибаешься, я знаю тебя немножко больше, чѣмъ по имени, и даже имѣю дерзость не скрывать этого. Что дѣлать, у всякой женщины своя слабость. Мнѣ нравится показывать, что я не боюсь дурныхъ знакомствъ.

— Ты начинаешь съ дерзостей, это мило... промолвилъ Каричъ.

— Я хочу, чтобы ты чувствовалъ себя нѣсколько свободнѣе. Вообще, моя цѣль — благотворительная.

— Ты ѣздишь по маскарадамъ съ благотворительною цѣлью?

— Иногда. Развѣ это хуже того, зачѣмъ ѣздятъ другіе?

— По крайней мѣрѣ забавнѣе. Я обожаю забавныхъ женщинъ. Но относительно меня — въ чемъ заключается благотворительная затѣя?

— О, очень серьезная затѣя, основанная на состраданіи. Мнѣ жаль тебя.

— Ба, это ново. Я никогда этого не слышалъ.

— Мало-ли есть такого, чего ты никогда не слышалъ. Я четверть часа наблюдала, какъ ты любезничалъ съ актрисой, и на твоемъ лицѣ выразилось столько безнадежной скуки, что мнѣ просто страшно за тебя стало.

Каричъ при словѣ «скука» даже зѣвнулъ невольно.

— Гдѣ же весело? сказалъ онъ.

— Да, вотъ вопросъ, отвѣтила маска. — Только ты его неправильно поставилъ; надо было сказать: съ кѣмъ же весело?

— Пожалуй, я согласенъ. Но гдѣ же она, кто она? Въ концѣ-концовъ, всѣ женщины похожи одна на другую. Самыя забавныя тѣ, которыя поглупѣе и... побольше ко всему привыкли.

— Не лги пожалуйста, для тебя давно ужь нѣтъ даже ничего забавнаго. Тебѣ нужна женщина, которая

скрутила бы тебя какъ ребенка, какъ раба, заставила бы тебя жить ею, такъ какъ вообще тебѣ жить нечѣмъ... Женщина, которая знала бы тебя насквозь и овладѣла бы каждою твоею мыслью, каждымъ желаніемъ... Нѣтъ, сама дала бы тебѣ и мысли, и желанія, такъ какъ у тебя уже ничего этого нѣтъ.

Каричъ скептически улыбнулся.

— Мудрено это слишкомъ, вотъ бѣда, сказалъ онъ.

— Можетъ быть не такъ мудрено, какъ думаешь, возразила маска; — развѣ ты не вѣришь въ капризы женскаго сердца?

— Ну, пока я не былъ такая разбитая кляча...

— Какъ ты плохо понимаешь эти вещи! продолжала маска. — Пока ты былъ молодъ, торжествовалъ и наслаждался, ты былъ только противенъ. Женское сердце рѣдко привязывается къ счастливымъ людямъ. Симпатія раждается изъ состраданія, изъ умѣнья разгадать, чѣмъ человѣкъ внутренно несчастливъ. Ты никогда не слыхалъ такой философіи?

— Скажи пожалуйста, я тебя знаю? спросилъ Каричъ.

— Немножко. Но дай мнѣ кончить. Еслибы ты вздумалъ искать серъезнаго, прочнаго чувства, я бы не рѣшилась сказать, что ты найдешь его. Ты все-таки слишкомъ дрянной человѣкъ для этого. Но капризъ, непонятный, внезапный, не думающій о завтрашнемъ днѣ — это ужь совсѣмъ ничего не стоитъ...

— Напротивъ, это можетъ чортъ знаетъ какихъ денегъ стоить! отвѣтилъ съ обрюзглою усмѣшкой Каричъ.

Черное домино пожало закутанными въ кружево плечами.

— Какъ ты жалокъ! сказало оно. — Ты никогда не находилъ не купленнаго счастья?

— А ты знаешь, гдѣ его найти?

— Довольно, если я думаю, что его можно найти.

— Ну, мнѣ некогда искать.

— Какъ хочешь. Я только желала заставить тебя подумать объ этомъ. Прощай.

И маска выдернула руку. Каричъ поспѣшно удержалъ ее.

— Постой, куда же ты?

— Вѣдь тебѣ некогда...

— Не воображаешь-ли, что я тебя выпущу, не добившись, какой смыслъ и какая цѣль во всемъ, что ты говорила?

И Каричъ, наклонившись, усиленно заглядывалъ въ узкую прорѣзь глазъ и подъ кружевную обшивку маски.

— Пойдемъ отсюда, мнѣ хочется пить, сказалъ онъ. — Можетъ быть ты докончишь нашъ разговоръ за ужиномъ?

— Нѣтъ, отказалась маска.

Каричъ, между тѣмъ, почти насильно увлекъ ее изъ залы и усадилъ на диванъ въ маленькой и въ ту минуту пустой гостиной.

— Все равно я разузнаю, добьюсь кто ты, хотя бы это стоило мнѣ нѣсколькихъ тысячъ, сказалъ онъ. — Ты чертовски умна, и съ тобой превесело. Положимъ, твой капризъ не такого происхожденія, какъ ты объясняешь, но что мнѣ за дѣло? Ты отличная актриса, а я люблю хорошую игру. Маленькій романъ безъ условій и безъ срока — это чего-нибудь стоитъ.

Маска разсмѣялась.

— Надѣюсь. Но такъ какъ тебѣ некогда искать...

И она встала, пославъ ему рукой прощальный знакъ. Каричъ схватилъ ее прямо за эту руку.

— Послушай, вѣдь я узнаю, кто ты, во всякомъ случаѣ, хоть бы пришлось заплатить тысячи. Приподыми маску.

— Съ чего ты взялъ!

Каричъ продолжалъ настаивать. Маска смѣялась, и такимъ веселымъ, искреннимъ смѣхомъ, что Карича начинала разбирать злость.

— Ты могъ бы повѣрить мнѣ на слово, что я... не дурна собой, сказала она. — Впрочемъ, если тебѣ такъ хо-

чется, я пожалуй сдѣлаю тебѣ это удовольствіе. Но такъ какъ ты все покупаешь, то ты мнѣ заплатишь.

И она, собравъ рукой кружевную оборку маски, чуть-чуть приподняла ее. Изъ подъ маски весело смѣялось знакомое лицо Анны Всеволодовны Ладожской.

— Княгиня! воскликнулъ совсѣмъ глупымъ голосомъ Каричъ. — Вамъ пришла охота позабавиться надъ старымъ дуракомъ...

— Въ пользу бѣдныхъ, отвѣтила, продолжая смѣяться, Анна Всеволодовна. — Вѣдь я вамъ сказала, что пріѣхала сюда съ благотворительною цѣлью. Завтра вы привезете что-нибудь въ пользу моего пріюта — только не очень мало, предупреждаю васъ. Вѣдь я избавила васъ отъ расхода въ нѣсколько тысячъ, вы сами проговорились.

Каричъ сдѣлалъ натянутый поклонъ.

— Я воспользуюсь случаемъ доказать, какъ высоко цѣню ваши шутки... даже если это злыя шутки... сказалъ онъ.

Княгиня уже повернулась, чтобъ отойти, и бокомъ протянула ему руку.

— Не сердитесь... вѣдь это для бѣдныхъ... промолвила она своимъ серебристымъ голоскомъ.

И она пошла дальше, черезъ рядъ столовыхъ и гостиныхъ, въ которыхъ становилось почти также душно, какъ въ залѣ. Улыбка продолжала играть подъ маской на ея губахъ, но что-то горькое, почти злое выразилось въ этой улыбкѣ. «А вѣдь это глупо... и въ сущности мнѣ даже все равно, достанется-ли моимъ бѣднымъ лишняя тысяча рублей. Но здѣсь такая скука, а онъ такой противный...» думала она, и глаза ея глядѣли не ласково.

«Какая я злая стала!» добавила она мысленно, чувствуя безпричинный припадокъ той странной тоски, которая все чаще посѣщала ее въ послѣднее время. И вдругъ неясный страхъ сжалъ ее. Она вспомнила знакомыхъ ей женщинъ, веселыхъ, милыхъ, безконечно-симпатичныхъ, которыя на ея глазахъ, въ короткое время, отъ какихъ-то невѣдомыхъ причинъ, становились скучны, злы, мелочно-раздражительны, глупѣли и дурнѣли.

Окружающіе сожалѣли, объясняли перемѣну по своему. У одной отъ болѣзни, у другой это сдѣлалось послѣ смерти ребенка, третья измучила себя ревностью... а кто знаетъ настоящую причину, кто пойметъ тѣхъ, которыя просто закисли отъ безсодержательности жизни, отсутствія всякихъ освѣжающихъ интересовъ, отъ плохаго воспитанія? И Анна Всеволодовна внутренно содрогнулась при мысли, что и она, всѣми любимая, избалованная, извѣстная своею добротой и веселостью маленькая княгиня, тоже дѣлается зла, безпричинно-раздражительна, непріятна... и тоже дурнѣетъ... и всѣ замѣчаютъ это, пожимаютъ плечами и объясняютъ по своему...

Глава XIII.

На нижней ступенькѣ эстрады, у стѣны, какъ-будто прячась отъ любопытныхъ глазъ, какъ-будто боясь смѣшаться съ движущеюся толпой, уже нѣсколько минутъ стояло строгое черное домино, подъ непроницаемыми складками котораго нельзя было бы угадать ни возраста, ни красоты. Мѣсто было очень удобное: тутъ не толкались, и отсюда все было видно. Толпа медленно проходила мимо, какъ на парадѣ, задѣвая иногда только оборкой платья или пушистою бахромкой вѣера. Въ этой толпѣ прохаживался взадъ и впередъ генералъ Пахтаевъ подъ руку съ высокою стройною маской, одѣтою съ тѣмъ преувеличеннымъ, но обдуманнымъ изяществомъ, которое опредѣляетъ черту между порядочною женщиной и авантюристкой: на этой чертѣ онѣ еще могутъ встрѣтиться... Въ густыхъ складкахъ капюшона, схваченныхъ бѣлымъ атласнымъ бантомъ, путались бѣлокурые локоны, и изъ подъ кружевъ сквозилъ изящный очеркъ шеи и подбородка, но такъ непримѣтно сквозилъ, что даже близкіе знакомые Полины Луховецкой узнавали ее только по присутствію Пахтаева. Каждый разъ, когда они проходили мимо эстрады, дама въ черномъ домино прижималась, къ стѣнѣ, какъ-будто желая сдѣлаться еще незамѣтнѣе, а въ карихъ глазахъ ея, пугливо глядѣвшихъ изъ подъ маски, выражалось безпокойное, напряженное ожиданіе.

Вдругъ она замѣтила, что Полина оставила руку Пахтаева и смѣшалась съ толпой. Она быстро бросилась въ ту сторону, и прежде чѣмъ Полина успѣла подойти къ другой маскѣ, которую узнала издали, смѣло взяла ее за руку.

— Мнѣ нужно съ тобой поговорить. Пойдемъ туда.

Полина, удивленная, пошла съ ней подъ руку.

— Ты не ошиблась-ли? Мнѣ кажется, я тебя не знаю, сказала она, стараясь сколько-нибудь разглядѣть ее подъ маской.

— Нѣтъ, я не ошиблась, я именно тебя искала, отвѣтила незнакомая дама. — Я ждала васъ долго, пока вы ходили съ Пахтаевымъ... добавила она, переходя на «вы». — Я должна просить у васъ нѣсколько минутъ разговора. Вы увидите, что это важно, слишкомъ важно... Я не ѣзжу въ маскарады, но сегодня нарочно пріѣхала, потому что не было другаго случая васъ увидѣть. Только, прошу васъ, пойдемте туда, гдѣ намъ не помѣшаютъ.

И она почти насильно потянула ее изъ залы. Полина не сопротивлялась, озадаченная и подстрекаемая любопытствомъ. Взволнованный, все болѣе нервный голосъ дамы производилъ на нее странное и почти непріятное впечатлѣніе.

— Вы m-me Луховецкая, сказала она, остановившись наконецъ въ одной изъ дальнихъ комнатъ и вглядываясь въ Полину напряженными, блиставшими изъ подъ маски глазами. Она даже взяла ее за руку, и Полина чувствовала, какъ горячіе сквозь перчатку пальцы ея слегка дрожали.

— Въ маскарадѣ каждый можетъ догадываться, какъ ему угодно, сказала она сухо.

— Не пытайтесь меня разувѣрить, я васъ узнала, я не могла ошибиться, продолжало черное домино. — Прошу васъ, выслушайте меня, это слишкомъ важно. Вы все поймете, я... я Пахтаева!

Полина чуть вздрогнула подъ маской, и невольно сдѣлала шагъ назадъ. Но къ ней тотчасъ вернулось ея обычное самообладаніе.

— Что же вамъ угодно? произнесла она почти надменно.

— О, я не для того искала этой встрѣчи, чтобъ оскорбить васъ, отомстить вамъ... заговорила еще болѣе взволнованнымъ голосомъ маска.

Полина быстро перебила ее.

— Оскорбить? отомстить? за что же? я васъ не понимаю, произнесла она съ обиднымъ хладнокровіемъ.

— Полноте, оставьте эту комедію... продолжала Пахтаева. — Во мнѣ нѣтъ ни злобы, ни ропота, вы не ус-

лышите упрековъ. Все, чего я хочу — объясниться съ вами совершенно искренно, и если въ васъ уцѣлѣло сердце женщины, вы поймете меня, поймете, почему я рѣшилась найти васъ во что бы то ни стало, и сказать вамъ то, чего вы, безъ сомнѣнія, не знаете, потому что отъ васъ скрыли, вамъ солгали... Вы выслушаете меня, не правда-ли?

— Я боюсь, что вы сами введены въ какое-то странное заблужденіе, молвила Полина, и глаза ея холодно и надменно взглянули на соперницу.

— Еще разъ, бросьте этотъ тонъ, вамъ не зачѣмъ защищаться, никто не нападаетъ на васъ! продолжала Пахтаева. — Вы знаете, мой мужъ васъ любитъ. Вы не виноваты въ этомъ, я хочу думать, что вы не виноваты. Онъ увлекся вашей красотой — я видѣла васъ въ театрѣ, вы очень хороши, соблазнительно хороши...

— Mercі, поблагодарила съ ироніей Полина. — Я желала бы отвѣчать вамъ тою же любезностью, но я нигдѣ васъ не видѣла... или не замѣтила... не помню...

— Онъ увлекся вами, говорила, не обращая вниманія на насмѣшку, Пахтаева, — а вы такъ молоды, съ вашей стороны такъ естественно было оцѣнить это чувство, не задумываясь много о той, которой выпала слишкомъ тяжелая роль въ этомъ романѣ... Молодость эгоистична... Тѣмъ болѣе, что вамъ описали меня какъ завядшую, скучную, некрасивую женщину, занятую только дѣтьми и молебнами. Да, да, я знаю, онъ умѣетъ, не сказавъ какъ-будто ничего опредѣленнаго, дать почувствовать, что — я именно такая... Это успокоиваетъ совѣсть, не правда-ли? У такой жены не грѣхъ отнять мужа, тѣмъ болѣе, когда этотъ мужъ еще молодъ, красивъ, любитъ наслажденія. О, Боже мой, развѣ я не понимаю, что ему можетъ быть скучно со мною? развѣ я стѣсняла когда-нибудь его свободу? Но я хочу, чтобъ вы знали, — а вамъ не сказали этого — я хочу чтобъ вы знали, что я его люблю, люблю такъ, какъ вы никого и никогда не умѣли любить. Да, люблю, люблю, поймите меня!

Ея голосъ оборвался, въ немъ зазвучали подавленныя рыданія. Непріятная дрожь холодкомъ пробѣжа-

ла по нервамъ Полины. Она оглянулась, какъ-будто ища помощи.

— Pardon, я все-таки не понимаю васъ. Ваше чувство, безъ сомнѣнія, приносить вамъ большую честь, но почему вы находите необходимымъ посвятить меня въ эту тайну? произнесла она все тѣмъ же холодно-ироническимъ тономъ.

Мокрые глаза Пахтаевой словно впились въ нее.

— Вы не понимаете? васъ не смущаетъ это позорное признаніе? Да, позорное, потому что я знаю, что онъ не стоитъ такой любви, что это низко такъ любить... проговорила она все болѣе взволнованнымъ голосомъ. — Но послушайте, вѣдь вы... вы не любите его, я знаю, что не любите... Я вамъ не соперница, полноте! Я васъ прошу только понять меня, и если у васъ есть сердце, вы бросите этотъ капризъ, эту игрушку тщеславія, эту забаву. Вы молоды, красивы — развѣ мало за вами ухаживаютъ въ вашемъ обществѣ?

У нея почти безсознательно сорвалось это выраженіе, а Полина тотчасъ почувствовала его оскорбительный смыслъ. Въ «вашемъ обществѣ» — то-есть не въ томъ, къ которому принадлежатъ m-me Пахтаева, а въ какомъ-то низшемъ, менѣе почетномъ, гдѣ она могла встрѣтиться съ ея мужемъ только потому, что мужчины пользуются преимуществомъ посѣщать всякое общество... Вся гордость Полины разомъ поднялась въ ней.

— Я не любопытна, и мнѣ нѣтъ дѣла до чужихъ тайнъ, сказала она надменно. — Но прошу васъ избавить меня также и отъ вашего любопытства. Если monsieur Пахтаевъ признавался вамъ въ любви ко мнѣ, скажите ему, что онъ выбралъ плохую повѣренную своему сердцу. Я объ этомъ ничего не знаю, и не вижу надобности знать. Въ «нашемъ обществѣ», гдѣ красивыя женщины не составляютъ исключенія, мужчины часто влюбляются; это ихъ дѣло. Отказывать monsieur Пахтаеву отъ дому я пока не имѣю повода, но онъ свободенъ когда угодно прекратить свои посѣщенія.

И отдавъ холодный поклонъ, она повернулась къ выходу. Пахтаева быстро опередила ее.

— Постойте, не спѣшите, я еще не все сказала, остановила она ее, и ея голосъ тоже зазвучалъ надменно и злобно. — Я хотѣла пощадить васъ, притвориться, будто не понимаю вашихъ отношеній и вашихъ цѣлей, въ надеждѣ, что вы сами догадаетесь, имѣете-ли право говорить со мной лицомъ къ лицу... Я хотѣла, чтобы вы поняли, что вамъ нельзя — слышите-ли, нельзя бороться со мной! Щадя васъ, я его щадила. Онъ не напрасно боится разрыва, скандала. Но я вижу, что вы оба не стоите пощады... И потому слушайте: скоро вы найдете поводъ отказать своему любовнику, потому что у него не будетъ денегъ... Да, денегъ не будетъ, madame Луховецкая!

Она почти прокричала эти слова, забывъ, что ее могутъ услышать. Кое-кто дѣйствительно остановились, приглядываясь къ обоимъ домино, передавая другъ другу только-что произнесенное имя, улыбаясь злорадною улыбкой, выражающею ожиданіе скандала. У Полины похолодѣли руки и ноги. Почти не видя предъ собою, она бросилась чрезъ рядъ комнатъ, и у самой залы наткнулась на Пахтаева, который, съ растерянным видомъ, все время бѣгалъ въ толпѣ, отыскивая ее, сопровождаемый лакеемъ со стаканомъ лимонаду на подносѣ.

— Гдѣ вы были! воскликнулъ онъ тономъ упрека. Лакей, успѣвшій уже расплескать полстакана, радостно подставилъ подносъ. Полина посмотрѣла, точно не понимая, и со злобой дернула головой.

— Dieu, que c'est bête! сказала она громко, и вошла въ залу.

Пахтаевъ вспыхнулъ, и тоже со злостью крикнулъ лакею:

— Не надо!

Онъ догналъ Полину и предложилъ руку. Она машинально приняла ее.

— Вы не могли такъ устроить, чтобы ваша жена не подкарауливала меня въ маскарадахъ? Я изъ за васъ на скандалъ попала, она прокричала на всю залу мою фа-

милію и насказала мнѣ неслыханныхъ дерзостей... проговорила она прерывающимся отъ злобы голосомъ. — Будьте увѣрены, я не забуду этого!

Пахтаевъ сталъ, ошеломленный.

— Моя жена здѣсь! пробормоталь онъ.

— Вамъ не мѣшало бы раньше освѣдомиться объ этомъ.

— Но я не зналъ... мнѣ въ голову не могло придти... Что же она вамъ сказала?

— Не воображаете-ли, что я стану повторять всѣ эти пошлости? Спросите у нея, она вамъ разскажетъ.

И Полина нетерпѣливо обмахивала вѣеромъ разгорѣвшееся подъ маской лицо. Пахтаевъ, погруженный въ самую непріятную тревогу, озирался, какъ-будто высматривая жену. Грозный призракъ скандала совсѣмъ заморозилъ его.

— Успокойтесь, она навѣрно уже уѣхала, сказала съ презрительною ироніей Полина; — она не меньше васъ проникнута ужасомъ скандала. Прокричать чужую фамилію, самой оставаясь подъ маской — это другое дѣло. Но вѣдь вы не въ маскѣ, на васъ сверху до низу написано: генералъ Пахтаевъ! Не бойтесь, «васъ» она не тронетъ...

— Она сумасшедшая со своею ревностью, пробормоталъ Пахтаевъ. — Но я ей объясню, что невозможно же прибѣгать къ подобнымъ выходкамъ.

Полина злобно разсмѣялась.

— Нѣтъ, ужь пожалуйста не берите на себя труда защищать меня, я сама съумѣю обороняться. Позаботьтесь лучше о себѣ, такъ какъ она грозитъ напомнить вамъ, что состояніе принадлежитъ ей...

— Я ужь и такъ довольно часто объ этомъ слышу, съ неудовольствіемъ сознался Пахтаевъ.

Полина продолжала хохотать.

— Право? и грозитъ разводомъ? Но это должно быть до невѣроятности забавно. Вѣдь вы оба трепещете при одномъ призракѣ скандала, и другъ друга пугаете имъ... Я помню, какъ обѣ мои сестры въ дѣтствѣ до смерти боялись темной комнаты и пресерьезно пугали другъ

друга, что потушатъ свѣчи. — «А вдругъ потушитъ?» — и каждая тише воды, ниже травы станетъ... Я иногда какъ сумасшедшая хохотала. Безъ шутокъ, вдругъ въ самомъ дѣлѣ ваша жена потребуетъ развода? Вдругъ «потушитъ»?...

И Полина, опираясь на руку генерала, взглядывала на него изъ подъ маски смѣющимися, злыми глазами. Онъ только слегка отдувалъ розовыя щеки и пощипывалъ губами кончики усовъ, точно хотѣлъ прожевать ихъ.

Глава XIV.

У буфета, повернувшись лицомъ къ толпѣ и вздернувъ пенсне, стояли Каричъ и Безбѣдный, и обмѣнивались короткими замѣчаніями, одинаково ядовитыми, хотя расположеніе духа того и другаго было совсѣмъ не одинаковое: Каричъ, подъ впечатлѣніемъ только-что сыгранной съ нимъ шутки, былъ очень золъ, а Безбѣдный, напротивъ того, въ послѣднее время только и дѣлалъ, что наслаждался «новыми вѣяніями» и чувствовалъ себя въ отличнѣйшемъ настроеніи. Въ немъ, не взирая на отяжелѣніе облѣнившагося и превосходно обезпеченнаго человѣка, чуткость къ общественнымъ теченіямъ была несравненно сильнѣе, чѣмъ у Карича.

— Что это еще за клякса такая? указывалъ послѣдній на широкое бѣлое домино съ черною маской, дѣйствительно походившею на кляксу на листѣ бумаги. — А вонъ та, маленькая, нарочно спотыкается, чтобы приподнять платье и показать ноги.

— Совсѣмъ не ноги, а шелковые чулки, которые она стащила у барыни, возражалъ Безбѣдный. — Однако, мы едва-ли увидимъ здѣсь еще что-нибудь новое. Не поѣхать-ли намъ съ вами къ Борелю?

— А что жь, отлично бы это было... оживился Каричъ. — Отыщемъ Софью Александровну, да еще кого-нибудь прихватимъ. Вонъ идетъ Пахтаевъ, а съ нимъ, конечно, очаровательная madame Луховецкая. Я ее похищаю.

И онъ дѣйствительно направился къ Полинѣ, и пожавъ руку генералу, пригласилъ обоихъ ужинать.

— Поѣзжайте, что ужь тутъ! не спрячетесь! шепнулъ онъ Полинѣ.

— Отыщите мужа, попросила та.

— Пріѣдетъ, отвѣтилъ Каричъ, убѣжденный, что Коко совсѣмъ незачѣмъ отыскивать, такъ какъ онъ самъ всегда знаетъ, гдѣ кто ужинаетъ.

— Мы съ Евгеніемъ Саввичемъ пойдемъ только Софью Александровну поищемъ, а вы насъ тутъ подождите немного.

Черезъ минуту оба вернулись вмѣстѣ съ Софьей Александровной, которой поневолѣ приходилось бывать въ маскарадахъ вмѣстѣ съ мужемъ, такъ какъ послѣдній не пропускалъ ни одного изъ нихъ. Оба, впрочемъ, привыкли ни въ чемъ не стѣснять другъ друга.

Полина протянула руку Пахтаеву.

— До свиданья, сказала она.

— Какъ, развѣ вы не съ нами? обратился къ нему Каричъ.

— Нѣтъ, Владиміръ Михайловичъ не можетъ, ему завтра предстоитъ серьезное дѣло... поспѣшно отвѣтила за него Полина. — Семейное дѣло... добавила она съ нескрываемою ироніей.

Пахтаевъ только вспыхнулъ, и потянувъ руку Полины, поцѣловалъ ее сквозь перчатку.

Черезъ четверть часа небольшое общество размѣстилось въ кабинетѣ у Бореля. Каричъ, на котораго обстановка ресторана всегда дѣйствовала успокоительно, уже забылъ непріятную шутку Анны Всеволодовны, и призвавъ метръ-д'отеля, убѣждалъ его прислать настоящаго понте-кане, и притомъ въ горячей салфеткѣ. Софья Александровна присѣла къ роялю: между своими, за ужиномъ, она еше рѣшалась немножко пѣть. Безбѣдный подошелъ къ Полинѣ.

— Вы сегодня злы, сказалъ онъ.

— Почему вы такъ заключаете? равнодушно спросила та.

— По многимъ признакамъ. Во-первыхъ, вы очень интересны въ настоящую минуту.

— По вашему, я хорошѣю отъ злости?

— Непремѣнно. Вѣдь вы гордая, а гордость зла. Это вашъ шикъ. Потомъ, вы отослали генерала, и еще глубоко уязвили его, напомнивъ что-то семейное... это даже похоже на жестокость.

— Можетъ быть я и хотѣла быть жестокою, сказала Полина.

— Навѣрное. Такихъ ядовитыхъ вещей не говорятъ, нечаянно, подтвердилъ Безбѣдный. — Я тотчас понялъ, что объявлена борьба на жизнь и смерть, и такъ какъ я знаю ваши силы, то мнѣ, сдѣлалось немножко страшно за печальное черное домино, такъ некстати явившееся въ маскарадъ...

— Вы видѣли? узнали? съ живостью спросила Полина.

Безбѣдный слегка какъ бы потупился.

— Мнѣ разсказывали, что между вами произошла какая-то непріятная сцена... отвѣтилъ онъ.

Ему дѣйствительно при выходѣ изъ маскарада кто-то изъ знакомыхъ съ веселымъ, азартомъ передалъ объ «исторіи», о которой теперь уже всѣ толковали.

— Я ненавижу женщинъ этой породы, добавилъ онъ другимъ, почти страстнымъ тономъ.

— Вы ее лично знаете? спросила Полина.

— Очень мало. Безъ сомнѣнія, такая же, какъ всѣ онѣ — спѣсивая ханжа, проникнутая до мозга костей принципами «своего круга», убѣжденная, что въ этомъ кругу даже физическое безобразіе является преимуществомъ предъ буржуазными женщинами. Петербургская легитимистика на какой-то раскольничьей подкладкѣ — вѣдь онѣ теперь всѣ въ сектантство ударились... семивѣрная улица... А у себя дома пошлѣйшая кислятина, вѣчно брюзжащая по поводу вѣтренности мужа, и дѣлающая видъ, будто погружена въ воспитаніе дѣтей, то-есть въ прививку имъ всяческой умственной и нравственной хворости и пошлости.

Полина равнодушно улыбнулась.

— Хорошенькій портретъ! молвила она.

— Увѣренъ, что оригиналъ гораздо противнѣе сказалъ Безбѣдный: — я видалъ такіе экземпляры, и если бы мнѣ пришлось самому столкнуться съ однимъ изъ нихъ — у меня не нашлось бы ни жалости, ни пощады... впрочемъ, вѣроятно, взаимно...

— Какой вы красный! улыбнулась Полина.

— Не считаю нужнымъ скрывать, какой я, и тѣмъ болѣе теперь, когда борьба становится возможною, продолжалъ тѣмъ же страстнымъ тономъ Безбѣдный. — Насъ такъ долго душили, такъ долго мы не смѣли сказать, кого любимъ и кого ненавидимъ, что слишкомъ наивно было бы молчать, когда шансы наконецъ на нашей сторонѣ. Мы видѣли, какъ они пользовались своею силой; теперь наша очередь. У насъ тоже руки есть, и имъ пора дать работу... Говорятъ объ убѣжденіяхъ, объ образѣ мыслей — это, конечно, очень важно, но подъ всѣмъ этимъ есть соціальная основа, даже физіологическая. Я, по крайней мѣрѣ, свою любовь и ненависть въ крови чувствую. У меня, у каждаго изъ насъ, накопились старые счеты — пора свести ихъ.

Лицо Полины улыбалось задумчиво и печально.

— Я тоже такая! сказала она, и глаза ея блеснули.

Татаринъ, распахнувъ ногой дверь, втащилъ ужинъ. За нимъ, какъ предвидѣлъ Каричъ, тотчасъ появилась долговязая фигура Коко.

— Пс, я такъ и зналъ... произнесъ онъ, небрежно наливая себѣ крошечную рюмочку бальзаму. — Ну, мнѣ чертовски надоѣли въ маскарадѣ, я не зналъ какъ отвязаться.

— Кто жь это при женѣ разсказываетъ, засмѣялась Софья Александровна.

— Да нѣтъ, это совсѣмъ не то. Меня интриговали съ политическими цѣлями, объяснилъ Коко.

— Ого! произнесъ Каричъ.

Коко обвелъ всѣхъ выпученными глазами.

— Ну да, съ разными этими просьбами, или чтобы что-нибудь развѣдать. Разумѣется, всѣ знаютъ, что я занимаю мѣсто...

— Ахъ да, мы и забыли, что вы теперь вліятельное лицо, сказалъ Каричъ.

— Ну, я не говорю, чтобъ я имѣлъ большое вліяніе, скромно возразилъ Коко; — но разумѣется, когда такъ близко стоишь по службѣ...

Коко дѣйствительно «состоялъ». Случилось это какъ-то совершенно для всѣхъ неожиданно, и даже для него самого. Онъ просто подвернулся въ ту минуту, когда формировалось новое и очень эффектное по имени учрежденіе. Такъ какъ задачи этого учрежденія отличались крайнею неопредѣленностью, и едва-ли были ясны даже для того, кто его выдумалъ, то вопросъ: годится-ли кто-нибудь, или не годится для этихъ задачъ, представлялся очень растяжимымъ. Притомъ, учрежденіе было задумано въ самомъ либеральномъ смыслѣ, и даже, какъ потомъ объяснилось, съ цѣлью примирить общество съ правительствомъ; при такихъ условіяхъ, выборъ лицъ совершенно праздношатающихся, и потому независимыхъ, казался даже желательнымъ. Награжденіе такихъ лицъ казенными окладами и правами государственной службы составляло какъ бы первый шагъ къ «примиренію». Павелъ Юрьевичъ Луховецкій заявилъ, гдѣ слѣдуетъ, что его сынъ желалъ бы приложить къ живому дѣлу свои скромныя способности, и что пора дать мѣсто людямъ свѣжимъ, съ современнымъ образомъ мыслей; Пахтаевъ съ своей стороны заявилъ, что въ настоящее время нельзя не дорожить такими людьми. Онъ не былъ вполнѣ увѣренъ, дѣйствительно-ли слѣдуетъ дорожить такимъ человѣкомъ, какъ Коко, но впрочемъ, отчего же его не пристроить, когда можно? И такимъ образомъ, Коко явился въ новомъ, политическомъ значеніи — и это даже никого почти не удивило: очень ужь трудное и мудреное было время!

— Что это? форель à la Каричъ? прелестно! воскликнулъ онъ, изслѣдуя въ монокль поданное блюдо, и протянулъ тарелку. — Вы знаете, вѣдь это такъ и называется: каричевская форель.

— Еще бы мнѣ не знать! отозвался Каричъ: — я самъ научилъ всѣхъ поваровъ.

Коко поѣлъ.

— Ну, это по крайней мѣрѣ вкусно. А Анатоль ужасный фарсеръ, сказалъ онъ.

— Какой Анатоль? не поняла Софья Александровна.

Ну, Ладожскій. Мужъ маленькой княгини. Онъ тоже выдумалъ — сиги.

—Какіе сиги? удивились всѣ.

— Ладожскіе, au beurre noire. Мнѣ подавали. Ничего нѣтъ особеннаго.

Софья Александровна фыркнула, Безбѣдный тоже, а Каричъ такъ захохоталъ, что бутылки и стаканы заходили на столѣ, и стекла задребезжали. По крайней мѣрѣ съ минуту всѣ были въ такомъ состояніи, что не могли вымолвить слова. Даже Полина замерла, откинувшись, на спинку стула. Коко, ничего не понимая, пораженный, обводилъ всѣхъ выпученными глазами, и понемногу самъ началъ безсознательно смѣяться.

— Да вы съострить хотѣли, что-ли? спросилъ наконецъ Безбѣдный.

— Отчего съострить? честное слово, мнѣ подавали... у Донона или у Дюссо, ужь не помню, отвѣтилъ съ полною беззаботностью Коко.

Новый взрывъ хохота чуть не опрокинулъ присутствующихъ.

— Я ничего подобнаго въ жизнь не слыхала! сказала почти сквозь слезы Софья Александровна.

— Онъ превзошелъ самого себя, съ трудомъ выговорилъ Каричъ. — Ладожскіе сиги... Анатоль... я завтра разскажу маленькой княгинѣ. Mon cher, вы обезсмертили себя... честное слово!

Коко, все еще ничего не понимая, смотрѣлъ на всѣхъ и скалилъ зубы.

— Что жь я такое сказалъ? спросилъ онъ наконецъ, начиная какъ-будто оскорбляться.

Полина замахала на него руками.

— Ничего, ничего, пусть это такъ останется, сказала она.

— Ну, я право васъ не понимаю. Я вижу, вамъ весело, процѣдилъ Коко, и налилъ себѣ стаканъ шампанскаго. Каричъ разлилъ остальнымъ.

— Здоровье Константина Павловича! предложилъ онъ.

Отъ другаго стакана Коко отказался.

— Вамъ хорошо, у васъ нѣтъ службы, а я завтра дежурный, обьяснилъ онъ, видимо рисуясь новымъ своимъ положеніемъ.

Полина встала и передъ зеркаломъ медленно собирала капюшонъ.

На лицѣ ея выступило утомленіе, а въ глазахъ залегло что-то грустное и недоброе. Хохотъ непріятно отдавался въ ея нервахъ, и Богъ вѣсть почему, въ одну краткую минуту, точно злой вихрь, пробѣжали воспоминанія... Всего четыре года, но какъ безконечно далеко стоялъ тотъ день, когда измученная, своевольная и злая, она приняла предложеніе Коко... Сколько пережито, и какъ гадко пережито съ тѣхъ поръ! Она наклонилась къ зеркалу, почти съ ненавистью вглядываясь въ свои прозрачные и задорные глаза, въ печально-сомкнутыя и все еще гордыя губы. Тусклое стекло было все исчерчено женскими именами. Она вдругъ сняла кольцо и быстро, крупными царапинами, написала: Paulina.

Безбѣдный, потягиваясь, съ довольнымъ видомъ всталъ изъ за стола.

— А вѣдь чувствуется, какъ всѣмъ легче дышать стало, сказалъ онъ. — Мнѣ нынѣшнее время напоминаетъ начало шестидесятыхъ годовъ.

— Какъ бы только не кончилось какъ тогда, скептически замѣтилъ Каричъ.

— Ну, я этихъ опасеній не могу раздѣлить, возразила Софья Александровна; — мы теперь несравненно сильнѣе. То была проба, а теперь настоящее дѣло, и цѣль для всѣхъ ясна.

Каричъ съ задумчивою, но довольною улыбкой погладилъ бороду.

— А что, въ какомъ положеніи ваше назначеніе? какъ шансы? обратился онъ къ Безбѣдному.

Тотъ значительно посмотрѣлъ на него.

— Я имѣю полную надежду, отвѣтилъ онъ.

— Ну, отлично, отлично это! одобрилъ Каричъ, и крѣпко пожалъ ему руку.

Глава XV.

Антонина Павловна Пахтаева вставала довольно рано. Это ей было очень трудно, но она такъ рѣшила, потому что придавала большое значеніе утреннему чаю съ дѣтьми. У нея была система воспитанія, которую она считала англійскою. Додо и Шушу, не смотря на то, что ихъ выгнало ростомъ почти съ мамашу, все еще ходили съ голыми икрами и были обязаны кушать тартинки съ ветчиной и качаться на веревочной лѣстницѣ, повѣшенной въ классной комнатѣ. При нихъ состояла англичанка, которую они терпѣть не могли, и monsieur Сакренонъ, отъ котораго почерпали всѣ контрабандныя свѣдѣнія. Затѣмъ къ нимъ ходилъ русскій учитель, очень искательный молодой человѣкъ, заранѣе убѣжденный, что ихъ ничему нельзя выучить, и даже не надо.

Антонина Павловна съ большою настойчивостью дала понять мужу, что считаетъ для него обязательнымъ присутствовать при семейномъ утреннемъ чаѣ. Пахтаевъ, послѣ долгаго сопротивленія, подчинился, находя, что дѣйствительно этого требуетъ тонъ. Но изъ маскарада онъ вернулся поздно, и подъ самымъ непріятнымъ впечатлѣніемъ, что помѣшало ему заснуть. Поэтому дверь его спальни не отпиралась, и камердинеръ его на скучные вопросы генеральши отвѣчалъ съ вѣжливымъ озлобленіемъ:

— Изволятъ почивать-съ.

Антонина Павловна была болѣе обыкновеннаго не въ духѣ, но не сердилась (ее никто, кромѣ мужа, никогда не видалъ сердитою), а напротивъ, обнаруживала преувеличенную безропотность и почти мученическую твердость духа.

— Ты можешь взять еще одну тартинку, Додо. Ты такъ долго мѣшаешь ложечкой, что дѣйствуешь мнѣ на нервы, Шушу, говорила она дѣтямъ, и затѣмъ вдругъ прибавляла по-французски:

— Избѣгайте думать, будто на мелочи не стоитъ обращать вниманія. Это ложная заносчивость, свойственная мужчинамъ. Человѣкъ долженъ воспитывать въ себѣ чувство долга строгимъ отношеніемъ къ самымъ мелочнымъ обязанностямъ ежедневной жизни.

И ея взглядъ, остановясь на пустѣющемъ мѣстѣ отца семейства, какъ бы находилъ тамъ подтвержденіе только-что высказанной морали.

— Я стараюсь говорить съ вами серьезно, дѣти, потому что, кто знаетъ, можетъ быть вамъ придется встрѣтиться съ соблазномъ тамъ, гдѣ по природѣ вещей вы должны были бы найти высокое руководство, продолжала она, переводя на этотъ разъ свою французскую мысль по-русски, такъ какъ не считала нужнымъ, чтобы monsieur Сакренонъ и миссъ Нелли вникли въ нее.

Додо и Шушу думали въ это время, что бы такое сдѣлать за гимнастикой, на которую ихъ поведутъ сейчасъ, и какъ мухи, потирали подъ столомъ озябшими длинными голыми ногами.

— Они еще очень мило утверждены въ добрѣ, и не сознаютъ цѣны нравственнаго наставленія, замѣчала миссъ Нелли, съ усиліемъ разжимая зубы.

— Но утверждайте ихъ, утверждайте! просила Антонина Павловна.

— О, жизнь пріятна лишь насколько она нравственна, выражался monsieur Сакренонъ.

Антонина Павловна удалилась въ свой будуаръ въ состояніи возрастающаго волненія и нетерпѣнія. Хотя она уже издавна готовилась къ предстоявшему объясненію съ мужемъ, и рискованная попытка минувшей ночи была какъ бы результатомъ окончательно принятаго рѣшенія, но въ сущности, она вовсе не сознавала въ себѣ необходимой рѣшимости. Еслибъ измѣна обнаружилась внезапно и рѣзко, она можетъ быть испытала бы драматическое потрясеніе, изъ котораго сама собой раждается развязка. Но фактъ былъ старый, подготовленный всею прежнею супружескою жизнью Пахтаевыхъ. Антонина Павловна, выйдя замужъ по любви, тѣмъ не менѣе съ

первыхъ же дней считала себя очень несчастною. Изящный генералъ встрѣчалъ ея восторги съ тою вѣжливою и внимательною сдержанностью, которая какъ бы составляла украшеніе его щепетильной личности. Онъ точно былъ неизмѣримо выше ея даже въ интимностяхъ жизни, и дружески, но съ чувствомъ превосходства, указывалъ ей черту, на которой аристократическое существованіе сталкивается съ буржуазнымъ. Онъ какъ бы постоянно стоялъ на стражѣ этой черты, исчезавшей изъ влюбленныхъ глазъ жены. Антонина Павловна, не допускавшая въ себѣ ничего буржуазнаго, приписывала сдержанность мужа его врожденной холодности. Но вскорѣ она должна была узнать, что внѣ домашняго очага аристократическій ледъ очень легко таялъ. Она тогда готовилась быть матерью. Владиміръ Михайловичъ съ нѣжною заботливостью напомнилъ ей объ ея положеніи, и объяснилъ различіе между безотвѣтственными, низшими прихотями, и высшими потребностями сердца и требованіями долга. Объ этомъ шли продолжительные споры, окончившіеся тѣмъ, что Антонина Павловна должна была, волей-неволей, подчиниться теоріи безпослѣдственныхъ развлеченій. Затѣмъ она начала дурнѣть, такъ-что незначительный капиталъ ея красоты быстро израсходовался. Мало-помалу она привыкла къ мысли, что одна половина счастья для нея потеряна. Оставалась надежда на нравственное сочувствіе, на признательность за ничѣмъ не заслуженную любовь, на высшее благородство сердца. Терзаясь, Антонина Павловна училась прощать. Она убѣждала себя, что «низшія прихоти» занимаютъ въ жизни мужа слишкомъ незначительное мѣсто, что отказывая ей въ той любви, за которую она готова была пожертвовать всѣмъ, онъ никому не даетъ этой любви. Только разъяснившіяся ей мало-по-малу отношенія къ Полинѣ заставили ее понять, что Владиміръ Михайловичъ можетъ любить другую женщину именно такъ, какъ она хотѣла быть любимою. Тогда только она увидѣла себя глубоко, вполнѣ несчастною. Не умѣя найтись въ этомъ положеніи, она прибѣгла къ угрозамъ разрыва, къ слезамъ, къ сценамъ

ревности, переходила то къ истерическимъ крикамъ и къ знакомой всѣмъ ординарнымъ женщинамъ мелодрамѣ, то къ безмолвно укоряющимъ или молитвенно возносящимся взглядамъ. Домашняя жизнь сдѣлалась еще некрасивѣе, и въ довершеніе всего, соръ былъ вынесенъ изъ избы самою же пугающеюся всякаго скандала Антониной Павловной, съ помощью ея замлѣвшей въ высшемъ аристократизмѣ родни.

Въ сущности, дѣло казалось какъ-будто очень просто. Генералъ, кромѣ какого-то родоваго болота въ Новгородской губерніи, и оклада по чину, ничего не имѣлъ. Жена могла оставить его безъ денегъ. Но Владиміръ Михайловичъ, безъ сомнѣнія, обратится къ кредиту, разсчитывая, что не вѣчно же будутъ держать его на казенномъ жалованьѣ.

Потерявшаяся Антонина Павловна рѣшилась испытать нѣсколько романическую мѣру — увидѣться со своею соперницей, подѣйствовать на нее зрѣлищемъ любящей и оскорбляемой жены, и въ крайнемъ случаѣ прибѣгнуть къ угрозамъ. Какъ мы видѣли, попытка не имѣла успѣха. Къ терзаніямъ ревности прибавилась обида плохо сыграннаго фарса. Антонина Павловна наконецъ озлобилась, и рѣшилась довести дѣло хотя бы даже до формальнаго разрыва. Она не была увѣрена, устоитъ-ли въ своей рѣшимости, но ей казалось, что серьезная угроза должна образумить мужа.

Владиміръ Михайловичъ вошелъ къ ней уже совсѣмъ окончивъ свой туалетъ, застегнутый на всѣ пуговицы и слегка надушенный. Онъ находилъ, что отъ сукна и отъ мишуры пахнетъ кислотой, и что поэтому необходимо немного опрыскивать себя духами.

— Bonjour, сказалъ онъ съ обычною холодною вѣжливостью, и подошелъ къ ручкѣ.

Антонина Павловна едва прикоснулась губами къ его бѣлому лбу.

— Я не зналъ, что вы способны на такія выходки какъ вчера, заговорилъ онъ.

— Вы заставите меня пойти и на другія выходки, отозвалась на это Антонина Павловна.

— Очень жаль, потому что ставить себя въ смѣшное положеніе вамъ не слѣдовало бы, продолжалъ Пахтаевъ.

— Я не виновата, если вы сами поставили меня въ совершенно невозможное положеніе, возразила Антонина Павловна.

Пахтаевъ вынулъ изъ кармана перчатки, и медленно развернулъ ихъ.

— Вашъ поступокъ былъ совершенно мѣщанскій, точно изъ... русской комедіи, сказалъ онъ.

У Антонины Павловны навернулись на глаза слезы.

— Я сама очень сожалѣю объ этомъ поступкѣ, но я рѣшилась на него щадя васъ и нашихъ дѣтей, отвѣтила она. — Я хотѣла испытать послѣднее средство прежде, чѣмъ пойти на крайнія мѣры, на которыя вы меня вынуждаете своимъ недостойнымъ поведеніемъ. Я старалась дѣйствовать на васъ убѣжденіемъ, лаской, надѣялась тронуть ваше сердце; я ждала, чтобы наконецъ проснулась ваша совѣсть, чтобы вы увидѣли бездну, въ которую влечетъ васъ ваша безнравственность.

Пахтаевъ, выпрямивъ затянутый станъ и слегка раздвинувъ ноги, внимательно застегивалъ перчатку.

— Вы не кончили? спросилъ онъ, когда Антонина Павловна остановилась, чрезвычайно довольная плавностью собственной рѣчи, и желая знать, что онъ на все это скажетъ.

— Нѣтъ, не кончила, хотя, признаюсь вамъ, мнѣ не очень хочется продолжать, отвѣтила она. — Вы уже столько разъ все это слышали, и мнѣ жаль понапрасну тратить слова.

— Я всегда удивлялся, зачѣмъ вы ихъ тратите, замѣтилъ генералъ. — Но это все-таки лучше чѣмъ... дойти до скандала въ публичномъ мѣстѣ. О васъ теперь весь городъ говоритъ.

— И все-таки меня никто не можетъ осудить, потому что я защищаю права честной женщины, права матери... Владиміръ Михайловичъ, я вижу, что вы торопитесь, и не расположены меня слушать. Но можетъ быть вы больше обратите вниманія на мои слова, если я скажу вамъ, что чрезъ нѣсколько дней я уѣзжаю съ дѣтьми въ деревню и отправляю туда всю мебель, а квартиру эту сдаю. Вы, конечно, можете перевести контрактъ на свое имя, если находите удобнымъ оставаться здѣсь; но я думаю, что эта квартира вамъ не по средствамъ.

Полныя, розовыя щеки Пахтаева какъ-будто слегка дрогнули.

— Вы угадали, я дѣйствительно тороплюсь. Я всегда тороплюсь, когда вы начинаете говорить, passez le mot, разный вздоръ.

И онъ, сдѣлавъ поворотъ на каблукахъ, пошелъ по ковру своею мелкою, подрагивающею походкой.

Антонина Павловна быстро поднялась съ кресла.

— Будьте увѣрены, что я окончательно рѣшилась, и сегодня же начну всѣ распоряженія, объявила она нетерпѣливо.

— Не хочу допустить, что вы совершенно потеряли голову, отвѣтилъ онъ, и вышелъ.

Въ этотъ день онъ не обѣдалъ дома и вернулся поздно; а утромъ его разбудилъ стукъ молотковъ, раздавшійся за стѣной.

— Что тамъ такое? спросилъ онъ камердинера.

— Мебель укладываютъ, отвѣтилъ тотъ, подавляя скользнувшую по губамъ усмѣшку.

Пахтаевъ нахмурился: шутка становилась серьезною. Накинувъ пальто, онъ вышелъ въ залу. Тамъ уже

стояли огромные ящики, и нѣсколько человѣкъ рабочихъ усердно упаковывали мебель мочалой и забивали гвозди.

— Скоро думаете управиться? спросилъ Пахтаевъ.

— Приказано завтра безпремѣнно кончить, отвѣтилъ артельщикъ.

Пахтаевъ повелъ глазами по комнатѣ, и увидѣлъ на окнахъ билетики.

«Она рѣшительно съума сошла», подумалъ онъ, струхнувъ уже не на шутку.

Глава XVI.

Онъ, однако, еще былъ увѣренъ, что все это однѣ угрозы, которыми хотятъ вырвать у него уступки. Невозможно, чтобъ Антонина Павловна рѣшилась довести дѣло до формальнаго разрыва. Что скажетъ свѣтъ, какъ взглянетъ ея тетка, величавая и строгая Таисія Ивановна Беклищева, одинъ изъ исчезающихъ обломковъ стараго двора, стоявшая какъ бы въ сторонѣ отъ нынѣшнихъ сферъ, но сохранившая какое-то неосязаемое вліяніе, о которомъ всѣ знали и съ которымъ всѣ считались? Что скажетъ братъ, молодой генералъ Беклищевъ, весь радостно отданный своей шибко и гладко слагающейся карьерѣ, и не допускающій даже мысли, чтобы въ ихъ семьѣ, могло имѣть мѣсто что-либо напоминающее скандалъ?

Пахтаевъ не считалъ себя безусловно правымъ въ этой домашней распрѣ, и готовъ былъ бы на нѣкоторыя уступки. Если онъ въ послѣднее время позволялъ себѣ слишкомъ часто показываться въ публикѣ съ Полиной, и вообще держалъ себя неосторожно, это конечно была ошибка съ его стороны. Но Антонина Павловна возбуждала денежный вопросъ. Въ этомъ вопросѣ уступка равнялась совершенному отказу отъ Полины. Пахтаевъ уже привыкъ понимать это. Онъ находился въ томъ странномъ противорѣчіи съ логикой чувства, которое издали представляется совсѣмъ невозможнымъ, и въ которое между тѣмъ очень часто впадаютъ люди, искренно увлеченные. Можетъ-ли существовать любовь тамъ, гдѣ есть денежный интересъ? Повидимому, не можетъ, и издали каждый отвѣчаетъ отрицательно. Но въ жизни очень часто люди, платящіе за любовь женщины, убѣждены, что ихъ въ самомъ дѣлѣ любятъ. Это одна изъ тайнъ той неразгаданной и властной силы, которую называютъ страстью. Она, какъ всякая тайна, совершается во мракѣ, незримыми путями овладѣвая мыслью и сердцемъ, и заставляя человѣка въ своемъ собственномъ дѣлѣ смотрѣть

на все совершенно иными глазами, иначе думать и чувствовать. Полина не скрывала отъ него, съ самаго начала ихъ романа, что у ея мужа нѣтъ обезпеченныхъ средствъ. Она даже нѣсколько разъ плакала при немъ отъ низменныхъ огорченій, причиняемыхъ запутанными обстоятельствами. Она понимала, что это нисколько не ослабляетъ первыхъ впечатлѣній страсти; напротивъ, обыкновенно любятъ сильнѣе, когда женщина несчастна, когда она имѣетъ право жаловаться на семейныя условія и презирать мужа. Пахтаеву естественно было предложить свою помощь. Она была принята съ нервными слезами, съ влюбленною злобой и стыдомъ, она дала матеріалъ для превосходно разыгранной драматической увертюры, подъ лукавые звуки которой сердце Пахтаева такъ радостно и трепетно болѣло... Затѣмъ, въ этой низменной сторонѣ дѣла самъ собою установился порядокъ. Во всемъ существѣ Полины съ перваго взгляда угадывалась привычка къ роскоши, изящное легкомысліе женщины, не умѣющей считать и соразмѣрять. Было бы даже странно и неестественно видѣть ее внѣ элегантной обстановки, лишенною тѣхъ радостей, которыя даетъ женщинѣ опьяненіе мотовства, удаль безтолковаго швырянья денегъ. Доставлять ей подобныя удовольствія служило для Пахтаева источникомъ своего рода наслажденій. Онъ какъ-будто самъ раздѣлялъ опьяненіе этой удали, онъ чувствовалъ, что такъ они ближе другъ къ другу, сильнѣе любятъ другъ друга. Это, конечно, не составляло главной связи между ними, но всякая перемѣна въ этомъ отношеніи представлялась невозможною. Пахтаевъ, посаженный женой на казенное жалованье, прикидывающійся, что не понимаетъ щекотливыхъ намековъ, изворачивающійся съ помощью никого не обманывающихъ хитростей, когда любимая женщина проситъ его заплатить по счету, — такого Пахтаева онъ даже не могъ себѣ представить. Полина, конечно, любитъ его не изъ за денегъ, но когда ея счеты не будутъ уплачены, когда ей будутъ надоѣдать, когда онъ долженъ будетъ сознаться, что уже не можетъ устранять съ ея пути всѣ низменныя заботы и

огорченія, она будетъ не въ духѣ, его страстныя признанія будутъ звучать фальшиво, онъ будетъ униженъ, почти опозоренъ въ ея глазахъ. Вопросъ самолюбія, тщеславія, — это такъ близко къ вопросамъ любви. «Но она не рѣшится, она не посмѣетъ, она хочетъ только напугать меня», думалъ онъ, непріятно тревожась въ теченіи цѣлаго дня, и осторожно наблюдая за всѣмъ, что дѣлалось въ домѣ. А въ домѣ, повидимому, шли приготовленія, горничныя укладывали сундуки и вализы, Антонина Павловна два раза куда-то выѣзжала и возвращалась съ цѣлымъ ворохомъ покупокъ, очевидно предназначенныхъ для деревни. «Можетъ быть она и дѣйствительно уѣдетъ въ деревню немножко раньше, чѣмъ предполагала... и это даже очень недурно будетъ», успокоивалъ себя Пахтаевъ, и принималъ рѣшеніе выдержать характеръ до конца, показать, что угрозы на него не дѣйствуютъ, что онъ знаетъ ихъ настоящую цѣну. Онъ не понималъ только, что жена, перепуганная собственною рискованною выходкой въ маскарадѣ, уже гораздо меньше боялась новаго скандала, и готова была зажмурить глаза и идти, куда толкнетъ ее упрямство...

Полина, которой онъ разсказалъ о приготовленіяхъ Антонины Павловны, долго и весело хохотала.

— Но я не думала, чтобъ она васъ до такой степени за ребенка принимала, сказала она. — Вы видно давно уже пріучили ее дѣлать съ вами все, что угодно. Вотъ что значитъ обнаружить какую-нибудь свою слабость!

— Что же я обнаружилъ? спросилъ, какъ бы уязвленный такимъ замѣчаніемъ, Пахтаевъ.

— Но вы видите, она убѣждена, что съ вами можно сыграть самую шутовскую комедію, отвѣтила Полина.

И взглянувъ на него въ упоръ смѣющимися, самоувѣренными глазами, она весело пожала плечами и добавила:

— Dieu, que les hommes sont bêtes!

Вечеромъ Антонина Павловна вошла къ нему въ кабинетъ, и по ея сухому, безстрастному лицу онъ догадался, что предстоитъ непріятное объясненіе.

— Такъ какъ я послѣ-завтра уѣзжаю, то мнѣ хотѣлось бы покончить здѣсь со всѣми дѣлами, сказала она.

— Я не зналъ, что у васъ есть дѣла, произнесъ Пахтаевъ.

— Но у васъ всѣ деньги! объяснила съ печальною торжественностью Антонина Павловна.

У Пахтаева усы чуть-чуть дрогнули.

— Деньги въ акціяхъ и въ билетахъ, слѣдовательно что же еще можно съ ними сдѣлать? возразилъ онъ, какъ-то бѣгая глазами.

— Но я не возьму ихъ съ собою, а отдамъ на храненіе въ банкъ, отвѣтила Антонина Павловна.

Пахтаевъ молча всталъ, и кусая губы, подошелъ къ бюро, отперъ ящикъ и выложилъ оттуда пачки бумагъ.

— Я принесу шкатулку, сказала Антонина Павловна, и легкими, почти рѣзвыми шагами вышла изъ комнаты, и чрезъ минуту возвратилась съ большою изящною шкатулкой, гдѣ у нея лежали драгоцѣнности. Поднявъ верхній ящикъ, она аккуратно уложила на дно билеты, не забывая какъ бы незамѣтно пересчитать ихъ, затѣмъ заперла шкатулку и унесла ее, прижавъ обѣими руками къ груди.

Пахтаевъ, оставшись одинъ, сѣлъ и нѣсколько минутъ усиленно дымилъ изъ папиросы, поеживая носомъ и слегка отдувая щеки.

— Комедіантка, рѣшилъ онъ въ заключеніе.

Поутру, пока онъ не выходилъ еще изъ своей уборной, въ передней нѣсколько разъ раздавались звонки. Камердинеръ объяснилъ, что это приходятъ смотрѣть квартиру.

— Кто же смѣлъ пускать ихъ! Я не позволяю! вспыхнулъ Пахтаевъ.

— Билетики на окна налѣпили, отвѣтилъ съ подавленною усмѣшкой слуга.

— Я не позволяю! гнать всѣхъ! вторично прикрикнулъ Пахтаевъ, и розовыя щеки его сдѣлались почти багровы.

Какъ у него всегда бывало въ случаяхъ семейной ссоры, онъ приказалъ подать чай къ себѣ въ кабинетъ.

Ему доложили, что пришелъ управляющій домомъ, тоже насчетъ квартиры.

— Пусть идетъ къ барынѣ, отказался Пахтаевъ.

— Генеральша сами къ вамъ отослали, отвѣтилъ камердинеръ.

Пахтаевъ швырнулъ газету, которую держалъ въ рукахъ, и прошелъ къ женѣ. Антонина Павловна, совсѣмъ одѣтая, застегивала на себѣ предъ зеркаломъ стальной поясъ, придававшій ея черному туалету еще болѣе строгій, дѣловой видъ. На столикѣ подлѣ нея стояла знаменитая шкатулка.

— Мнѣ кажется, вамъ пора бы прекратить эту комедію, а то уже съ улицы приходятъ на нее смотрѣть. Вѣдь это все-таки домашній спектакль, проговорилъ онъ съ торжественною язвительностью.

Антонина Павловна оглянулась на него черезъ плечо.

— Вотъ я уѣду, и тогда этотъ непріятный спектакль кончится, отвѣтила она.

— Вы хотите непремѣнно, чтобы мы оба сдѣлались посмѣшищемъ цѣлаго города?

— Да, я лучше желаю, чтобы смѣялись надъ нами обоими, чѣмъ надо мною одной. Но успокойтесь, смѣяться не будутъ: то, что я дѣлаю, слишкомъ мало похоже на комедію.

— Вы забываете, что въ наше время трагедіи еще болѣе смѣшны.

— Ахъ, Боже мой, но если въ наше время всѣ такъ смѣшливы, то пусть смѣются, произнесла Антонина Павловна, и на глазахъ ея навернулись слезы.

Пахтаевъ съ выраженіемъ нетерпѣнія пожалъ плечами.

— Но объясните же наконецъ, чего вы собственно хотите? спросилъ онъ почти грубо.

Антонина Павловна сложила на груди руки.

— Чего я хочу, Владиміръ Михайловичъ? Я хочу, чтобы вы отказались отъ этой недостойной женщины, которая заставляетъ васъ забыть семью, обязанности, увлекаетъ васъ въ бездну.

— Женщина, которую вы оскорбили!

— О, я не считаю, чтобъ я могла ее оскорбить. Для такихъ женщинъ не существуетъ оскорбленій.

Пахтаевъ нетерпѣливо кусалъ кончики усовъ.

— Хорошо, предположимъ, что я разорву съ этою женщиной; я желалъ бы знать, въ чемъ будетъ заключаться для васъ перемѣна? сказалъ онъ. — Я еще не отжилъ свой вѣкъ, на моей дорогѣ могутъ встрѣтиться новыя увлеченія. Вы полагаете, что можно насильно умертвить потребность чувства, засушить сердце? Не будетъ одной, будетъ другая.

Глаза Антонины Павловны изобразили ужасъ.

— У васъ есть семья, есть обязанности! воскликнула она.

— Какъ и у всѣхъ другихъ, отвѣтилъ Пахтаевъ, — полагаете вы, что они всѣ влюблены въ своихъ женъ?

— Но то, что вы говорите, безнравственно! съ тѣмъ же выраженіемъ ужаса воскликнула Антонина Павловна.

— Нѣтъ, гораздо безнравственнѣе то, чего вы хотите, возразилъ Пахтаевъ. — Вѣдь вы очень легко мирились съ моею свободой, пока не замѣтили, что эту женщину, которая такъ низко стоитъ въ вашихъ глазахъ, я люблю! Вы снисходительны къ разврату, но боитесь серьезнаго чувства; вотъ ваша нравственность добродѣтельной жены!

— Я не унижалась до того, чтобы слѣдить за вашими развлеченіями, отвѣтила Антонина Павловна, обходя философскую сторону вопроса.

— Ну, положимъ, вы очень слѣдили, и даже подсылали горничныхъ подглядывать за мной... напомнилъ Пахтаевъ.

Антонина Павловна вспыхнула: къ этимъ мѣрамъ она дѣйствительно прибѣгала, и не одинъ разъ попадалась.

— Но дѣло не въ томъ, продолжалъ Пахтаевъ. — Вы хотите добиться своей цѣли, дѣйствуя на меня угрозами. Я вижу, что эта игра завела уже васъ слишкомъ далеко, и пришелъ предупредить васъ: бросьте, вы ничего не добьетесь.

— Вы видите, я уѣзжаю и увожу дѣтей, — это все, что я могу сдѣлать, сказала Антонина Павловна.

— Пустяки; если вы и уѣдете, то съ тѣмъ, чтобы вернуться. Скандалъ вамъ не поможетъ, а на разрывъ вы не рѣшитесь.

— Вы думаете!

— Я вамъ впередъ объявляю это. И потому, прикажите лучше раскупорить ящики и снять билеты съ оконъ. Шутка становится слишкомъ длинною — и забавною не для насъ, а для свѣта.

И съ этими словами Пахтаевъ повернулся на каблукахъ и вышелъ своею мѣрною, подрагивающею походкой.

Глава XVII.

Антонина Павловна проводила его почти злыми глазами, и опустилась въ кресло въ состояніи мучительнаго раздраженія. Она не ожидала, что онъ такъ скоро пойметъ ея игру. Угрожающія приготовленія, въ самомъ дѣлѣ, оказывались смѣшны. Но она не хотѣла остаться смѣшною. Мужъ былъ правъ, шутка зашла слишкомъ далеко, и обращалась противъ нея самой. Надо было быть серьезною.

Она чувствовала себя оскорбленною, уязвленною. Онъ никогда не былъ такъ цинически откровененъ. Онъ не допускалъ, чтобы даже разрывъ съ Полиной могъ что-нибудь измѣнить въ ихъ отношеніяхъ. «Не будетъ одной, будетъ другая»... Если такъ, то значитъ нечего ждать и незачѣмъ щадить. Лучше сбросить съ себя эти лживыя цѣпи, чѣмъ влачить ихъ безсмысленно и постыдно. Она съумѣетъ достойно нести свою судьбу. Она посвятитъ всю свою жизнь дѣтямъ, дастъ имъ воспитаніе вдали отъ соблазнительныхъ примѣровъ, спасетъ имъ состояніе, которое отецъ легкомысленно растрачивалъ, и свѣтъ, устыдившись своихъ собственныхъ насмѣшекъ надъ обманутою женой, пріучится уважать въ ней отдавшуюся высокому долгу мать. Притомъ, у нея есть родные, которые съумѣютъ понять ее и защитить отъ злословія.

Антонина Павловна приказала вынести въ карету шкатулку и поѣхала прямо въ банкъ, а оттуда къ своей теткѣ Беклищевой, съ которою хотѣла переговорить обо всемъ по родственному.

Таисія Ивановна жила по старинному. У нея былъ свой штатъ, приживалки, воспитанницы, цѣлая толпа какихъ-то добровольныхъ прислужниковъ, весьма скромныхъ на видъ, толкавшихся около нея отчасти по врожденной потребности благоговѣть предъ кѣмъ-нибудь, отчасти по совершенной негодности ни къ какому дѣлу. Они цѣлые дни слонялись по комнатамъ, почти-

тельно подавали Таисіи Ивановнѣ то платокъ, то рабочую корзинку, то карты для пасьянса, выбѣгали взглянуть на термометръ или позвать прислугу, присаживались на кончикъ стула, когда никого не было, и скромно удалялись, когда входилъ важный посѣтитель. Трудно сказать, что они имѣли въ виду, но имъ казалось, что уже одна близость къ Таисіи Ивановѣ составляетъ преимущество, создаетъ положеніе. Потомъ они куда-то исчезали, и никто не замѣчалъ ихъ отсутствія, и не зналъ, что съ ними сталось, какъ прежде никто не замѣчалъ ихъ почтительнаго пребыванія и благоговѣйной услужливости. По всей вѣроятности, ихъ въ концѣ-концовъ поглощала бездонная пучина «государственной службы», на которую Таисія Ивановна смотрѣла съ единственной доступной ей точки зрѣнія — пристроить и облагодѣтельствовать. Точно также тихо и безвѣстно исчезали молодыя и старыя особы женскаго пола, похищаемыя то бракомъ, то гостепріимною дверью какого-нибудь казеннаго учрежденія, то смертью, и обычные посѣтители даже не замѣчали, что прежде о нихъ докладывала какъ-будто блондинка, а сегодня встрѣтила ихъ какъ-будто брюнетка.

Антонина Павловна прошла чрезъ цѣлый рядъ огромныхъ, по старинному убранныхъ комнатъ, украшенныхъ вышитыми подушками, скатертями и экранами, букетами искусственныхъ цвѣтовъ и всевозможными предметами рукодѣлій. Таисія Ивановна сохраняла страсть къ подаркамъ «собственной работы», и ей постоянно что-нибудь подносили. Даже поблеклые, выцвѣтшіе акварельные портреты и пастели, висѣвшіе по всѣмъ стѣнамъ, были произведеніемъ дилеттантскихъ рукъ, и картонныя рамки ихъ украшались шелковыми и бисерными вышивками. А портреты были интересные, и составляли какъ бы иллюстрацію къ ненаписанной хроникѣ стараго двора...

— Можно къ тетѣ? спросила Антонина Павловна попавшуюся ей навстрѣчу дѣвицу неопредѣленнаго воз-

раста, съ сѣрымъ лицомъ и такого же цвѣта гладко зачесанными волосами.

— Пожалуйте, онѣ теперь бульонъ кушаютъ, благоговѣйно отвѣтила та, притянувъ локти къ кривой таліи.

Антонина Павловна прошла въ большую темноватую комнату, перегороженную по всѣмъ направленіямъ ширмочками. Таисія Ивановна сидѣла на длинномъ креслѣ, съ укутанными въ вязаный пледъ ногами, и макала въ бульонъ сухарики. Подлѣ нея, на низенькомъ табуретѣ, помѣщалась другая дѣвица неопредѣленнаго возраста и еще болѣе неопредѣленнаго назначенія, ибо держалась она совершенно неподвижно, поднявъ на Таисію Ивановну свѣтлые, какъ бы увлаженные глаза, и сложивъ на колѣняхъ худыя и черныя руки. Поодаль на стулѣ сидѣлъ скромный молодой человѣкъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ и коротенькихъ брюкахъ, и читалъ вслухъ газету. При входѣ Антонины Павловны онъ тотчасъ сложилъ листъ и вышелъ, тихо скрипя сапогами.

— Здравствуй, ma chère, привѣтствовала племянницу Таисія Ивановна, подставляя щеку.

— Здравствуй, ma chère, повторилъ тотчасъ чей-то голосъ, заставившій Антонину Павловну вздрогнуть.

Она оглянулась и увидѣла попугая, кивавшаго ей толстымъ носомъ изъ за чепца тетушки.

— Ахъ, попка, я каждый разъ забываю про него! сказала она, скрывая невольный испугъ. — Какъ ваше здоровье, ma tante? Я уже столько времени никакъ не могла выбраться къ вамъ.

— Спасибо, здоровье мое все въ одномъ положеніи. Ноги!

И Таисія Ивановна указала глазами на покрывавшій ее вязаный пледъ.

— Боже мой, все ноги? произнесла Антонина Павловна, и разговоръ на нѣсколько минутъ принялъ медицинское направленіе.

— Варенька, подайте сюда сахаръ, приказала Таисія Ивановна.

Сидѣвшая на табуретѣ дѣвица быстро встала и подала блюдечко съ мелкими кусочками сахару. Таисія Ивановна взяла одинъ кусочекъ, помочила его во рту, и протянула попкѣ. Тотъ съѣлъ.

— А я пріѣхала проститься съ вами, ma tante; я уѣзжаю въ деревню, сказала съ замѣтнымъ волненіемъ Антонина Павловна.

Тетка съ удивленіемъ взглянула на нее.

— Какъ, такъ рано? спросила она.

— Меня вынуждаютъ обстоятельства! объяснила m-me Пахтаева, и взглянула на приживалку.

— Какія же обстоятельства? спросила Таисія Ивановна.

— Вотъ объ этомъ именно я и хотѣла переговорить съ вами, такъ какъ мнѣ необходимы совѣтъ вашъ и участіе, отвѣтила Антонина Павловна, и снова взглянула на дѣвицу съ черными руками.

— Варенька, посидите тамъ съ Иваномъ Демьяновичемъ, распорядилась Таисія Ивановна.

Дѣвица безмолвно поднялась и вышла.

Антонина Павловна подвинула свой стулъ, и волнуясь, торопясь и порядочно путаясь, принялась разсказывать о недостойномъ поведеніи мужа и о своемъ рѣшеніи разойтись съ нимъ навсегда. Она уже и раньше посвящала тетку во всѣ подробности этой, какъ она выражалась, постыдной интриги, но теперь ей хотѣлось еще разъ, въ раскрашенномъ самыми мрачными красками разсказѣ, представить весь ужасъ своего положенія и все недостоинство мужа. Таисія Ивановна слушала со свойственнымъ женщинамъ любопытствомъ и какъ бы даже съ удовольствіемъ, выраженіе котораго могло бы показаться загадочнымъ Антонинѣ Павловнѣ, еслибы сама она не любила до такой степени всѣ домашнія и интимныя исторіи. Но по мѣрѣ того, какъ выяснялось принятое оскорбленною женой рѣшеніе, лицо Таисіи Ивановны становилось все недовольнѣе и оскорбительнѣе.

— Ну, вздоръ, вздоръ, произнесла она наконецъ, покачавъ головой и замахавъ руками. — Ты этихъ глупостей и не начинай пожалуйста.

— Но мнѣ ничего больше не остается, ma tante. Я не могу переносить такихъ оскорбленій, и я рѣшилась, ma tante! вымолвила со слезами на глазахъ Антонина Павловна.

— Вздоръ, вздоръ, слышать не хочу, повторила тетка. — Это, еслибы съ каждымъ мужемъ разводиться оттого, что онъ дѣлаетъ невѣрности, такъ скоро ни одной вѣнчанной пары не осталось бы.

Таисія Ивановна, чтобы придать себѣ нѣкоторый особый отпечатокъ, говорила всегда по русски, но думала по французски и оттого ея рѣчь отзывалась то переводомъ, то простонародностью.

Антонина Павловна была очень прискорбно удивлена тѣмъ, что слышала изъ родственныхъ устъ.

— Но вѣдь вы сами, ma tante, всегда возмущались поведеніемъ Вольдемара, воскликнула она.

— Оттого возмущалась, что ему не слѣдъ афишироваться съ этою своею метреской, отвѣтила Таисія Ивановна. — А расходиться, это ты вздоръ выдумала. Никогда у Беклищевыхъ ничего такого не бывало. Всѣ они такіе, мужья-то. Мой покойный Сергѣй еще почище твоего Вольдемара волокита былъ. Горничныхъ хоть не держи, ни одной не пропуститъ. Ну, я, бывало, позову мерзавку къ себѣ въ спальню, да и отдую по щекамъ. А когда у него началась ліэзонъ съ княгиней Собакиной, я ей на придворномъ балѣ комплимента не отдала.

— Но, ma tante, вѣдь я... люблю Вольдемара! воскликнула Антонина Павловна.

— А словно я не любила Сергѣя! возразила тетка. — Только я его не баловала по вашему, какъ нынѣшнія жены, которыя хуже любовницъ съ мужьями. Въ наше время мы умѣли себя поставить. Ужь на что тогда самодурства всякаго и тиранства больше было, а баловать мужей мы не любили. На то дворовыя дѣвки были, да

цыганки. А вѣдь нынче до чего безстыдство дошло, слушать тошно.

Антонина Павловна вспыхнула и потупилась.

— Я васъ не понимаю, ma tante, пожала она плечами. — Мнѣ кажется, если люди вступаютъ въ бракъ, то для того, чтобы любить другъ друга.

— Я тебѣ говорю: мы развѣ не любили въ наше время? возразила Таисія Ивановна. — Только у насъ любовь благороднѣе была, мы уважали себя больше. И мужей, не смотря на все ихъ самодурство, умѣли въ рукахъ держать. Нашу ласку они за большой праздникъ считали, а отъ нынѣшнихъ женъ отбивайся только.

Антонина Павловна все болѣе краснѣла и даже злобилась.

— Объ этомъ я ничего не знаю, ma tante, но я разсуждаю такъ, что если Вольдемаръ любитъ другую женщину, то значитъ я не нужна ему, и тогда зачѣмъ же намъ тяготить другъ друга и продолжать эту брачную комедію, когда она ничего болѣе, какъ ложь! сказала она такимъ злымъ тономъ, какъ-будто Таисія Ивановна сама была во всемъ этомъ виновата.

— Вздоръ, сказала опять тетка; — Вольдемаръ твой осторожнѣе будетъ, я сама съ нимъ переговорю. А срамиться тебѣ не за чѣмъ.

Лицо Антонины Павловны приняло упрямое выраженіе.

— Я такъ далеко зашла уже, что если это кончится ничѣмъ, онъ меня рѣшительно ни во что будетъ считать, возразила она.

— Ты, пожалуй, поѣзжай въ деревню, попугай его, сказала Таисія Ивановна. — А хочешь на него узду имѣть, надо иначе дѣйствовать, добавила она, бросивъ на племянницу замысловатый взглядъ.

— Какъ же дѣйствовать? спросила Антонина Павловна.

— А такъ, чтобъ онъ тоже боялся. За тобой развѣ никто не ухаживаетъ?

Молодая женщина сдѣлала почти негодующее движеніе головой.

— Нѣтъ, къ такимъ средствамъ я не намѣрена прибѣгать, отвѣтила она.

Ей хотѣлось заплакать, углы губъ ея вытянулись.

— Я не ожидала, ma tante, что вы такъ странно отнесетесь къ моему горю, сказала она; — я думала встрѣтить у васъ родственное участіе, поддержку въ моемъ положеніи; но, видно, мнѣ остается только на себя одну положиться, и сдѣлать то, на что я уже рѣшилась!

И она, наклонивъ голову, прижала къ глазамъ батистовый платокъ.

— Ну, матушка, въ глупостяхъ твоихъ я тебя поддерживать не стану, сказала тономъ неудовольствія тетка. — Совѣтъ свой я тебѣ подала, не хочешь меня послушаться, дѣлай какъ знаешь. А только я тебѣ повторяю, хорошаго ничего изъ того не будетъ — осрамишься, и насъ осрамишь. И брату твоему, да и мнѣ на старости лѣтъ непріятно будетъ, какъ по городу басня пойдетъ.

— Чѣмъ я васъ осрамлю? тѣмъ, что я несчастная, несчастная женщина! произнесла сквозь слезы Антонина Павловна.

— Э, матушка, надъ несчастьемъ да надъ глупостью больше смѣются, чѣмъ надъ чѣмъ другимъ, сказала все тѣмъ же недовольнымъ тономъ Таисія Ивановна. — Увидишь, какіе комеражи да смѣшки пойдутъ. Дура ты, ma chère, право дура.

Попугай при этомъ словѣ заволновался.

— Дура! дура! повторилъ онъ съ трескомъ, широко развѣвая клювъ.

— Слышишь? вотъ и попка тоже, а онъ у меня умный, всегда съ толкомъ скажетъ, молвила Таисія Ивановна, и подала своему любимцу новый кусочекъ сахару.

Глава XVIII.

Этимъ днемъ у Полины былъ назначенъ одинъ изъ тѣхъ маленькихъ обѣдовъ, которые такъ восхищали Пахтаева. Онъ находилъ, что тамъ только и можно отдохнуть отъ утомительной, чопорной скуки и отъ некрасивыхъ женскихъ лицъ. Дѣйствительно, чувство зависти и ревности было совершенно незнакомо Полинѣ; у нея собирались такія хорошенькія, молодыя, веселыя дамы, принадлежавшія къ весьма многочисленному нынче въ Петербургѣ кругу, который образовалъ средину между свѣтомъ и полусвѣтомъ, и требуя наружнаго уваженія къ себѣ, остается очень равнодушенъ къ тому, что говорится о немъ за глаза. Эти дамы прекрасно одѣвались, были очень изящно обставлены, имѣли мужей и хотѣли веселиться во что бы то ни стало. Въ очень строгихъ домахъ ихъ не принимали, но иногда то та, то другая появлялись въ порядочномъ обществѣ, и когда кто-нибудь удивлялся, ему возражали, пожимая плечами:

— Полноте, кто же можетъ знать эти вещи навѣрное? Про всякую женщину ходитъ какая-нибудь сплетня.

И онѣ сами старались всѣми способами служить сплетнѣ, догадываясь, что чѣмъ больше будетъ женщинъ съ заподозрѣнною репутаціей, тѣмъ ниже должна будетъ опуститься общественная снисходительность.

Собственно говоря, онѣ даже не злословили, а только, по собственному убѣжденію, видѣли вещи въ ихъ естественныхъ формахъ и краскахъ. Такая точка зрѣнія допускала добродѣтель только въ смыслѣ невольнаго бремени, навязаннаго мужчинамъ глупостью и узкостью натуры, а женщинамъ — физическимъ безобразіемъ. И потому эти дамы не могли относиться къ добродѣтели иначе, какъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ состраданія. Состраданіе предполагаетъ чувство собственнаго превосходства, а съ этимъ чувствомъ въ молодости живется весело. И дѣйствительно, на маленькихъ интимныхъ обѣ-

дахъ Полины присутствовало веселье и выпивалось много шампанскаго.

Коко былъ сегодня совсѣмъ безподобенъ. Онъ купилъ у Эрбера земляники. Эта земляника, въ огромной хрустальной вазѣ, стояла посерединѣ стола съ самаго начала обѣда, между фарфоровыми пирамидками для конфетъ и посеребренными холодильниками. Кромѣ того, подавали спаржу, и притомъ послѣ жаркаго, какъ это только-что входило въ моду. Присутствіе такихъ деликатныхъ примеровъ за собственнымъ столомъ, наполняло его сознаніемъ своего личнаго достоинства. Онъ выпячивалъ горловую косточку, болѣе обыкновеннаго цѣдилъ и обѣщалъ показать, какъ надо ѣсть землянику. Придуманный имъ способъ заключался въ томъ, что онъ положилъ на тарелку кусокъ мороженнаго, натолкалъ туда ягодъ, и облилъ все это ромомъ.

— Goûtez, mesdames, c'est délicieux! говорилъ онъ сидѣвшимъ по обѣ стороны дамамъ, накладывая эту смѣсь на кончикъ языка.

Дамы брали ложечками съ его тарелки и спрашивали, можно-ли опьянѣть отъ этого. Потомъ Коко придумалъ, что будетъ еще лучше, если зажечь ромъ. Но ромъ не зажигался.

— Нѣтъ, посмотрите, что я сдѣлаю, объявилъ Коко, и наливъ рому въ дессертную ложку, поднесъ спичку. Надъ ложкой вспыхнуло голубое пламя.

— Я проглочу, сказалъ Коко, и дѣйствительно влилъ въ ротъ зажженый ромъ, и даже не поморщился, а только болѣе обыкновеннаго выпучилъ глаза.

Опытъ заслужилъ общее одобреніе и былъ повторенъ.

— Да это каждый можетъ сдѣлать, сказалъ Каричъ, и тоже налилъ въ ложку и зажегъ. Но Софья Александровна остановила его за руку.

— Тебѣ опасно, у тебя можетъ внутри загорѣться, сказала она.

Каричъ захохоталъ.

— Правда, я слишкомъ наспиртованъ, согласился онъ.

— Сдѣлаемъ лучше крюшонъ, предложилъ Коко, сгребая остатки земляники въ хрустальный кувшинъ, наполненный шампанскимъ.

Крюшонъ былъ быстро выпитъ. Тогда Коко снялъ со стола серебряную чашу и пригласилъ всѣхъ къ себѣ въ кабинетъ, объявивъ, что онъ приступаетъ къ приготовленію жженки. Въ кабинетѣ было немножко тѣсно, и пришлось, располагаясь на оттоманкахъ, жаться другъ къ другу, что, впрочемъ, нисколько не нарушало общей веселости. Чаша была поставлена на мраморномъ столикѣ посреди комнаты, между двумя бутылками рому и верхушкой сахарной головы. Коко вытащилъ откуда-то саблю и шпагу, положилъ ихъ крестообразно на вазѣ, утвердилъ на нихъ сахаръ, облилъ ромомъ и зажегъ.

— Вы увидите, господа, самый настоящій способъ варить жженку: это изъ моихъ студенческихъ воспоминаній, объявилъ Коко.

— Да развѣ вы были студентомъ? удивился Безбѣдный.

— Разумѣется, въ Дерптѣ. Это моя студентская шпага, и я ею нѣсколько разъ дрался на дуэли. На ней даже кровь есть.

— Такъ возьмите ее пожалуйста прочь, съ ужасомъ воскликнула одна изъ дамъ.

— Онъ все вретъ, успокоила ее Полина.

— А сабля эта у васъ откуда? спросилъ опять Безбѣдный.

— Пс, это моя гусарская сабля. Вѣдь я изъ университета вышелъ въ лейбъ-гусары, отвѣтилъ Коко.

— Слышите, онъ уже въ лейбъ-гусарахъ былъ, расхохотался Каричъ.

— Я думаю, что былъ! безстыднѣйшимъ образомъ подтвердилъ Коко. — Mesdames, прошу вашего извиненія, я долженъ потушить лампы, иначе пропадетъ весь эффектъ, продолжалъ онъ, и вынувъ платокъ, принялся дѣйствительно тушить огни.

Яркій свѣтъ смѣнился слабымъ мерцаніемъ голубаго пламени. Это только увеличило общую веселость. Потомъ, по мѣрѣ того, какъ ромъ выгоралъ и комната все болѣе погружалась въ темноту, разговоръ падалъ, смѣхъ переставалъ быть общимъ. Мужчины, которымъ не достало стульевъ, расположились на коврѣ, у ногъ дамъ. Коко разливалъ жженку въ маленькіе стаканчики и обносилъ ими гостей, не узнавая ихъ, спотыкаясь на протянутыя ноги и плеская на платья, что заставляло дамъ вскрикивать, вскакивать съ мѣстъ и увеличивать общую возню и шумъ. Въ воздухѣ стоялъ крѣпкій запахъ рома и жженаго сахара, и отъ одного этого запаха, кажется, можно было бы опьянѣть.

Пахтаеву казалось, что только здѣсь и умѣютъ веселиться, брать отъ жизни все, что въ ней есть лучшаго. Принадлежать совсѣмъ этому обществу, быть опозореннымъ, какъ Каричъ, или осмѣяннымъ какъ Коко, носить плебейскую фамилію въ родѣ Безбѣднаго, или быть женатымъ на одной изъ присутствовавшихъ тутъ хорошенькихъ женщинъ — этого онъ ни за что бы не хотѣлъ. Выше всего, конечно, цѣнилъ онъ то, чѣмъ онъ былъ. Онъ желалъ остаться Пахтаевымъ, сохранить положеніе и связи, имѣть жену рожденную Беклищеву. Это было главное, серьезное. Но онъ хотѣлъ также жить, какъ всѣ, взять долю въ наслажденіяхъ и развлеченіяхъ. Это такъ легко соединялось одно съ другимъ... и какъ глупо было со стороны его жены не понять этого!

— У васъ такъ и стоятъ упакованные ящики въ комнатахъ? со смѣхомъ спросила его Полина.

— Стоятъ, отвѣтилъ съ кислою улыбкой Пахтаевъ.

— Но это презабавно, ваша жена начинаетъ рѣшительно интересовать меня, весело сказала Полина. — И вы не спрашивали, когда она велитъ опять распаковать ихъ и разставитъ мебель?

Пахтаевъ только пожалъ плечами.

— Это уморительно. И къ вамъ все ходятъ смотрѣть квартиру?

— Я не велѣлъ пускать.

Полина продолжала хохотать. Пахтаевъ со сконфуженнымъ видомъ топорщилъ усы.

— Что глупо, то разумѣется смѣшно, сказалъ онъ. — Но она, кажется, намѣрена поставить на своемъ.

— Сидѣть среди ящиковъ?

— Она ихъ отправитъ въ деревню.

Полина смотрѣла на него, смѣясь.

— Можетъ быть у васъ очень старая мебель, и она хочетъ сдѣлать новую? спросила она.

Пахтаевъ вдругъ вспомнилъ, что жена дѣйствительно предполагала обновить ихъ устарѣвшую обстановку, но почему-то отложила.

— Теперь не станетъ, сказалъ онъ.

— Но, значитъ, хотѣла? продолжала Полина, смѣясь все веселѣе и задорнѣе. — Послушайте, ваша жена положительно остроумная женщина. Она такъ ловко придумала устроить, что ея хозяйственныя распоряженія сослужатъ двойную службу... Еслибъ она теперь заказала новую мебель, вы бы догадались, что она предполагаетъ будущею зимою больше принимать: но она начала съ того, что рѣшила отправить старый хламъ въ деревню, предоставляя вамъ трепетать предъ ея намѣреніями... Нѣтъ, она гораздо умнѣе, чѣмъ я думала, она совсѣмъ умница! Будьте осторожны, она умѣетъ въ совершенствѣ водить васъ за носъ...

И Полина продолжала хохотать, глядя ему въ глаза съ выраженіемъ удивленія и какъ бы состраданія.

Пахтаеву было очень непріятно, хотя въ сущности мысль, поданная Полиной, значительно его успокоивала. «Въ самомъ дѣлѣ, такой разсчетъ со стороны жены очень возможенъ», подумалъ онъ; — «женщина всегда лучше пойметъ другую женщину, чѣмъ мужчина.»

Онъ простился и поѣхалъ въ театръ. Въ этотъ день въ Михайловскомъ шелъ послѣдній спектакль, и зала была полна. Проходя между креслами, Пахтаевъ еще издали увидѣлъ въ первомъ ряду высокую, отлично выправленную фигуру молодаго генерала, стоявшаго спиной къ сценѣ и лорнировавшаго ложи. Генералъ носилъ всѣ не-

сомнѣнные признаки того же типа, къ которому принадлежалъ самъ Пахтаевъ. Бѣлокурый, съ небольшими усами и едва обозначающеюся лысиной, съ близорукими голубыми глазами и чуть примѣтнымъ подрагиваньемъ вѣкъ, свидѣтельствующимъ о преждевременномъ ослабленіи нервовъ, онъ производилъ впечатлѣніе чего-то скорѣе чистоплотнаго, чѣмъ красиваго, благовоспитаннаго до вялости, съ примѣсью умѣреннаго корпоративнаго шика. Отъ вензелей на погонахъ и блестѣвшаго изъ подъ манжетъ браслета, до характернаго оттягиванья плеча, на которомъ серебрился аксельбантъ, все въ немъ обнаруживало человѣка, стоящаго гораздо ближе къ придворнымъ, чѣмъ къ военнымъ сферамъ.

Это былъ братъ Антонины Павловны, и потому Пахтаевъ слегка поморщился при видѣ его, находя такую встрѣчу при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не вполнѣ желательною.

Беклищевъ, здороваясь съ нимъ, посмотрѣлъ на него очень пристально и какъ бы вопросительно.

— Я сегодня обѣдалъ у тетки, Таисіи Ивановны, сказалъ онъ; — она мнѣ разсказывала какія-то нелѣпости... Что такое съ сестрой?

Пахтаевъ пожалъ плечами.

— Я самъ задаю себѣ этотъ вопросъ, и не умѣю объяснить, откуда вдругъ у Антонины Павловны такое неудовольствіе противъ меня, отвѣтилъ онъ.

— Все по поводу той вашей барыни? какъ-то строго улыбнулся Беклищевъ.

— Повидимому такъ, подтвердилъ съ нѣкоторымъ напряженіемъ Пахтаевъ.

Беклищевъ взглянулъ на него и тотчасъ потупился, причемъ даже усы его опустились книзу. Онъ очевидно думалъ.

— Я не предполагаю, чтобы сестра серьезно рѣшилась на такую глупость, сказалъ онъ тоже съ замѣтнымъ затрудненіемъ. — Но на женщинъ въ этихъ случаяхъ находитъ иногда взбалмошность, и онѣ готовы дѣйствовать безъ всякой предосторожности. Надо бы предупредить

разные глупые толки, чтобъ она могла вернуться изъ деревни, когда надумается. Незачѣмъ путать кого-нибудь въ свое домашнее дѣло.

— Я вообще могу играть тутъ только пассивную роль, отвѣтилъ Пахтаевъ.

— Конечно, вѣдь она можетъ прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ, хотя бы, напримѣръ, для здоровья дѣтей. Если вы сами ни въ чемъ не перемѣните образа жизни, не будетъ повода ни къ какимъ предположеніямъ и сплетнямъ, продолжалъ Беклищевъ.

— Да, но Антонина Павловна дѣйствуетъ такъ, какъ-будто она рѣшительно не думаетъ возвращаться, и мнѣ не совсѣмъ удобно держать семейный train, если я останусь одинъ, замѣтилъ Пахтаевъ.

Беклищевъ снова взглянулъ на него, и снова потупился.

— На вашемъ мѣстѣ, я непремѣнно сохранилъ бы прежній train, сказалъ онъ.

И какъ бы угадывая мысль Пахтаева, онъ прибавилъ:

— Это неразсчетливо въ денежномъ отношеніи, но тѣмъ хуже для сестры, потому что вѣдь ей же придется заплатить. Вы прибѣгнете къ кредиту, и это даже будетъ полезнымъ урокомъ для нея.

И онъ чуть-чуть улыбнулся, и сжалъ руку Пахтаева затянутыми въ бѣлоснѣжную замшу пальцами.

Глава XIX.

Пахтаевъ опустился въ кресло неожиданно успокоенный, почти счастливый. Онъ больше всего боялся родни жены, очень вліятельной въ тѣхъ сферахъ, отъ которыхъ зависѣло его собственное служебное и общественное положеніе. Не смотря на свою принадлежность къ большому свѣту, онъ сознавалъ, что уступаетъ Беклищевымъ во всѣхъ отношеяхъ, что онъ держится главнымъ образомъ ими, что Антонину Павловну за него выдали только потому, что она въ него влюбилась. Оттого онъ очень опасался, чтобы разрывъ съ женой не произвелъ охлажденія между нимъ и ея родней. И вдругъ все такъ отлично устраивалось, и самое трудное оказывалось самымъ легкимъ. Дѣло разрѣшалось простымъ и даже пріятнымъ образомъ. Жена уѣдетъ въ деревню, пробудетъ тамъ до зимы, а онъ останется въ Петербургѣ на холостомъ положеніи, свободный, снабженный еще не тронутыми рессурсами кредита, и чуть-ли не уполномоченный жить на широкую ногу. Это даже выходило значительно лучше, чѣмъ еслибъ Антонина Павловна совсѣмъ съ нимъ не ссорилась.

И онъ радостно навелъ бинокль на хорошенькое личико актрисы.

Беклищевъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, нѣсколько разъ оборачивалея, лорнируя одну изъ ложъ бельэтажа.

— Вы знаете Волчецъ-Соколинскихъ? вдругъ спросилъ онъ.

— Знаю, отвѣтилъ Пахтаевъ.

— Я съ ними познакомился нынѣшнею зимою въ Ниццѣ. Онѣ должно быть недавно вернулись? продолжалъ Беклищевъ.

— Съ мѣсяцъ уже.

— Но вообще, онѣ не петербургскія?

— Да, онѣ съ прошлаго года переѣхали изъ провинціи.

— Она красавица... какъ бы вопросительно сказалъ Беклищевъ.

— Это общее мнѣніе, отвѣтилъ Пахтаевъ.

Разговоръ прекратился, но въ антрактѣ Беклищевъ опять спросилъ сквозь усы, небрежно:

— Повидимому, онѣ очень богаты?

— Очень богаты, подтвердилъ Пахтаевъ.

Беклищевъ повернулъ бинокль въ противоположную сторону.

— Заграницей мнѣ кто-то разсказывалъ, что она выходитъ замужъ за Зимовьева, продолжалъ онъ чрезъ минуту. — Это была бы очень резонабельная партія.

— Я, напротивъ, слышалъ, что это разстроилось, сказалъ Пахтаевъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? съ нѣкоторою живостью спросилъ Беклищевъ.

— Да... Вы помните эту прошлогоднюю исторію, дуэль съ Жедровскимъ. Повидимому, Зимовьевъ дѣйствовалъ какъ претендентъ, но именно съ тѣхъ поръ они разошлись и больше не видались другъ съ другомъ. Зимовьевъ тотчасъ же уѣхалъ, и не показывался въ Петербургѣ.

— Я его сегодня видѣлъ! возразилъ Беклищевъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? я не зналъ, отозвался Пахтаевъ.

— Но я хорошенько не помню этой исторіи, о ней тогда очень различно говорили, продолжалъ съ непривычною для него настойчивостью Беклищевъ. — Вы хорошо знаете? какую роль игралъ тутъ Жедровскій?

— Кажется, онъ ухаживалъ за m-lle Соколинской и искалъ придраться къ Зимовьеву, отвѣтилъ Пахтаевъ. — Вы помните, въ немъ всегда было что-то вызывающее. Я терпѣть не могу эту породу людей. Фразеръ, вообразившій себя очень умнымъ человѣкомъ, потому что научился обо всемъ болтать, и имѣлъ дерзость всѣхъ презирать. Меня нисколько не удивило, что онъ наконецъ, наткнулся на человѣка, который притянулъ его.

— Je connais très peu ce monde-là, протянулъ Беклищевъ.

Онъ, напротивъ, очень хорошо помнилъ Жедровскаго, съ которымъ часто встрѣчался и котораго очень боялся...

— Но, однако, все это представляетъ m-lle Соколинскую въ какомъ-то очень странномъ свѣтѣ, продолжалъ онъ. — Зимовьевъ, Жедровскій, дуэль — что-то слишкомъ романическое для дѣвушки. Это отзывается непривычкой къ свѣту.

И онъ снова навелъ бинокль на ложу, гдѣ сидѣла Лариса съ матерью и Анной Всеволодовной.

Въ слѣдующемъ антрактѣ онъ всталъ прежде еще, чѣмъ занавѣсь опустилась до конца.

— Я зайду напомнить имъ о себѣ, сказалъ онъ, указывая глазами на Ларису, и направился къ выходу, неся фуражку за козырекъ и отряхивая аксельбантъ.

Пахтаевъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, улыбаясь возникшимъ въ немъ подозрѣніямъ. «Мой beau-frère въ послѣднее время кажется очень тяготится своею свободой», подумалъ онъ. «И по правдѣ говоря, для него теперь самая настоящая пора жениться. Его карьера уже вполнѣ обозначилась, и онъ можетъ не очень дешево продать себя. Лариса Григорьевна была бы прелестная belle-soeur для Антонины Павловны, и я думаю, что у молодыхъ Беклищевыхъ было бы немножко веселѣе, чѣмъ у насъ или у Таисіи Ивановны».

Онъ остался въ партерѣ и оттуда смотрѣлъ, какъ Беклищевъ вошелъ въ ложу, и раскланявшись, помѣстился за стуломъ Ларисы. «Надо отдать имъ справедливость, они составили бы красивую пару», продолжалъ думать Пахтаевъ. «У нея, конечно, нѣтъ связей, и Сергѣю Павловичу пришлось бы обмануть ожиданія нѣкоторыхъ маменекъ, располагающихъ губернаторскими вакансіями; но Лариса Григорьевна такъ хороша и такъ богата, что это стоитъ самыхъ лучшихъ связей. Но она? У нея, кажется, сложились нѣсколько провинціальные вкусы: и Зимовьевъ, и Жедровскій, составляютъ очень дурной признакъ

для моего зятя. Впрочемъ, Петербургъ скоро налагаетъ свою властную руку».

Беклищевъ выразилъ Марьѣ Ивановнѣ сожалѣніе, что не зналъ до сихъ поръ объ ихъ пріѣздѣ, и освѣдомился у Ларисы о нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ въ Ниццѣ. Это дало на первыя минуты очень удобный матеріалъ для разговора. Самъ Беклищевъ отзывался обо всѣхъ осторожно и одинаково благосклонно, хотя въ тонѣ его чувствовались замѣтные оттѣнки холодной почтительности или снисходительной небрежности, смотря по степени знатности и силы лица, о которомъ шла рѣчь. Лариса нѣсколько разъ замѣчала, что эти оттѣнки не совпадаютъ съ ея собственною оцѣнкой; но Беклищевъ словно чутьемъ ловилъ противорѣчіе, и тотчасъ поправлялся.

— Вообще, Ницца оставила во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія, сказалъ онъ, и прибавилъ, взглянувъ на Ларису: — Впрочемъ, лучшими изъ нихъ я обязанъ Россіи...

Лариса отвѣтила вопросительнымъ взглядомъ.

— Я хочу сказать, какъ дорого я цѣню удовольствіе, доставленное вашимъ знакомствомъ, пояснилъ Беклищевъ.

Лариса холодно поблагодарила: ей эта любезность показалась немножко пошлою. Беклищевъ тотчасъ понялъ, и не сконфузился, не перемѣнилъ разговора, а напротивъ, очень ловко распространилъ сказанное, объяснивъ, что заграницей русскіе хотя начинаютъ съ сильнаго предубѣжденія противъ своихъ соотечественниковъ, но сходясь, научаются больше дорожить другъ другомъ, чѣмъ въ Россіи, и что это очень естественно, такъ какъ прелесть жизни заключается все-таки въ обществѣ, а не въ комфортѣ отелей, и даже не въ климатѣ.

— А что до меня, продолжалъ Беклищевъ, то изъ моихъ заграничныхъ странствованій я вынесъ убѣжденіе, что самое милое и интересное общество — все-таки наше, русское. Иностранцы, можетъ быть, имѣютъ какія угодно преимущества предъ нами, но нигдѣ такъ легко и пріятно не живется, какъ между русскими. Это отчасти зависитъ

даже отъ нашихъ недостатковъ. Мы не любимъ дѣлаться спеціалистами и даже просто слишкомъ серьезными людьми, и отъ этого нигдѣ образованность не принимаетъ такихъ пріятныхъ формъ, какъ у насъ. По крайней мѣрѣ я нигдѣ не знаю такихъ милыхъ, интересныхъ, симпатичныхъ женщинъ, какъ наши русскія женщины.

Все это Беклищевъ объяснилъ мягкимъ, можно сказать лакомымъ тономъ, какъ человѣкъ, не только умѣющій цѣнить пріятныя свойства русскаго общества, проистекающія отъ его недостатковъ, но и самъ въ высшей мѣрѣ обладающій этими свойствами и этими недостатками. Лариса была очень довольна, что онъ такъ удачно выпутался, и что слушать его было такъ покойно...

Беклищевъ обратился съ вопросомъ къ Аннѣ Всеволодовнѣ, чтобы сдѣлать разговоръ общимъ. Это опять вышло очень удобно и находчиво. Быть «удобнымъ», то-есть избавить дамъ отъ непріятныхъ минутъ общаго молчанія и отъ необходимости выходить собственными усиліями изъ паузы, составляло очевидно какъ бы задачу его настоящаго положенія, за которую онъ брался съ большимъ запасомъ опытности и какой-то подкупающей мягкости, благодаря которой съ нимъ чувствовалось легко. Онъ не говорилъ одинъ, что было бы скучно и почти неприлично; но онъ бралъ на себя всю трудную часть разговора, облегчая реплики, подсказывая продолженіе, завязывая маленькій, ни для кого не обременительный споръ. Если все это не было очень умно, то обнаруживало большую силу свѣтской рутины, и отличалось безпритязательностью самаго хорошаго тона.

Съ первымъ колебаніемъ занавѣси онъ всталъ и раскланялся, прося позволенія продолжать въ Петербургѣ знакомство, доставившее ему столько удовольствія заграницей.

— Вы и насъ совсѣмъ забыли, напомнила Анна Всеволодовна.

Беклищевъ поблагодарилъ за любезный упрекъ, и сослался на какія-то возложенныя на него обязанности службы.

— Отговорка! у насъ въ Россіи не бываетъ такихъ обязанностей службы, которыя мѣшали бы посѣщать своихъ добрыхъ знакомыхъ, сказала княгиня.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь я прикомандированъ къ этому новому учрежденію... у насъ очень много дѣла, оправдывался Беклищевъ. — Въ этомъ отношеніи нынѣшнее время не похоже на прежнее. Вы знаете, правительство выступило на совершенно новую дорогу. Отъ насъ всѣхъ требуется живое отношеніе къ дѣлу. Задачи такъ серьезны, и правительство проникнуто такими симпатичными взглядами, что нельзя служить только для виду. Я сожалѣю лишь, что мои силы слишкомъ недостаточны, хотѣлось бы сдѣлать гораздо больше. Онъ еще разъ извинился, обѣщая непремѣнно быть въ одинъ изъ вторниковъ.

— Я не знала, что вы съ нимъ знакомы, сказала по уходѣ его Анна Всеволодовна.

— Мы встрѣчались въ Ниццѣ, отвѣтила Лариса, и такъ какъ княгиня продолжала смотрѣть на нее какъ бы вопросительно, она прибавила: — онъ, кажется, очень порядочный человѣкъ...

— Безъ сомнѣнія; но я думаю, совсѣмъ не въ вашемъ вкусѣ! сказала на это съ тою же вопросительною улыбкой княгиня.

— Почему? спросила Лариса.

— Но будто я васъ не знаю! воскликнула Анна Всеволодовна. — Онъ очень обыкновенный человѣкъ. Это не мѣшаетъ ему быть чрезвычайно милымъ, всѣмъ нравиться, но вѣдь у васъ романическая головка, вы совсѣмъ не того ищете.

На губахъ Ларисы появилась печальная усмѣшка.

— Вѣрнѣе всего, что я ничего не ищу, сказала она.

Анна Всеволодовна взглянула на нее немножко хитрыми глазами.

— Маленькій припадокъ разочарованности? произнесла она.

— Развѣ всѣхъ тѣхъ, кто не ищетъ необыкновеннаго, вы считаете разочарованными? отвѣтила другимъ вопросомъ Лариса.

— Вы позволите мнѣ судить о васъ немножко иначе, чѣмъ обо всѣхъ? улыбнулась княгиня. — Было бы слишкомъ грустно думать, чтобы вы могли подогнуться подъ общій уровень. Нѣтъ, нѣтъ, такія какъ вы не отрекаются отъ себя. Вы не съумѣете удовлетвориться тѣмъ, чего довольно для другихъ.

Лариса повела задумчивымъ взглядомъ.

— Вы дѣлаете очень печальное предсказаніе, молвила она; — я бы хотѣла, чтобы вы ошиблись.

Анна Всеволодовна взглянула на нее съ удивленіемъ.

— Вы говорите серьезно? сказала она.

— Развѣ это такъ невѣроятно? возразила Лариса. — Вѣдь каждому хочется быть немножко счастливымъ. Но обыкновенное счастье иногда встрѣчается въ жизни, а необыкновенное бываетъ только въ романахъ, да и то въ плохихъ. На разсудительный взглядъ выборъ не представляетъ затрудненій.

Анна Всеволодовна продолжала глядѣть на нее удивленными, сомнѣвающимися глазами.

— Я вамъ не вѣрю, сказала она.

— А я не хотѣла солгать, отвѣтила Лариса.

Глава XX.

Беклищевъ не ошибся, Зимовьевъ дѣйствительно уже нѣсколько дней былъ въ Петербургѣ. Онъ присматривался, старался понять то, что дѣлалось, и пока еще очень мало успѣлъ въ этомъ. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ, производило впечатлѣніе нѣкотораго столпотворенія. Многіе изъ тѣхъ, кого онъ близко зналъ, были почти неузнаваемы подъ новыми масками: иныхъ, которые заставляли теперъ на себя смотрѣть, онъ совсѣмъ не зналъ; а еще больше было такихъ, которыхъ всѣ знали, и никто не ожидалъ встрѣтить въ первыхъ рядахъ. Петербургъ казался оживленнымъ, почти веселымъ. Нахмуренныя лица, привыкшія рисоваться мрачными взглядами или презрительными улыбками, теперь сіяли; разговоры слышались крикливые, звучали торжествующія нотки вмѣсто обыкновенно раздававшихся лицемѣрныхъ вздоховъ. Что-то легкое, пріятно ободренное и въ то же время исполненное злобной шутливости, какъ бы носилось въ воздухѣ, знаменуя свободный разливъ «новыхъ вѣяній».

Глѣбъ Дмитричъ заѣхалъ прежде всего къ князю Павлу Платоновичу. Они радостно обнялись и поцѣловались.

— Надолго? спросилъ князь.

— Едва-ли; вы знаете, что я небольшой охотникъ до Петербурга, и не думаю, чтобы въ настоящее время онъ показался мнѣ привлекательнѣе прежняго, отвѣтилъ Зимовьевъ. — Но что новаго? Я цѣлый годъ никого не видалъ и ни о комъ почти не имѣлъ вѣстей отсюда, продолжалъ онъ.

— Ба, новаго много! вы насъ находите при другомъ режимѣ... отвѣчалъ Павелъ Платоновичъ, откидывая свою львиную голову на высокую спинку кресла. — У насъ совершилась нѣкоторая безкровная революція...

— Если не считать солдатской крови, пролитой въ подвалахъ Зимняго дворца, поправилъ Зимовьевъ. — Но позвольте, мы еще успѣемъ перейти къ политикѣ. Мнѣ хочется прежде узнать, какъ вы всѣ тутъ живете, — вы и близкіе наши. Мой отъѣздъ былъ вызванъ такими печальными обстоятельствами, что я не успѣлъ даже ни съ кѣмъ проститься. Я вижу, дорогой князь, что вы не очень строго осудили меня, и не совсѣмъ изгнали изъ своего сердца.

По крупному лицу Павла Платоновича пробѣжала тѣнь.

— Мы слишкомъ старые друзья, чтобы судить другъ друга, сказалъ онъ, — и мнѣ не трудно было догадаться, съ какимъ чувствомъ вы уѣзжали изъ Петербурга.

Зимовьевъ пожалъ ему руку.

— Меня рвали на клочки, безъ сомнѣнія? спросилъ онъ.

На лицѣ князя опять появилось напряженное, скорбное выраженіе. Ему тяжело было говорить объ этомъ.

— Я былъ поставленъ въ сторонѣ отъ возбужденныхъ вашею дуэлью толковъ, сказалъ онъ, и прибавилъ какъ бы незначительнымъ тономъ:

— Марья Ивановна съ дочерью вскорѣ уѣхали заграницу, и недавно только вернулись. Вы вѣроятно уже знаете, что онѣ продали имѣнье.

— Да, мнѣ говорилъ ихъ управляющій, сказалъ такимъ же тономъ Зимовьевъ.

— Лариса Григорьевна все такая же прелестная дѣвушка и... мнѣ кажется, ей еще труднѣе будетъ выйти замужъ, продолжалъ князь.

— Почему? спросилъ съ едва примѣтнымъ движеніемъ нервовъ Глѣбъ Дмитричъ.

— Да потому, что кто жь ее заслуживаетъ! отвѣтилъ Павелъ Платоновичъ, и его глаза приняли задумчивое выраженіе.

— О Володѣ вы не имѣли извѣстій? спросилъ чрезъ минуту Зимовьевъ.

— Онъ тамъ, въ эмиграціи, отвѣтилъ снова омрачаясь князь.

— Я о немъ имѣю болѣе свѣжія свѣдѣнія, и кажется болѣе утѣшительныя, продолжалъ Глѣбъ Дмитричъ. — Мнѣ совершенно неожиданно привелось встрѣтиться съ нимъ въ нашихъ мѣстахъ.

— Вы его видѣли? воскликнулъ Павелъ Платоновичъ.

Зимовьевъ разсказалъ про обѣ встрѣчи. Князь слушалъ, изрѣдка вскидывая на него глазами и стараясь сохранить безстрастное лицо. Только замедленное дыханіе выражало его волненіе. Когда Глѣбъ Дмитричъ кончилъ свой разсказъ, онъ всталъ, тяжело ступая по ковру. Массивная фигура его казалась какъ-будто пригнувшеюся подъ вновь почувствованною тяжестью.

— Онъ далъ слово извѣстить меня, если ему понадобится ваша помощь, сказалъ Зимовьевъ. — Я думаю, ему можно будетъ выхлопотать помилованіе, едва-ли онъ слишкомъ компрометтированъ.

— Теперь эмигрантовъ и ссыльныхъ чуть-ли не цѣлыми вагонами возвращаютъ, отвѣтилъ князь. — Да, конечно, можно. Если онъ и не захочетъ сейчасъ же вернуться, то по крайней мѣрѣ будетъ знать, что дорога не закрыта ему... съ этой стороны...

И князь снова опустился въ кресло, но лицо его не прояснилось, а приняло еще болѣе удрученное выраженіе. Глѣбъ Дмитричъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Но объясните пожалуйста, что такое въ самомъ дѣлѣ у васъ дѣлается? спросилъ онъ. — Я почти для этого пріѣхалъ, помогите мнѣ.

Павелъ Платоновичъ пожалъ плечами.

— Не думаю, чтобъ я понималъ больше васъ, отвѣтилъ онъ. — Всѣ кричатъ, ликуютъ, наслаждаются вожделѣніями власти и мести; на сцену поминутно выступаютъ новые люди; надъ прежними ругаются, какъ-будто это была искупительная жертва, брошенная толпѣ. Шумъ невообразимый, точно оффиціальная Россія вышла на

улицу, или улица ворвалась туда, гдѣ совершаются отправленія государственной жизни. Представьте себѣ, ко мнѣ является на дняхъ какой-то господинъ, рекомендуется сотрудникомъ нѣсколькихъ газетъ... Фамилію я кажется позабылъ... Впрочемъ, позвольте... Миловановъ, такъ точно... не слыхали?

— Миловановъ? повторилъ Глѣбъ Дмитричъ, припоминая, — что-то знакомое... Да это управляющаго Волчецъ-Соколинскихъ зовутъ Миловановымъ. У него сынъ здѣсь, это онъ должно быть и есть.

— Высокій, желтый, съ рыженькою бородкою и зелеными зубами, продолжалъ князь. — Ну-съ, я его спрашиваю: что вамъ угодно? — А угодно мнѣ, говоритъ, узнать, какими мотивами руководствовалось ваше управленіе въ такомъ-то дѣлѣ, ибо рѣшеніе его представляется мнѣ совершенно неправильнымъ. И при этомъ, не дожидаясь даже приглашенія, разсѣлся въ креслѣ. А я человѣкъ старый, къ новому привыкаю не сразу, и потому нѣсколько страннымъ мнѣ это показалось. — Извините, говорю, я не вижу возможности объясняться съ каждымъ желающимъ о дѣлѣ, въ которомъ даже нѣтъ заинтересованной стороны! — Вы, говоритъ, ошибаетесь, тутъ заинтересовано все русское общество, и такъ какъ я представляю его въ качествѣ публициста, то считаю очень важнымъ привлечь къ этому дѣлу контроль общественнаго мнѣнія. Что-то въ этомъ родѣ, однимъ словомъ. Я опять предъ нимъ извиняюсь, говорю, что не только не считаю себя обязаннымъ, но даже права не имѣю исполнить его желаніе, а онъ мнѣ самымъ спокойнымъ образомъ: — Я вижу, говоритъ, что вы очень устарѣли для настоящаго времени и для вашей должности... И еще руку мнѣ протянулъ.

— И вы пожали? спросилъ Зимовьевъ.

— Пожалъ! отвѣтилъ какъ бы съ нѣкоторымъ смущеніемъ князь. — Однако это не помогло, потому что на другой день въ какой-то газеткѣ ругательнѣйшая статья обо мнѣ явилась, гдѣ весь этотъ разговоръ, со всевозможнымъ глумленіемъ, былъ переданъ. Но, можетъ быть,

всего знаменательнѣе то, что по поводу этой статейки у меня въ тотъ же день объясненіе было, и новое начальство дало понять, что совершенно меня не одобряетъ.

— Да вы шутите? воскликнулъ Зимовьевъ.

— Нисколько. Мнѣ съ вѣжливымъ сожалѣніемъ было замѣчено, что я напрасно раздражаю общественное мнѣніе въ то время, какъ эту силу правительство намѣрено призвать къ себѣ на помощь.

— Господина Милованова!

— Можетъ быть и господина Милованова!

Глѣбъ Дмитричъ молча усмѣхнулся, подумавъ, что князь находится подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ служебной непріятности, и потому, пожалуй, даже и разсказалъ все не совсѣмъ такъ, какъ было.

— Значитъ, вы лично еще не установили добрыхъ отношеній съ новымъ начальствомъ? спросилъ онъ, улыбаясь.

— Помилуите, мнѣ даютъ понять, что дни мои изочтены, и если я еще не уволенъ, то вѣроятно только изъ любезности, отвѣтилъ Павелъ Платоновичъ. — Меня хотятъ вывести изъ терпѣнія, что, въ концѣ-концовъ, вовсе не трудно. Ко мнѣ назначили безъ моего вѣдома нѣсколько новыхъ чиновниковъ, вовсе мнѣ неизвѣстныхъ, и наконецъ, дали мнѣ помощника, о чемъ я тоже не заикался. Но начальство выразилось, что желаетъ дать мнѣ возможность сосредоточиться на важнѣйшей части моихъ обязанностей... съ которыми, впрочемъ, я не знаю, что дѣлать, такъ какъ мои доклады не утверждаются. Мой alter ego, къ сожалѣнію, ни въ чемъ со мной не сходится, и обѣщаетъ дать дѣламъ совершенно новое направленіе. Начальство, безъ сомнѣнія, полагаетъ, что умъ хорошо, а два лучше, а два противоположные ума еще лучше.

— Кто же это такой? полюбопытствовалъ Зимовьевъ.

— Бывшій извѣстный адвокатъ, Безбѣдный, отвѣтилъ князь.

— Ну, поздравляю, сказалъ Глѣбъ Дмитричъ.

Павелъ Платоновичъ добродушно улыбался.

— Какъ видите, они чувствуютъ себя господами положенія, и не очень церемонятся, говорилъ онъ. — Я-то, слава Богу, въ службѣ не нуждаюсь, и продолжать ее при такихъ условіяхъ, конечно, не стану, но боюсь, что забавное скоро сдѣлается очень грустнымъ.

Глѣбъ Дмитричъ молча вертѣлъ въ зубахъ сигару.

— И все это совершается въ видахъ борьбы съ крамолой? спросилъ онъ чрезъ минуту.

— По крайней мѣрѣ крамола является точкой исхода, продолжалъ Павелъ Платоновичъ. — Она запугала, въ старыхъ способахъ борьбы извѣрились, хотятъ испробовать новую тактику. Пришли къ убѣжденію, что наша подпольная революція питается общимъ недовольствомъ, распространеннымъ въ образованномъ классѣ, и хотятъ поворотомъ фронта примирить правительство съ общественнымъ мнѣніемъ.

— Что жъ, мысль была бы недурна, русское общественное мнѣніе не очень хорошо настроено послѣ берлинскаго конгресса, сказалъ Зимовьевъ. — Я менѣе всего склоненъ думать, будто у насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія, или что имъ позволительно пренебрегать. Я хорошо помню историческія минуты, когда голосъ страны, голосъ народа, сказывался громко и указывалъ путь. Мы его слышали въ 63-мъ году, когда общественное негодованіе вырвало нашу политику изъ состоянія колебаній, и дало силу покончить съ мятежемъ. Потомъ, во время сербской войны, опять опредѣленно и единодушно сказалось русское общественное мнѣніе, это у всѣхъ на памяти. Въ послѣдній разъ мы слышали этотъ настоящій голосъ настоящей Россіи во время берлинскаго конгресса. Что же, хотятъ поправить тогдашнюю ошибку?

— О, отъ этого мы теперь кажется дальше, чѣмъ когда-нибудь, отвѣтилъ князь. — Напротивъ, величайшею ошибкой признается, что правительство увлеклось общественнымъ движеніемъ и позволило себѣ быть національнымъ. Нѣтъ, мы находимся въ погонѣ за общественнымъ мнѣніемъ совершенно другаго качества.

— За тѣмъ, которое фабрикуютъ господа Миловановы, и которому служатъ господа Безбѣдные?

Павелъ Платоновичъ пожалъ плечами.

— Повидимому! отвѣтилъ онъ.

Зимовьевъ бросилъ потухшій окурокъ сигары и всталъ.

— Да, милѣйшій князь, мы живемъ въ печальное время, и вѣроятно я не засижусъ тутъ у васъ... сказалъ онъ. — Но мнѣ все-таки хочется взглянуть на вашихъ новыхъ людей. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я немножко знаю, напримѣръ маркиза Александра Львовича.

— Вы знаете маркиза! улыбнулся Павелъ Платоновичъ. — Поѣзжайте къ нему теперь, вы его застанете какъ разъ за отправленіемъ государственныхъ обязанностей.

— Но въ такіе часы, пожалуй, неудобно? усомнился Глѣбъ Дмитричъ.

— Напротивъ, напротивъ, поѣзжайте, убѣждалъ князь; — вы должно быть совсѣмъ не знаете, въ чемъ заключается утро нынѣшняго дѣловаго человѣка!

Глава XXI.

Александра Львовича прозвали «маркизомъ» еще въ учебномъ заведеніи, за его французскій языкъ и фатовство особаго тона, заключавшееся въ узенькихъ брючкахъ, въ батистовыхъ носовыхъ платкахъ, въ огромныхъ вензеляхъ на портфеляхъ и на всемъ, гдѣ только ихъ можно было налѣпить, въ цѣпочкѣ съ брелоками, въ карманной щеточкѣ съ зеркальцемъ, и въ прочихъ отступленіяхъ отъ казенной формы и дисциплины. Въ зрѣломъ возрастѣ Александръ Львовичъ сохранялъ нѣкоторыя привычки отрочества, и любилъ одѣваться моложаво и пестро: визитки и пиджаки его нѣсколько напоминали дѣтскія курточки, а воротнички имѣли такую затѣйливую форму, какой на взрослыхъ, пожалуй, не увидишь. Наружность же его, въ смыслѣ представительности, очень мало оправдывала данное ему прозвище: маленькій, вертлявый, съ крошечною жиденькою бородкой, съ разбѣгающимися глазками и огромною, чрезвычайно подвижною бородавкой на правой щекѣ, онъ напоминалъ развѣ того русскаго маркиза, который въ романѣ Пушкина долженъ былъ влѣзть на мачту, чтобы расшаркаться предъ работавшимъ на кораблѣ Петромъ.

— Можно? спросилъ Глѣбъ Дмитричъ курьера, стоявшаго въ довольно свободной позѣ предъ притворенною дверью кабинета.

— Пожалуйте, съ необычайною любезностью отвѣтилъ тотъ.

Зимовьевъ вошелъ. Посрединѣ большой казеннаго вида комнаты стоялъ высокій сутуловатый господинъ въ виц-мундирѣ, слегка наклонившись къ маленькому человѣчку, облеченному въ коротенькій клѣтчатый пиджакъ, такіе же панталоны и башмаки съ пряжками. Этотъ человѣчекъ и былъ маркизъ.

— Мнѣ бы хотѣлось, говорилъ онъ своему собесѣднику, — чтобы вы меня хорошенько поняли. Надѣюсь,

что вы не принимаете меня за... за какого-нибудь консерватора. Мой образъ мыслей, кажется, уже достаточно обнаружился. Я на сторонѣ свободы, да... но entendons-nous. Я разумѣю свободу, нераздѣльную съ порядкомъ. Чѣмъ больше свободы, тѣмъ больше порядка. Это лучшее средство управлять обществомъ. Вотъ моя политика. Я хочу... вы меня поймете... какъ можно менѣе быть чиновникомъ. И потому, если я рекомендую вамъ извѣстную осторожность, то отнюдь не потому, чтобъ я хотѣлъ стѣснять, давить... однимъ словомъ... словомъ, надо быть осторожнымъ, чтобы не дать оружія въ руки тѣмъ, кто сейчасъ начнетъ взывать къ разнымъ этимъ... знаете, какъ обыкновенно наши консерваторы...

И маркизъ, стремительно пожавъ обѣими руками руку собесѣдника, повернулся на каблучкахъ, и прищурившись, скользнулъ ножкой по ковру по направленію къ Глѣбу Дмитричу.

— Неужели monsieur... monsieur Зимовьевъ? Очень радъ васъ видѣть! привѣтствовалъ онъ новаго посѣтителя. — Мы уже столько лѣтъ потеряли другъ друга изъ виду, и столько перемѣнъ съ тѣхъ поръ...

— Позвольте васъ поздравить, сказалъ Зимовьевъ.

Маркизъ протянулъ обѣ руки и повлекъ его къ креслу, отступая задомъ, причемъ маленькая вертлявая фигурка его въ пестромъ трико имѣла очень забавный видъ.

— Вы поздравляете, да, но еслибы вы пробыли двадцать четыре часа на моемъ мѣстѣ, погрузились бы въ этотъ хаосъ, въ этотъ бюрократическій водоворотъ, вы почувствовали бы состраданіе ко мнѣ.

Онъ взглянулъ на лежавшія на столахъ, на диванахъ, и даже просто на полу кипы бумагъ и нераспечатанныхъ пакетовъ, и взялся за голову.

— Вонъ, взгляните, это ужасъ, ужасъ! Я иногда чувствую, какъ-будто съума схожу. Вѣдь это все надо прочитать, вникнуть, обсудить... а у меня все утро уходитъ на пріемъ посѣтителей, и сейчасъ надо ѣхать. Вечеромъ тоже почти никогда нѣтъ времени заняться... Адъ,

адъ, совершенный адъ! восклицалъ маркизъ, и въ глазахъ его въ самомъ дѣлѣ появилось потерянное, почти обезумѣвшее выраженіе. Онъ стремительно распахнулъ жакетку, взглянулъ на часы, также стремительно застегнулся, и вдругъ заговорилъ совершенно другимъ, какъ бы веселымъ и до обворожительности любезнымъ голосомъ:

— Но я радъ васъ видѣть, я весь къ вашимъ услугамъ. Говорите, приказывайте, вы видите предъ собою не чиновника, а человѣка, отданнаго общественнымъ интересамъ и готоваго безраздѣльно служить имъ. Да, если бы были средства, были люди, можно было бы быстро все двинуть. У меня система, планъ... въ идеѣ, вы понимаете; необходимо разработать. Но рукъ нѣтъ, людей нѣтъ. Я одинъ, одинъ, труженикъ съ утра и до глубокой ночи, и не могу успѣть, нѣтъ силъ! Физическіе законы неумолимы, и смѣются надъ нашею энергіею. Доклады лежатъ, и я не могу ничего сдѣлать. Я не могу положиться ни на одного изъ прежнихъ чиновниковъ. Я уже подыскалъ новыхъ, съ которыми можно работать, но это еще только организуется, это еще не организовалось.

Онъ вопросительно взглянулъ на Зимовьева, и глаза его снова успѣли помутиться.

— Вы говорите: общественная иниціатива! Но я ничего другаго и не желаю, я на нее только и надѣюсь, продолжалъ онъ. — Я хочу представить ей полный просторъ, заставить совсѣмъ забыть о бюрократіи, упразднить ее, если можно такъ выразиться, упразднить самого себя! Ваши возраженія объясняются тѣмъ, что вы меня еще недостаточно поняли.

Глѣбъ Дмитричъ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Но вы ошибаетесь, я ничего не возражалъ и даже совсѣмъ ничего не сказалъ, напомнилъ онъ.

Маркизъ провелъ рукою по лбу.

— Но у меня сейчасъ былъ споръ... Повѣрите-ли, самыя простыя идеи такъ туго понимаются людями. Вы

меня простите, за день столько приходится говорить, повторять, развивать, объяснять, что наконецъ совсѣмъ сбиваешься съ толку.

И маркизъ снова повелъ по комнатѣ растяннымъ взглядомъ.

— Я думаю, на все это теряется очень много времени, замѣтилъ, не зная что сказать, Зимовьевъ.

— Да... но не теряется, нѣтъ, не теряется! воскликнулъ маркизъ. — Я не могу считать это время потяннымъ. Я смотрю на свое призваніе, какъ на живое дѣло, которое нельзя зарывать въ бумагахъ. Я хочу имѣть постоянное соприкосновеніе съ обществомъ, жить среди непрерывнаго обмѣна жизненныхъ требованій, впечатлѣній. Мы, бюрократы, совсѣмъ забыли жизнь, и это ведетъ къ разложенію, къ прострацiи. Власть должна питаться свѣжими соками... Я служу обществу, обществу, живому обществу! Вы, напримѣръ, являетесь ко мнѣ, какъ предсѣдатель земской управы, какъ представитель здоровой провинціальной силы...

— Но я вовсе не предсѣдатель земской управы! сказалъ все болѣе изумляясь Зимовьевъ.

— Ну да, я знаю, я хотѣлъ сказать... Я ищу такихъ людей какъ вы, я растворяю передъ ними двери настежь, продолжалъ совершенно спокойно маркизъ. — Не задолго предъ вами, у меня былъ одинъ журналистъ; я очень радъ, я ему сказалъ: приходите, учите насъ, браните, разбирайте по косточкамъ, это ваше призваніе, ваше право. Мы должны преклонять слухъ къ голосу общественнаго мнѣнія. Я этого жажду, я жажду общенія съ живыми силами. Наше дѣло дѣлать, а ваше судить, критиковать, даже ругать. Да, и ругать, я не отрицаю у васъ этого права.

Дверь въ кабинетъ отворилась, и показалась какая-то крупная фигура несомнѣнно провинціальнаго склада. Маркизъ вдругъ вскочилъ и протянулъ Зимовьеву обѣ руки.

— Благодарю васъ, и повѣрьте, что я отношусь съ полнымъ вниманіемъ къ вашимъ желаніямъ, сказалъ онъ. — Но мнѣ хотѣлось бы еще о многомъ переговорить съ

вами: людямъ одинаковаго образа мыслей всегда есть что сказать другъ другу. Днемъ, вы видите, я въ распоряженіи всѣхъ, кто имѣетъ ко мнѣ дѣло; но по субботамъ у меня пьютъ чай. Пожалуйста, совершенно запросто. Вы встрѣтите маленькое общество людей, одушевленныхъ самыми лучшими желаніями.

Глѣбъ Дмитричъ откланялся и вышелъ, унося на лицѣ самую загадочную улыбку. Въ дверяхъ онъ уже слышалъ снова: «Я очень радъ, приходите учить насъ, дайте намъ войти въ соприкосновеніе съ жизнью. Мнѣ больше всего хотѣлось бы поднять общественную иниціативу, и я готовъ идти до... до упраздненія самого себя!»

«Вотъ это пожалуй не дурно было бы...» подумалъ Зимовьевъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ снова поднялся по широкимъ ступенямъ казенной лѣстницы, и вошелъ въ обширную пріемную, полную народа. У дверей опять стояли курьеры, но кромѣ того, къ услугамъ публики находились и чиновники, которыхъ, впрочемъ, съ перваго раза нельзя было отличить отъ посѣтителей, такъ-какъ облечены они были по большей части въ самые разнообразные вестоны и жакетки, а одинъ прохаживался даже съ хлыстикомъ въ рукѣ, которымъ очень граціозно выбивалъ пыль изъ своихъ сѣренькихъ брюкъ.

Самый щеголеватый изъ пиджаковъ, съ торчащею изъ кармана красною каемкою фуляра и съ коралловою женскою ножкою на голубомъ пластронѣ, предупредительно наклонился къ Зимовьеву.

— Къ Петру Аристарховичу? спросилъ онъ почти искательнымъ тономъ.

Глѣбъ Дмитричъ отвѣтилъ утвердительно.

— Изъ провинціи?

Послѣдовалъ тотъ же утвердительный отвѣтъ.

— Вѣроятно изволите быть предводитель дворянства? Предсѣдатель земской управы? продолжалъ съ обворожительною улыбкою оффиціальный пиджакъ. — Петръ Аристарховичъ въ настоящее время занятъ докла-

домъ, но какъ только освободится, я попрошу васъ пожаловать вотъ въ ту дверь. Хотя, конечно, мы стараемся соблюсти очередь, но представители нашего общественнаго самоуправленія имѣютъ полное право на предпочтительное вниманіе, и Петръ Аристарховичъ въ особенности дорожитъ, чтобы голосъ общества, свободной общественной корпораціи...

— Но я не представляю собою никакой общественной корпораціи, и вотъ мое имя, перебилъ его Зимовьевъ, подавая карточку.

Изящный пиджакъ принялъ ее съ тою же почти благоговѣйною улыбкою, но затѣмъ поклонился и отошелъ съ неопредѣленнымъ и ничего не обѣщающимъ выраженіемъ.

Въ ту же минуту изъ одной изъ дверей появился Безбѣдный, и сдѣлалъ нѣсколько медленныхъ шаговъ по залѣ, небрежно раскачиваясь своимъ слегка пополнѣвшимъ станомъ. Ему кланялись, онъ отвѣчалъ издали, щурясь и повидимому не узнавая. Лакированныя съ пуговицами ботинки его чуть-чуть скрипѣли, и отъ него пахло духами; свѣженькій виц-мундирный фракъ, сшитый у Тедески, отличался элегантностью покроя. На красивомъ, хотя начинавшемъ брюзгнуть лицѣ бывшаго адвоката лежало нѣсколько новое выраженіе высшеадминистративной проницательности, вмѣстѣ съ самою обязательною, но не чуждою достоинства любезностью. Еще разъ оглянувшись, онъ узналъ Зимовьева, и тотчасъ глаза его неблагосклонно и быстро скользнули мимо, а самъ онъ весь какъ-то строго выпрямился, точно хотѣлъ сдѣлаться выше и значительнѣе. Заигрывающая улыбка разомъ сбѣжала съ его лица. Онъ даже сдѣлалъ шагъ въ сторону, но вдругъ, какъ бы раздумавъ, повернулся на каблукѣ и подошелъ къ Глѣбу Дмитричу.

Глава XXII.

Вы въ Петербургѣ... Мнѣ очень пріятно напомнить вамъ о нашемъ знакомствѣ, сказалъ онъ съ какою-то строгою вѣжливостью. — Имѣете дѣло?

Зимовьевъ объяснилъ, что желаетъ представиться Петру Аристарховичу.

— Онъ, кажется, занятъ... Хотя, впрочемъ, о васъ доложатъ, отвѣтилъ тѣмъ же тономъ Безбѣдный, и сдѣлалъ два шага по паркету, какъ бы приглашая Зимовьева отойти вмѣстѣ съ нимъ въ сторону.

— Мы съ вами встрѣчались у нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ... у баронессы Грабенъ, напримѣръ, продолжалъ онъ; — сколько я припомню, мы тогда не сходились во мнѣніяхъ, и у насъ возникали споры.

— Вы ошибаетесь, никакихъ споровъ у насъ не могло возникать, отвѣтилъ Глѣбъ Дмитричъ, и подъ усами его мелькнула улыбка.

Безбѣдный не понялъ этой улыбки, и произнесъ какъ бы успокоивающимъ тономъ:

— Впрочемъ, я всегда считалъ обязательною полную терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, и эта ливрея (онъ дотронулся двумя пальцами до борта своего вицмундирнаго фрака) ни въ чемъ не перемѣнила меня.

Администрація проводитъ свои идеи въ дѣйствіе, но не стѣсняетъ свободу противоположныхъ мнѣній.

Глѣбъ Дмитричъ только оглянулъ его вмѣстѣ съ его виц-мундиромъ, и ничего не сказалъ.

— Сколько мнѣ извѣстно, вы прежде стояли на крайней консервативной точкѣ зрѣнія... продолжалъ Безбѣдный. — Я объ этомъ вспоминаю съ сожалѣніемъ, потому что такой образъ мнѣній ставилъ васъ въ разрѣзъ съ общимъ движеніемъ, въ торжествѣ котораго, однако, нельзя было сомнѣваться.

— Благодарю васъ за вниманіе, но вы напрасно говорите о моихъ мнѣніяхъ въ прошедшемъ времени, ска-

залъ Зимовьевъ. — Если васъ не измѣнила эта... ливрея, то я тѣмъ менѣе имѣлъ поводовъ измѣняться. Для моего образа мыслей совершенно безразлично, въ какомъ отношеніи онъ находится... напримѣръ, къ вашему.

Губы Безбѣднаго слегка покривились.

— И я очень уважаю подобную самостоятельность, повѣрьте мнѣ, сказалъ онъ, дѣлая еще два шага въ сторону, и подымая голову съ выраженіемъ человѣка, обладающаго такими явными преимуществами положенія, что и напоминать о нихъ не стоитъ. — Но побѣда мнѣнія тѣмъ и выражается, что привлекаетъ людей противоположныхъ мнѣній, по крайней мѣрѣ тѣхъ, чей умъ достаточно гибокъ и проницателенъ, чтобы присоединиться къ общему движенію.

— Безъ сомнѣнія, мой умъ недостаточно гибокъ, отвѣтилъ Зимовьевъ; — и я даже имѣю смѣлость не уважать слишкомъ гибкіе умы.

— Это ошибка, возразилъ Безбѣдный: — прогрессъ нашего вѣка коллективный, онъ созданъ общимъ движеніемъ умовъ, и все, что становится въ сторонѣ отъ такого движенія, истощается въ безплодныхъ усиліяхъ. Скажу больше: консервативныя мнѣнія, даже въ эпоху ихъ торжества, были у насъ ошибкой, потому что Россія — страна новая, въ которой все надо создавать и нечего сохранять.

На лицѣ Зимовьева появилось скучающее выраженіе.

— Я это слышалъ, читалъ... сказалъ онъ.

— И остаетесь при противномъ мнѣніи? улыбнулся Безбѣдный. — Очень жаль, потому что оно, по меньшей мѣрѣ, несвоевременно. Сила вещей привела насъ къ другому, и это другое сильно уже потому, что оно необходимо, такъ какъ нѣтъ иного способа выйти изъ положенія, въ которое насъ поставила крамола. Только политика примиренія даетъ средства овладѣть подпольнымъ теченіемъ.

— Вы разсчитываете овладѣть подпольнымъ теченіемъ? переспросилъ Зимовьевъ.

— Безъ сомнѣнія. Когда власть примирится съ обществомъ, удовлетворитъ его законнымъ ожиданіямъ, докончитъ такъ-сказать легальную революцію, начатую реформами шестидесятыхъ годовъ, тогда крамола потеряетъ всякую почву. Вы не раздѣляете этого взгляда?

Глѣбъ Дмитричъ равнодушно усмѣхнулся.

— Я припоминаю, что на константинопольской конференціи мы тоже хотѣли уступать, идти навстрѣчу врагу, закупить его сговорчивостью, и только дали ему время усилиться, сказалъ онъ. — Войны мы не избѣгли, но сдѣлали ее гораздо труднѣе для себя. И мы не избѣгнемъ борьбы съ крамолой, но сдѣлаемъ ее труднѣе. Простите моему любопытству: для васъ уже опредѣлился этотъ путь легальной революціи? вы можете сказать, куда вы придете и гдѣ остановитесь?

Безбѣдный какъ бы съ недовольнымъ видомъ пожалъ плечами.

— Ходъ вещей укажетъ... сказалъ онъ; — хотя, конечно, трудно себѣ представить иной путь, кромѣ того, которымъ шла вся Европа. И вы, кажется, должны согласиться, что путь этотъ во всякомъ случаѣ популяренъ. Торжество нашей политики является торжествомъ для всей страны. Возьмите печать, земство, университеты, все, что составляетъ наше общественное мнѣніе: на нашей сторонѣ громадное, подавляющее большинство. Для васъ это не убѣдительно?

— Нисколько, отвѣтилъ Зимовьевъ: — торжествуетъ всегда большинство, но побѣждаетъ истина. И такъ, если я правильно васъ понялъ, вы предполагаете вести Россію тѣмъ путемъ, какимъ шла Европа?

— Лучше сказать, мы пойдемъ вмѣстѣ съ Россіей... скромно поправилъ Безбѣдный. — Но извините, я долженъ васъ оставить, мнѣ надо къ Петру Аристарховичу. Мнѣ было очень интересно узнать ваши мнѣнія, хотя, къ сожалѣнію, я не могу обѣщать имъ никакого успѣха. Другія времена, другіе люди... или какъ это у Гейне: новая весна, новыя птицы, новыя пѣсни?...

И Безбѣдный, пожимая руку Зимовьеву, улыбнулся почти снисходительно, какъ улыбается человѣкъ, утонченный въ самомъ торжествѣ своемъ.

Въ залѣ, между тѣмъ, становилось все многолюднѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливался шумъ разговоровъ, поклоновъ, восклицаній. Происходилъ точно раутъ, отличавшійся притомъ клубною непринужденностью. Чиновники расхаживали между группами, смѣялись со знакомыми, шутили или спорили между собою. Посѣтители, иные во фракахъ, иные просто въ жакеткахъ, поминутно входили безо всякаго доклада въ охраняемую курьерами дверь. Оффиціальный пиджакъ, которому Зимовьевъ вручилъ свою карточку, спокойно расхаживалъ по залѣ, не обращая на него больше никакого вниманія.

«Здѣсь, кажется, допускается тотъ, кто самъ входитъ», подумалъ Глѣбъ Дмитричъ, и посторонился, чтобы дать дорогу проходившей мимо него дамѣ.

— Кого я вижу! вдругъ воскликнула дама, поднявъ на него глаза.

Зимовьевъ узналъ Клеопатру Михайловну Хвощеву.

— Давно-ли? продолжала она, улыбаясь и крѣпко пожимая ему руку.

Зимовьевъ объяснилъ.

— А я о васъ такъ часто вспоминала... Мы живемъ въ такое интересное время, такъ все оживилось, двинулось впередъ... Я была почти дѣвочкой въ шестидесятыхъ годахъ, но помню тогдашнее движеніе, и мнѣ кажется, что нынѣшнее время очень похоже на то.

— Очень похоже, подтвердилъ Зимовьевъ.

— Въ такую пору такъ пріятно встрѣтиться со старыми друзьями. Вы, конечно, сочувствуете? Впрочемъ, что же я спрашиваю, какъ-будто умные и честные люди могутъ не сочувствовать! Вы къ Петру Аристарховичу? не видали еще его? Какая свѣтлая, геніальная личность! У меня къ нему маленькое дѣло, просьба... не для себя, а за одного несчастнаго. Но Петръ Аристарховичъ такъ

внимательно относится къ каждому, что это почти удовольствіе — явиться къ нему съ ходатайствомъ.

Клеопатра Михайловна пріостановилась, точно желая доставить Глѣбу Дмитричу время налюбоваться ею, и насладиться этою неожиданною встрѣчей.

— А вы знаете, Волчецъ-Соколинскіе тоже здѣсь, недавно вернулись изъ заграницы... заговорила она снова. — Лариса все такая же, по моему даже еще больше похорошѣла. Вы еще не видались? Воображаю, какъ она будетъ рада вашему пріѣзду!

И ея глаза взглянули на него съ такимъ недвусмысленнымъ выраженіемъ, что весь скрытый ядъ ея словъ сразу обнаружился.

— Я очень не надолго пріѣхалъ, сказалъ Зимовьевъ.

— Право? какъ жаль! Впрочемъ, мы постараемся удержать васъ, продолжала Клеопатра Михайловна. — Но скажите пожалуйста, можетъ быть были какія-нибудь основанія въ этихъ слухахъ... говорили, будто между вами произошла размолвка, разрывъ, и даже разсказывали разный вздоръ о причинахъ...

— Я былъ далеко, и до меня не доходили никакіе петербургскіе слухи, отвѣтилъ, хмурясь, Глѣбъ Дмитричъ.

— Я и не вѣрила, я знаю, что сплетни такъ легко создаются... поспѣшно оправдывалась Клеопатра Михайловна.

— И такъ охотно распространяются, добавилъ Зимовьевъ, и вдругъ спросилъ: — А что подѣлываетъ Извоевъ? я его совсѣмъ потерялъ изъ виду. Научилъ-ли онъ стрѣлять на скаку въ цѣль молодаго человѣка, съ которымъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ, въ день моего отъѣзда?

Смуглыя щеки Клеопатры Михайловны внезапно поблѣднѣли, и лицо ея выразило смущеніе.

— Извоевъ? Но я его почти не знаю и не видала здѣсь... Мнѣ кто-то говорилъ, что онъ уѣхалъ заграницу домашнимъ секретаремъ при одномъ изъ нашихъ дипло-

матовъ или бывшихъ министровъ, проговорила она, стараясь не обнаружить волненія. — Вы его видѣли? съ молодымъ человѣкомъ, который... учился стрѣлять съ лошади? Но вамъ показалось, онъ пробылъ въ Петербургѣ всего нѣсколько дней. Вы приняли за него кого-нибудь другаго.

— Если вы такъ увѣрены, то вѣроятно я ошибся, сказалъ съ едва примѣтною усмѣшкой Зимовьевъ.

— Вамъ показалось! повторила Клеопатра Михайловна. — Но мы еще увидимся съ вами, не правда-ли? Я васъ жду.

«Если не вретъ, то очень подходящее положеніе устроили для моего Михаила Ивановича!» подумалъ Зимовьевъ, простившись съ Хвощевой.

Навстрѣчу ему въ эту минуту шелъ, раскачиваясь на своихъ уже старыхъ ногахъ, Павелъ Платоновичъ Ладожскій.

— Ну, сейчасъ у меня будетъ объясненіе, и вѣроятно послѣднее; начальство само вызвало меня, сказалъ князь, поздоровавшись.

— По какому же поводу? спросилъ Зимовьевъ.

— Не знаю, но увѣренъ, что вернусь съ отставкой, отвѣтилъ Павелъ Платоновичъ. — Да оно, кажется, и лучше...

И онъ скорыми шагами прошелъ въ кабинетъ.

Глава XXIII.

Изъ за арки, отдѣлявшей смежную комнату, доносились громкіе голоса и вырывались клубы табачнаго дыма. Зимовьеву показалось, будто тамъ мелькаютъ знакомыя лица. Ему было скучно ждать, и онъ пошелъ туда.

Первое, что бросилось ему въ глаза, была долговязая фигура Коко. Одѣтая въ самый изящный вестонъ, съ распущенными по немъ концами галстука тѣлеснаго цвѣта, она возвышалась посреди довольно многочисленной группы, собравшейся съ папиросами въ зубахъ около казеннаго стола, на которомъ Коко сидѣлъ, болтая не достававшими до полу ногами.

Комната эта, примыкавшая къ пріемной, находилась въ его распоряженіи и здѣсь онъ отправлялъ свои служебныя обязанности, заключавшіяся въ ежедневномъ ожиданіи какого-нибудь дѣла, и въ наблюденіи за стоявшею на столѣ чернилицей. Наблюденіе было необходимо, потому что сторожъ, очевидно раздѣлявшій съ Коко заботу ожиданія, аккуратно каждый день наполнялъ ее до краевъ, а такъ какъ у стола постоянно толкались, то чернила разливались, и Коко разъ уже пришелъ домой съ такимъ пятномъ, которое даже на тѣлѣ трудно было отмыть.

При входѣ Зимовьева онъ не перемѣнилъ положенія, а только нагнулся со стола, и протянулъ свою длинную руку.

— Bonjour, comment ça va? произнесъ онъ совершенно фамильярно. — Я не зналъ, что вы въ Петербургѣ.

— Какъ и я не зналъ, что вы... на этомъ столѣ, отвѣтилъ Зимовьевъ.

— Пс, я ужь давно тутъ. Какъ только Петръ Аристарховичъ былъ назначенъ, онъ тотчасъ пригласилъ меня. Ему нужны были свѣжіе люди, объяснилъ Коко, болтнувъ ногами. — Вы къ нему?

— Имѣлъ намѣреніе явиться, но кажется сдѣлалъ неосторожность, прося доложить обо мнѣ, сказалъ Глѣбъ Дмитричъ. — Другіе, сколько я замѣтилъ, дѣлаютъ проще: входятъ сами.

— C'est que... мы не имѣемъ на этотъ счетъ положительныхъ приказаній, процѣдилъ Коко. — Вамъ надо было обратиться ко мнѣ, я бы это устроилъ. Теперь у него Евгеній Саввичъ, и этотъ князь Ладожскій. Но съ ними скоро кончатъ, потому что это ужь рѣшено.

— Вы думаете? спросилъ голосъ, показавшійся Зимовьеву знакомымъ. Онъ оглянулся, и узналъ Нестужева.

— Пс, мнѣ нечего думать, когда я знаю, отрѣзалъ Коко: — князь человѣкъ отсталой, и совершенно не годится въ настоящее время. Евгеній Саввичъ согласился занять его мѣсто. Я не понимаю, какъ могли до сихъ поръ держать этого Ладожскаго. И акціи его сына тоже очень сильно упали. Онъ глупъ, Анатоль, и крѣпостникъ. Онъ хочетъ возстановить крѣпостное право и отобрать у крестьянъ землю. Я ему собираюсь сказать два слова на счетъ той рыбы...

— Какой рыбы? спросилъ кто-то.

— Ну, это очень смѣшно, вы сейчасъ лопнете отъ смѣху. Онъ выдумалъ, что ладожскіе сиги называются по его имени, тогда какъ это такое озеро, объяснилъ Коко, который наконецъ добился въ чемъ дѣло, и теперь всѣмъ разсказывалъ, съ убѣжденіемъ навязывая собственную глупость ни въ чемъ не повинному Анатолю.

Кое-кто засмѣялся, но очень неохотно, такъ какъ анекдотъ никому не показался достаточно забавнымъ.

Нестужевъ дѣлалъ пока видъ, что не замѣчаетъ Зимовьева.

— Если дѣйствительно назначатъ Евгенія Саввича, это будетъ очень знаменательно! сказалъ онъ радостно.

— Я думаю, я что-нибудь знаю! процѣдилъ Коко. Нестужевъ, все болѣе разгораясь охватившимъ его радостнымъ впечатлѣніемъ, даже передернулъ плечами, какъ

дѣлаютъ дѣти, когда что-нибудь приведетъ ихъ въ восторгъ.

— Дѣйствительно же, господа, какъ-то легче всѣмъ дышется! произнесъ онъ почти захлебывающимся голосомъ, и обвелъ всѣхъ блаженнымъ взглядомъ. Этотъ взглядъ встрѣтился со спокойными глазами Зимовьева.

— Ахъ, Глѣбъ Дмитричъ! воскликнулъ Нестужевъ, подходя наконецъ къ нему. — Мнѣ говорили, что вы уѣхали въ деревню тотчасъ послѣ того, какъ я въ послѣдній разъ видѣлся съ вами, болѣе года назадъ.

— Я на-дняхъ вернулся, отвѣтилъ Зимовьевъ; — и очень радъ застать васъ въ такомъ пріятномъ расположеніи духа. Вы, кажется, очень довольны всѣмъ, что теперь дѣлается, и конечно имѣете нѣкоторыя дальнѣйшія надежды.

Нестужевъ заподозрѣлъ иронію, и она показалась ему совершенно неумѣстною въ этомъ случаѣ.

— Да-съ, я очень доволенъ, и какъ сейчасъ сказалъ, нахожу, что теперь легче дышется и живется, и начинаешь надѣяться на зарю новой жизни, выразился онъ съ нѣкоторою торжественностью.

— Пс! отозвался на это Коко, снова болтнувъ ногами.

— Извините моему любопытству: вы тоже приглашены на службу, вслѣдствіе потребности въ свѣжихъ людяхъ? обратился Зимовьевъ къ Нестужеву.

— Нѣтъ-съ, я смѣю думать, что немножко нуженъ въ моей прежней дѣятельности, отвѣтилъ тотъ. — Для печати тоже настали лучшія времена, и было бы очень странно, еслибъ я именно теперь покинулъ это поприще. Журналистъ, которому возвращена свобода слова, будетъ полезнѣе на своемъ посту. Это тоже служба, и можетъ быть важнѣе другой. Мнѣ дѣйствительно были сдѣланы нѣкоторыя очень лестныя и выгодныя предложенія, такъ какъ Евгеній Саввичъ меня знаетъ, но я не счелъ себя въ правѣ воспользоваться ими.

— Напрасно, возразилъ Зимовьевъ; — въ Россіи служба обставляется иногда очень недурно, тогда какъ

положеніе журналиста не представляется мнѣ вполнѣ заманчивымъ. У васъ же, мнѣ всегда казалось, очень много практической сообразительности.

— Можетъ быть, именно такая сообразительность и заставляетъ меня предпочесть положеніе журналиста, возразилъ съ нѣсколько замысловатою улыбкой Нестужевъ. — Повидимому, вы не совсѣмъ вникли въ громадный переворотъ, совершающійся въ настоящее время.

— Сознаюсь вамъ, я только-что пріѣхалъ изъ глухой провинціи и очень отсталъ, скромно сказалъ Глѣбъ Дмитричъ. — Вы меня много обяжете, объяснивъ происходящее.

Нестужевъ и теперь подозрѣвалъ нѣкоторую иронію въ словахъ Зимовьева, но ему такъ хотѣлось высказаться, и онъ чувствовалъ за собою такое превосходство положенія, что охотно принялъ вызовъ.

— Происходитъ то, что на сцену выступили живыя общественныя силы, среди которыхъ печать, безъ сомнѣнія, должна занять выдающееся мѣсто, объяснилъ онъ. — Вы судите о ней заднимъ числомъ. Это громадная сила, и это знаютъ *тамъ*. Журналисты руководятъ... да, руководятъ! Они проводятъ своихъ людей, побиваютъ своихъ враговъ, доставляютъ торжество идеямъ, которыя еще вчера считались запретными. Правительство ищетъ опереться на насъ, и я могъ бы назвать вамъ двухъ или трехъ редакторовъ, которые состоятъ ближайшими интимными совѣтниками при высокопоставленныхъ лицахъ.

— Я дѣйствительно не зналъ этого, сказалъ Зимовьевъ.

— Пс, у меня тоже есть мысль издавать газету, вдругъ сказалъ Коко. — Капитанъ Бойко, вы знаете? онъ давно хотѣлъ, и у него даже было готово названіе: «Капиталъ». Но тогда это не состоялось, потому что очень похоже на «Капитанъ». Теперь онъ уже подполковникъ, такъ-что это ничего. Но я, пожалуй, могу самъ. Я буду тамъ излагать всѣ мои мысли.

— Непремѣнно подпишусь, сказалъ Зимовьевъ.

— Разумѣется; вы увидите! болтнулъ ногами Коко.

— Что жь, отличная мысль, поддержалъ Нестужевъ, считавшій Коко очень богатымъ человѣкомъ.

— Это, безъ сомнѣнія, очень интересное предпріятіе, сказалъ Глѣбъ Дмитричъ; — но мы, кажется, уклоняемся въ сторону. Мнѣ любопытно было бы узнать главныя черты новаго режима, съ которымъ я здѣсь только-что знакомлюсь.

— Вы можете судить по тому, что уже сдѣлано, продолжалъ Нестужевъ. — Вѣроятно знаете, съ какимъ трескомъ рухнула классическая система, эта самая страшная и опасная рана, нанесенная реакціей русскому обществу...

— Еще разъ извините меня, я ничего не знаю, сказалъ Зимовьевъ. — Такъ вы говорите, классическая система рухнула?

— Съ трескомъ! повторилъ Нестужевъ, и въ самомъ тонѣ какимъ онъ произнесъ это слово, слышался трескъ. — То-есть это не значитъ, что больше не будутъ учить латыни, но жизнь школы получитъ совсѣмъ другой характеръ. Не будетъ этой массы несчастныхъ, которыхъ прежнія гимназіи выбрасывали за дверь съ волчьимъ билетомъ, и которымъ ничего больше не оставалось, какъ идти въ революцію. Двери университетовъ откроются настежь для всѣхъ, ищущихъ высшаго образованія. Прежняя іезуитская дисциплина, душившая развитіе ребенка, будетъ изгнана изъ школы, и ее замѣнитъ духъ гуманности и свободы. Школа получитъ самоуправленіе, учителя вмѣстѣ съ родителями учениковъ будутъ выбирать директора и инспектора, и вообще обществу будетъ предоставлено громадное участіе въ учебной жизни.

— Но учителя? мнѣ кажется, справедливость требуетъ, чтобъ ихъ избирали сами ученики, замѣтилъ не моргнувъ глазомъ Зиновьевъ.

— Ну, это еще вопросъ... впрочемъ, современемъ логика вещей вѣроятно приведетъ къ этому, продолжалъ Нестужевъ. — Точно также и въ другихъ сферахъ высту-

питъ впередъ начало гуманности и самоуправленія. Довѣріе къ обществу, привлеченіе его къ государственному дѣлу — вотъ наше знамя!

— Пс, это такъ ясно! сказалъ Коко.

— То-есть, что такое для васъ ясно? спросилъ Зимовьевъ.

— Ну, конституція.

Окружавшіе Коко какъ-то больше встрепенулись.

— Вы думаете? неувѣренно спросилъ одинъ изъ чиновниковъ, который, выпятивъ жиденькую бородку и блистая глазами, слушалъ съ выраженіемъ захлебывающагося блаженства.

— Что тутъ думать? это такъ ясно, отвѣтилъ Коко. — Я не говорю, чтобы сейчасъ, но къ этому придетъ. Это даже въ Турціи.

— И какую же вы намъ дадите конституцію, monsieur Луховецкій? спросилъ Зимовьевъ.

— Конституцію, какъ вездѣ. Будетъ парламентъ, и всѣ тамъ будутъ держать рѣчи. Я видѣлъ въ Парижѣ. Вы услышите, какъ я буду говорить. Vous allez voir.

— Вы, безъ сомнѣнія, тотчасъ попадете въ парламентъ? сказалъ Зимовьевъ.

— Я думаю!

И Коко, взмахнувъ моноклемъ, посадилъ его въ глазъ.

— Но васъ могутъ не выбрать, замѣтилъ Глѣбъ Дмитричъ.

— Пс, я очень хорошъ съ Евгеніемъ Саввичемъ, возразилъ Коко. — Я знаю, что онъ меня выберетъ.

— У него будетъ только одинъ голосъ изъ нѣсколькихъ тысячъ.

— У Безбѣднаго? изумился Коко. — Я убѣжденъ, что онъ черезъ мѣсяцъ будетъ министромъ.

— Даже и въ такомъ случаѣ.

Коко посмотрѣлъ на Зимовьева въ монокль и поболталъ ногами.

— Ну, это глупо. Тогда зачѣмъ же конституція? возразилъ онъ съ глубочайшею искренностью. — Но нѣтъ, объ этомъ надо подумать.

— Да, monsieur Луховецкій, подумайте, и monsieur Нестужевъ вѣроятно не откажется помочь вамъ: въ государственныхъ дѣлахъ необходима осмотрительность, сказалъ Зимовьевъ.

И такъ какъ онъ замѣтилъ Павла Платоновича, проходившаго въ эту минуту по большой залѣ, то пошелъ догнать его.

Лицо князя выражало если не досаду, то злую иронію.

— Ну что? чѣмъ кончилось ваше объясненіе? спросилъ Глѣбъ Дмитричъ.

Павелъ Платоновичъ взглянулъ на него и усмѣхнулся.

— Дѣло разыгралось самымъ благороднымъ образомъ, отвѣтилъ онъ. — Въ кабинетѣ я засталъ Безбѣднаго, который жаловался, что я не соглашаюсь подписать сочиненнаго имъ циркуляра. Начальство съ соболѣзнованіемъ выразило мнѣ, что циркуляръ заслужилъ полное его одобреніе; я заявилъ, что не могу сказать того же про себя, такъ какъ мнѣнія мои вполнѣ расходятся съ мнѣніями автора; начальство сдѣлало выводъ, что слѣдовательно я такимъ же образомъ расхожусь и съ собственными его мнѣніями. Выводъ былъ математически и логически правиленъ, и я ничего не могъ возразить. Тогда мнѣ поставили деликатный вопросъ — считаю-ли я возможнымъ, при такихъ условіяхъ, сохранить занимаемое мною мѣсто. Я поблагодарилъ за то, что мнѣ такъ любезно предоставляютъ самому разрѣшить этотъ вопросъ, и попросилъ листъ бумаги. На этомъ листѣ, какъ вы догадываетесь, я написалъ маленькую просьбу объ отставкѣ. Начальство напомнило, что нужна гербовая марка. Я обѣщалъ доставить. Затѣмъ меня попросили не думать, чтобы во всемъ этомъ была какая-нибудь замаскированная подкладка, въ родѣ борьбы партій, или личнаго неблагожелательства. Я, напротивъ, просилъ оставить за

мною свободу думать, что мнѣ угодно. Тутъ меня благосклонно отпустили, а господина Безбѣднаго попросили остаться.

— Словомъ, васъ надо поздравить, сказалъ совсѣмъ не веселымъ голосомъ Глѣбъ Дмитричъ.

Князь дружески пожалъ ему руку.

— Я однако не забылъ доложить о васъ, и вѣроятно васъ сейчасъ пригласятъ, сказалъ онъ.

— Благодарю васъ, но мнѣ кажется, что я могу уйти, отвѣтилъ Зимовьевъ, и дѣйствительно вышелъ вмѣстѣ съ Павломъ Платоновичемъ.

Глава XXIV.

Солнце заходило на взморьѣ, и прозрачныя тѣни, какія бываютъ только въ весеннія петербургскія сумерки, колебались во влажной гущинѣ аллеи. Не смотря на безоблачное небо, въ воздухѣ было такъ сыро, что скамейки стояли мокрыя, и даже экипажи, пробывъ тутъ четверть часа, казались облитыми водой.

— Право, простудишься; видишь, сырость какая! говорила Марья Ивановна дочери, заботливо оправляя на ней couvre-pieds.

— Нѣтъ, мама, отвѣчала Лариса, которой, кажется, не хотѣлось нарушить свое спокойное положеніе и покинуть это мѣсто, гдѣ ей такъ нравилось оставаться неподвижною посреди безпрерывно движущейся толпы.

— Все нѣтъ да нѣтъ, а вдругъ заболѣешь, продолжала Марья Ивановна.

— Когда же я болѣла? возразила Лариса.

Марья Ивановна взглянула на нее съ изумленіемъ.

— А прошлою весной? напомнила она.

— Ну, тогда... я разстроена была, отвѣтила Лариса. — Но вѣдь докторъ сказалъ уже, что я совсѣмъ оправилась. И мнѣ кажется, что я никогда еще не была такъ здорова, какъ теперь. Я точно деревянная какая-то стала.

И на ея губахъ чуть обозначилась ироническая улыбка.

— Ну и слава Богу, отозвалась Марья Ивановна, но такимъ тономъ, какъ-будто она не довѣряла дочери, или предполагала невысказанный и нехорошій смыслъ въ ея словахъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, продолжала Лариса; — прежде я нервная была, а теперь даже скучать перестала. Мнѣ совсѣмъ не бываетъ скучно, хотя бы я цѣлый день на одномъ мѣстѣ просидѣла. Это значитъ, что я совсѣмъ здорова. Да еще бы! вы замѣтили, сколько я теперь ѣмъ?

— Развѣ много?

— До неприличія. За обѣдомъ сегодня всѣ кушанья ѣла, а теперь... Мама, вы не знаете, что будетъ къ чаю? Тамъ, у моста, я видѣла, чухонецъ съ выборгскими кренделями. Я ужасно люблю выборгскіе крендели. Купимъ, мама?

— Что ты, народу сколько, знакомыхъ! усомнилась Марья Ивановна.

— Ничего, что жь такое? У него настоящіе, теплые еще. Ахъ, какъ они вкусно ихъ дѣлаютъ! воскликнула Лариса, и взглянула на мать такимъ заинтересованнымъ взглядомъ, что въ значеніи для нея выборгскихъ кренделей невозможно было сомнѣваться.

— Ну, купимъ, пожалуй, только когда стемнѣетъ немножко, согласилась Марья Ивановна.

И вдругъ, подъ вліяніемъ какой-то безотчетной печали, слабо сжавшей ея робкое сердце, она вздохнула незамѣтно и промолвила:

— Христосъ тебя знаетъ, Лара...

— Что такое, мама? удивилась дѣвушка.

— Да какъ же, никогда прежде вниманія на ѣду не обращала, а теперь все объ ѣдѣ, да объ ѣдѣ. Отчего вдругъ?

Лариса разсмѣялась.

— Поздоровѣла, старше стала, аппетитъ прибавился, отвѣтила она.

— Аппетитъ... будто я не понимаю. Это у тебя новое опять, продолжала Марья Ивановна. — Матеріалисткою хочешь сдѣлаться.

Дѣвушка продолжала смѣяться, но уже не такъ весело.

— Когда вы, мама, перестанете докапываться, отчего, да что это значитъ? Вѣдь вы себя только терзаете этимъ. Вотъ я очень рада, когда мнѣ ѣсть хочется: этому такъ легко удовлетворить.

— А въ мысляхъ-то у тебя что?

— А въ мысляхъ... что такъ лучше, проще. Даже и мыслей какъ-будто меньше является. Проза, мама.

— То-то, проза, станешь ты прозой жить!

— Стану, право стану! подтвердила Лариса, и наклонившись впередъ, ласково отвѣтила на поклонъ генерала Беклищева, который, верхомъ на красивой вороной лошадкѣ, подъѣхалъ въ эту минуту къ ихъ экипажу.

— Сколько сегодня народу! Вечеръ очень хорошъ, сказалъ онъ, слегка нагибаясь въ сѣдлѣ и щекоча шпорою лошадь, чтобы заставить ее немножко поиграть подъ мундштукомъ.

Лошадь, выѣзженная подъ дамское сѣдло и необычайно смирная, только наклонила голову, норовя лизнуть ему колѣно.

— Какая хорошенькая! похвалила Лариса.

— Да, я держу ее для прогулокъ въ городъ, такъ какъ она очень послушная. Въ городѣ непріятно, если лошадь горячая, надо все время слѣдить за нею, объяснилъ Беклищевъ, какъ бы находя нужнымъ оправдаться. — А вы не любите верховой ѣзды?

— Я ѣздила въ деревнѣ, отвѣтила Лариса.

Беклищевъ тотчасъ нашелъ, что въ деревнѣ ѣздить гораздо пріятнѣе, и прибавилъ, что еслибы не служба, то непремѣнно большую часть года проводилъ бы въ деревнѣ.

— Но у меня въ Новоселкахъ усадьба уже сколько лѣтъ необитаема, и я не рѣшаюсь поѣхать туда одинъ, прибавилъ онъ. — Деревня имѣетъ пріятность только при семейной обстановкѣ, иначе скучно. Вы лѣтомъ не собираетесь въ ваше имѣніе?

— Мы свое имѣніе продали, объяснила съ незамѣтнымъ вздохомъ Марья Ивановна.

— Какъ, вы рѣшились продать? удивился Беклищевъ, испугавшись, что можетъ быть онъ совсѣмъ неудачно обнаружилъ свои деревенскіе вкусы. — Но почему же? Что васъ побудило?

— Намъ тамошнія мѣста наскучили, отвѣтила Марья Ивановна.

Беклищевъ сдѣлалъ незамѣтный переходъ къ неудобствамъ деревенской жизни и къ преимуществамъ города и заграницы.

— Я теперь ищу чего-нибудь подходящаго въ приволжскихъ губерніяхъ, заявила Марья Ивановна.

Беклищевъ опять вышелъ на другую дорогу, и выразилъ мнѣніе, что если даже жить въ Петербургѣ, то все-таки пріятно имѣть благоустроенную деревню, въ которую можно бы поѣхать, когда наскучатъ дачи и заграничные курорты. Затѣмъ онъ объяснилъ, что для него лично теперь было бы слишкомъ рано бросать карьеру, на которую онъ ни въ какомъ отношеніи не имѣетъ права пожаловаться.

— Да, Петербургъ насъ ужасно затягиваетъ: когда дадутъ эти эполеты и шифры, когда чувствуешь себя на виду, на открытой, гладкой дорогѣ, поневолѣ развивается маленькое честолюбіе, сказалъ онъ, улыбаясь своимъ моложавымъ лицомъ и слегка встряхивая плечами. — Мы всѣ немножко обожаемъ Петербургъ, и это очень естественно со стороны тѣхъ, къ кому онъ такъ благосклоненъ.

Онъ говорилъ *мы*, очевидно намекая на цѣлый кругъ такихъ же какъ и онъ генераловъ, быстро и гладко совершающихъ свою отъ рожденья предопредѣленную карьеру.

— Но гдѣ вы предполагаете провести лѣто? спросилъ онъ какъ бы со внезапнымъ безпокойствомъ.

— Гдѣ-нибудь на дачѣ, отвѣтила Лариса.

— Но это прекрасно! воскликнулъ Беклищевъ; — на петербургскихъ дачахъ, увѣряю васъ, живется вовсе не такъ дурно, какъ обыкновенно говорятъ. Тѣмъ болѣе, что вы уже цѣлый годъ провели заграницей. Мы, русскіе, вообще склонны осуждать свое, а между тѣмъ никто не умѣетъ такъ пріятно жить, какъ мы. Но гдѣ же именно? въ Петергофѣ? въ Царскомъ? по финляндской дорогѣ?

— Я бы хотѣла на островахъ; я влюблена въ Неву, сказала Лариса. — Правда, мама?

— Ужь я и не знаю; развѣ хорошая очень дача попадется, отвѣтила Марья Ивановна.

Беклищевъ тотчасъ предложилъ свои услуги собрать свѣдѣнія и поискать именно такую дачу, которая должна имъ понравиться. Марья Ивановна очень благодарила его. Беклищевъ, покачиваясь съ нѣкоторою кокетливостью на сѣдлѣ, распространился объ отличительныхъ особенностяхъ петербургскихъ окрестностей, объясняя съ большимъ знаніемъ дѣла, какой кругъ гдѣ преобладаетъ, и при какихъ условіяхъ лучше жить въ Петергофѣ или въ Царскомъ, чѣмъ въ Павловскѣ. Лариса слушала разсѣянно, и наконецъ совсѣмъ перестала слушать: въ подвигающейся имъ навстрѣчу толпѣ она узнала Зимовьева, который, поглядывая по сторонамъ, шелъ боковой аллеей съ княземъ Павломъ Платоновичемъ.

Едва примѣтная блѣдность набѣжала на лицо Ларисы, губы ея сжались съ выраженіемъ внезапной боли, глаза стали какіе-то глубокіе, скрытные. Но это впечатлѣніе длилось лишь нѣсколько мгновеній, и когда взглядъ Зимовьева случайно встрѣтился съ ея взглядомъ, на лицѣ ея уже лежало прежнее равнодушно-привѣтливое спокойствіе.

Глѣбъ Дмитричъ тоже смутился. Онъ невольно взялъ Павла Платоновича за руку, какъ бы спрашивая его совѣта. Князь, оглянувшись на него, подошелъ прямо къ экипажу.

— Вы навѣрное не ожидали встрѣтить Глѣба Дмитрича, сказалъ онъ.

На лицѣ Марьи Ивановны явилась растерянная улыбка. Она лично очень обрадовалась Зимовьеву, но не знала, какъ приметъ эту встрѣчу дочь.

Лариса спокойно подала руку.

— Я дѣйствительно не знала, что вы въ Петербургѣ, сказала она.

— Только-что пріѣхалъ, и не надолго, отвѣтилъ Глѣбъ Дмитричъ, сопровождая свой поклонъ глубоко благодарнымъ взглядомъ.

Беклищевъ сдѣлалъ было движеніе, чтобы проститься, но эта встрѣча Ларисы съ человѣкомъ, котораго

считали самымъ серьезнымъ претендентомъ на ея руку, крайне интересовала его. Онъ поздоровался съ Зимовьевымъ и принялся опять щекотать шпорой лошадь, чтобы дать себѣ занятіе.

— Мы съ нимъ изучаемъ «новыя вѣянія», сказалъ Павелъ Платоновичъ, улыбаясь и оглядываясь на Зимовьева. — Кстати, поздравьте меня съ отставкой, прибавилъ онъ.

— Какъ? отчего? удивилась Марья Ивановна.

— Оттого, что новое вино не вливается въ такіе старые бурдюки какъ я, отвѣтилъ князь; — слишкомъ скоро прокисло бы... Но тѣмъ лучше: когда происходитъ что-нибудь любопытное, я предпочитаю положеніе посторонняго зрителя.

— Ахъ, какъ вы правы! сказала Лариса, и невольно взглянула на Зимовьева.

Глѣбу Дмитричу показалось, что онъ понялъ этотъ взглядъ.

— Это философія большаго жизненнаго опыта, сказалъ онъ.

— Который иногда пріобрѣтается въ очень короткое время, добавила Лариса.

И ей въ ту же минуту досадно стало за обмѣнъ этихъ фразъ, которыми какъ бы возстановлялась понятная имъ обоимъ связь съ прошедшимъ.

— Политика все также занимаетъ и волнуетъ васъ? обратилась она къ Зимовьеву, и ея голосъ получилъ прежній тонъ безразличія.

— Насколько она можетъ волновать посторонняго зрителя, отвѣтилъ Глѣбъ Дмитричъ.

— Какъ, и вы тоже предпочитаете положеніе постороннаго зрителя? спросила Лариса.

— Въ настоящее время и при настоящихъ условіяхъ, что же я могу еще дѣлать, какъ не смотрѣть? Я даже нахожу, что и смотрѣть-то лучше издали, чѣмъ вблизи, сказалъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Но я не понимаю, почему? вмѣшался Беклищевъ. — Теперь, напротивъ, у насъ все очень оживилось,

такъ много новаго дѣла, а способныхъ людей такъ мало. Мнѣ кажется, что теперь-то именно и не слѣдуетъ оставаться сложа руки, въ особенности такому серьезному человѣку, какъ monsieur Зимовьевъ.

Глѣбъ Дмитричъ настолько привыкъ къ политической наивности русскихъ людей, что даже не удивился, и ничего не сказалъ.

— Время-то теперь вовсе не серьезное, отвѣтилъ за него Павелъ Платоновичъ.

Беклищевъ посмотрѣлъ на него въ раздумьи.

— Да, разумѣется, у насъ все дѣлается какъ-то нерѣшительно: сегодня такъ, а завтра иначе... сказалъ онъ, смутно догадываясь, что мнѣнія Зимовьева и князя въ чемъ-то не сходились съ его совершенно довольнымъ отношеніемъ къ перемѣнамъ, которыя всѣмъ такъ нравились.

Находя, что онъ уже слишкомъ долго стоитъ тутъ со своею лошадью, онъ простился и отъѣхалъ крупнымъ шагомъ.

«Князь потерялъ мѣсто — неудивительно, что онъ брюзжитъ, но странно, что такой человѣкъ, какъ Зимовьевъ, совсѣмъ не умѣетъ ничего достигнуть. Еслибъ онъ зналъ какъ искать, я увѣренъ, что его могли бы сдѣлать по крайней мѣрѣ вице-губернаторомъ», думалъ молодой генералъ, въ пріятномъ сознаніи, что самъ онъ умѣетъ не только искать, но даже сдѣлать такъ, чтобъ его искали.

«А эта Лариса, мнѣ кажется, очень хитрая и тонкая дѣвушка», добавилъ онъ мысленно, относя такое заключеніе къ своему обманутому ожиданію. «Я нарочно остался посмотрѣть, какъ она встрѣтится съ Зимовьевымъ, но ничего не узналъ и не могъ понять. Но тѣмъ лучше, я люблю женщинъ, у которыхъ ничего не узнаешь».

Глава XXV.

Зимовьевъ въ свою очередь хотѣлъ проститься, но Лариса предупредила его.

— Maman, развѣ мы не сойдемъ пройтись немножко? такъ скучно сидѣть въ экипажѣ, предложила она.

Павелъ Платоновичъ подалъ руку Марьѣ Ивановнѣ. Лариса и Зимовьевъ пошли впереди.

— Вы прежде не любили неопредѣленныхъ положеній; я думаю, вы не измѣнились въ этомъ отношеніи? поставила она ему прямо вопросъ.

— Я вообще мало перемѣняюсь, отвѣтилъ Зимовьевъ.

— И потому-то я увѣрена, что вы не найдете лишнимъ маленькое объясненіе между нами, продолжала Лариса. — Мы встрѣтились здѣсь случайно, и мнѣ показалось, что вы рѣшились подойти къ намъ только потому, что были застигнуты врасплохъ.

— Я сомнѣвался, чтобы вы рады были видѣть меня, сказалъ Зимовьевъ.

— А мнѣ хочется, чтобы вы убѣдились, что намъ нѣтъ никакой надобности избѣгать другъ друга, возразила Лариса.

— Я безконечно благодаренъ вамъ за великодушную любезность, съ какою вы меня встрѣтили, сказалъ Глѣбъ Дмитричъ.

— Тутъ не было великодушія, и вамъ не за что быть благодарнымъ мнѣ, отвѣтила Лариса. — Я дорожу друзьями, у меня ихъ не много, и между ними вы тотъ, къ которому я всегда питала наибольшее уваженіе. Если у васъ нѣтъ никакого злаго чувства ко мнѣ, я бы хотѣла сохранить вашу дружбу. Люди даютъ другъ другу много горя, много боли; и такъ рѣдко встрѣчается возможность уважать того, кто... заставляетъ страдать. Подумайте о томъ, что я хочу сказать.

— Я могу думать только о томъ, какъ я мало заслуживаю этой пощады, сказалъ въ смущеніи Зимовьевъ.

Лариса взглянула на него, печально улыбаясь.

— Мнѣ тоже это казалось неслыханнымъ, невѣроятнымъ, продолжала она. — Не думайте, чтобъ я такъ легко пришла къ этому. Я васъ ненавидѣла, да. Мнѣ представлялось невозможнымъ видѣть васъ, говорить съ вами. Я пугалась даже мысли вернуться когда-нибудь въ тѣ мѣста, гдѣ вы заставили меня въ первый разъ почувствовать что-то злое въ моей судьбѣ. Но этотъ годъ тянулся такъ долго, мнѣ было такъ грустно и скучно... Вы не думаете, что скука бываетъ полезна? Мнѣ кажется, что иногда бываетъ. Иногда полезно почувствовать пустоту вокругъ себя и въ себѣ; это даетъ спокойствіе, равновѣсіе, приближаетъ къ той точкѣ зрѣнія, съ какой всѣ смотрятъ на нѣкоторыя вещи. И знаете, какого результата я достигла? Я пришла къ заключенію, что мы не умѣемъ жить. Мы, то есть всѣ тѣ, кто чего-то ищетъ и чѣмъ-то волнуется, кто не дошелъ до обыкновеннаго, общаго взгляда на всѣхъ и на все.

— Безполезное заключеніе, сказалъ Глѣбъ Дмитричъ.

— Безполезное? повторила съ вопросительнымъ взглядомъ Лариса.

— Развѣ можно нарочно поглупѣть и опошлиться? отвѣтилъ другимъ вопросомъ Зимовьевъ.

— А можетъ быть это значить поумнѣть? возразила Лариса. — И навѣрное тысячу людей скажутъ, что это значитъ поумнѣть. Развѣ вы не вѣрите въ собирательный умъ, не хотите признать, что если огромное большинство въ чемъ-нибудь согласно, то стало-быть это «что-нибудь» не совсѣмъ глупо и не совсѣмъ невѣрно?

— Собирательный умъ почти всегда ни что иное, какъ собирательная глупость и пошлость, отвѣтилъ Зимовьевъ; — и я никогда не повѣрю, чтобы вы преклонились предъ этою глупостью и пошлостью. Но мнѣ кажется, что вы не досказали того, о чемъ мы начали говорить. Я хотѣлъ бы знать, какимъ образомъ ваше враж-

дебное чувство ко мнѣ уступило мѣсто великодушной пощадѣ, и даже, какъ вы сказали, желанію сохранить дружбу... Я такъ дорожу этою неожиданною и незаслуженною лаской, что вы простите мнѣ мое любопытство.

Лариса печально улыбнулась.

— Развѣ это не понятно изъ того, что я сказала? продолжала она. — Я стала не та, какая была раньше — что же прибавить? Вы были неправы предо мной, но можетъ быть была права судьба, которая такъ распорядилась всѣми нами. Счастіе бываетъ только обыкновенное, и потому только обыкновенные люди бываютъ счастливы; вотъ чего мы всѣ не умѣли понять.

— Вы становитесь фаталисткой, сказалъ Зимовьевъ.

— Нѣтъ, я только вѣрю въ непреодолимую силу этого обыкновеннаго, общаго разума, который всегда торжествуетъ, и неизбѣжно давитъ презирающихъ его, возразила Лариса. — Скажите, отъ чего-нибудь происходитъ же, что всѣ идущіе наперекоръ ему никогда не бываютъ счастливы? Не смѣйтесь, тутъ есть какая-то неумолимая логика жизни.

— Логика торжествующей пошлости, сказалъ Зимовьевъ.

— Можетъ быть, согласилась Лариса; — но если она торжествуетъ, то я слишкомъ слаба, чтобы бороться съ нею. Я отказалась.

Глѣбъ Дмитричъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Вы говорите повидимому серьезно, а между тѣмъ мнѣ не совсѣмъ вѣрится, или я не совсѣмъ понимаю васъ, сказалъ онъ.

По губамъ Ларисы скользнула прежняя равнодушная улыбка.

— Вамъ странно, что я становлюсь такая, какъ всѣ? продолжала она. — А это такъ обыкновенно. Посмотрите кругомъ: вѣдь всѣ когда-нибудь были лучше, чѣмъ стали потомъ. Молодость слишкомъ нѣжна, а нѣжное грубѣетъ. Видите вонъ тамъ, у поворота, голубое перо? Это Анна Всеволодовна; она тоже не такая стала,

какъ была. А тамъ, еще подальше, Полина Луховецкая. Мнѣ говорили, что это была прелестная, изящная, мечтательная дѣвушка; ее звали «гордою»... и вотъ она подъ руку съ человѣкомъ, котораго не любитъ. Да, Глѣбъ Дмитричъ, люди мѣняются, и рѣдко къ лучшему. Если не всѣхъ жизнь коверкаетъ, то большинство подчиняется по крайней мѣрѣ общему закону — грубѣетъ, становится разсудительнѣе, матеріальнѣе, обыкновеннѣе. А у меня, кромѣ общаго закона, были еще личныя причины.

Лицо Ларисы, по мѣрѣ того какъ она говорила, становилось все печальнѣе. Зимовьевъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и глаза его глядѣли тоже не весело.

— Да, вотъ эти личныя причины... онѣ всѣмъ немножко портятъ, сказалъ онъ.

Лариса оглянулась: Марья Ивановна съ княземъ сильно отстали отъ нихъ. «Я ему все скажу», рѣшила она съ тою же печальною усмѣшкой, и оперлась на его руку.

— Для васъ эти причины понятны, вы были слишкомъ близко ко мнѣ поставлены, продолжала она. — Судьба распорядилась такъ, что вы всегда стояли на моей дорогѣ. Два раза... я напоминаю объ этомъ спокойно, безъ горечи, какъ о прошедшемъ. Въ первый разъ это была ребяческая мечта, вы были сильнѣе, вамъ не трудно было разрушить ее. Можетъ быть такъ надо было, но вѣдь нѣкоторая боль всегда остается, Глѣбъ Дмитричъ. Я не роптала на васъ, вы это знаете, мы скоро стали ближе другъ къ другу, чѣмъ были раньше. Потомъ... Для васъ не очень тяжелъ этотъ разговоръ?

— Говорите, тихо сказалъ Зимовьевъ.

— Вы знаете, что было потомъ, продолжала также тихо Лариса; — но вы не поняли, вы приняли за внезапный капризъ, за неосторожность, за неумѣнье защитить себя... и взялись сами за мою и за свою защиту... Вы ошиблись, то была любовь, хорошая, настоящая, моя первая и единственная любовь.

Голосъ Ларисы дрогнулъ, и глаза приняли почти страдающее выраженіе.

— Какъ знать, кто изъ насъ ошибался! сказалъ, не глядя на нее, Зимовьевъ.

Лариса печально повела на него глазами. — Вамъ кажется, что я могу не знать? Полноте, не ищите оправдаться и успокоиться, возразила она. — Я не ропщу, не обвиняю; вѣдь я сказала, что уже покончила съ тѣмъ... Не думайте, чтобъ я обольщала себя. Когда я задаю себѣ печальный вопросъ: что было бы, еслибы ваша рука не отяготѣла на моей судьбѣ? — я говорю себѣ: не знаю! Еслибъ этого не случилось, еслибъ я могла сдѣлаться женой Жедровскаго, можетъ быть мнѣ пришлось бы въ послѣдствіи дорого искупить свое счастье. Но это все-таки было бы счастье...

И Лариса низко опустила зонтикъ, такъ-что кружевная бахрома его совсѣмъ закрыла ей лицо. Зимовьевъ молчалъ. Сердце медленно и туго билось у него въ груди.

— Видите, какъ я просто объ этомъ разсуждаю... продолжала, съ попыткой улыбнуться, Лариса. — Но вѣдь я кончила, дѣйствительно кончила. Не всѣмъ удается любить на этомъ свѣтѣ, и не всѣ умѣютъ взять то большое счастье, о которомъ мечтается. Но живутъ и съ маленькимъ счастьемъ, и кажется даже хорошо живутъ. Я тоже хочу такъ жить. Въ концѣ концовъ, это простая необходимость. Что было, то не повторится. Бѣдная дорогая тѣнь стоитъ между мною и тѣми, кого я еще могла бы любить. И между нами тоже стоитъ эта тѣнь, и оттого я могу такъ свободно говорить съ вами. Вы получили лоскутокъ бумаги, на которомъ я годъ тому назадъ написала одно слово: никогда! Это не къ вамъ одному относится, но ко всѣмъ тѣмъ, кто лучше другихъ, кто стоитъ любви. Мнѣ нечего имъ дать. Теперь вы поняли, почему мы можемъ остаться друзьями?

И Лариса, наклонившись, взглянула прямо въ лицо Зимовьеву спокойными и какъ-будто еще мокрыми глазами, и протянула ему руку. Онъ въ смущеніи пожалъ эту руку.

— Вы заставляете такъ грустно глядѣть въ эту минуту на наше прошедшее... заговорилъ онъ, но Лариса тотчасъ его перебила.

— Нѣтъ, человѣческая натура ужасно живуча; я многое похоронила, но еще не умерла... продолжала она, и въ голосѣ ея зазвучалъ невеселый, нехорошій смѣхъ. — Вы не хотите повѣрить тому, что я говорила объ обыкновенномъ, общемъ разумѣ? А я въ него вѣрю. У меня теперь совсѣмъ другой идеалъ, маленькій и удобный. Я люблю спокойствіе, блаженное спокойствіе, которое заключается въ томъ, чтобы жить какъ всѣ, думать какъ всѣ, любить то, что всѣ любятъ. Это такъ хорошо! Я ничего не ищу, или, лучше сказать, ищу обыкновеннаго человѣка, самаго обыкновеннаго, но хорошаго... только хорошаго опять въ самомъ обыкновенномъ смыслѣ... Не очень глупаго, но въ особенности не очень умнаго, мягкаго, смотрящаго на вещи съ самой житейской стороны, и дорожащаго не столько своими мнѣніями, сколько своими привычками. Вы не можете себѣ представить, какъ удобны такіе люди, какую цѣну они имѣютъ въ дѣйствительной жизни. Вѣдь угождать привычкамъ гораздо легче, чѣмъ угождать мнѣніямъ, дорожить своимъ bien-aise гораздо умнѣе, чѣмъ терзать другъ друга вѣчно требовательными капризами ума или сердца...

— Полноте! сказалъ, пожавъ плечами, Зимовьевъ; — какъ-будто можно нарочно сдѣлаться ничтожествомъ!

— Какой вы неисправимый гордецъ! возразила съ улыбкой Лариса, — вы, какъ низложенный король, хотите скитаться въ толпѣ съ короной на головѣ. Прочтите послѣдній романъ Додѐ — очень любопытная книга.

— Берегитесь, эти насилія надъ собой иногда очень дурно кончаются, сказалъ Глѣбъ Дмитричъ. — Вы себя не переломаете, но подъ вліяніемъ вашихъ теперешнихъ идей, можете сдѣлать роковой шагъ... и потомъ нести кару поздняго раскаянія.

— Разочароваться? вы забываете, что я именно расположена не очаровывать себя, возразила Лариса.

— Нѣтъ, я опасаюсь гораздо худшаго... новаго очарованія, передъ которымъ вы будете беззащитны съ вашимъ идеаломъ благополучнаго ничтожества, сказалъ Зимовьевъ.

Лариса скептически покачала головой.

— Дважды не бываетъ, возразила она. — Вы забыли засасывающую силу душевнаго отдыха, прозы, привычекъ, мелочей?... Я не буду беззащитна, вы напрасно боитесь.

Оба молча прошли нѣсколько шаговъ.

— Позволите мнѣ въ свою очередь сдѣлать предсказаніе на вашъ счетъ? заговорила опять Лариса. — Вы кончите тѣмъ же, чѣмъ я, только позднѣе, и слѣдовательно дороже заплатите. Вы тоже повѣрите въ преимущества обыкновеннаго, маленькаго счастья, удовольствуетесь любовью той женщины, которая можетъ быть вашею рабой, но не вашимъ идеаломъ, ограничитесь мелкими хлопотами и будничными радостями, и только тогда, только тогда станете счастливы...

— Никогда! воскликнулъ Глѣбъ Дмитричъ. — Я уже не молодъ, и мнѣ поздно чего-нибудь искать и на что-нибудь надѣяться; но я никогда не буду счастливъ тѣмъ унизительнымъ счастьемъ, которое вы мнѣ такъ безжалостно сулите.

Лариса сложила зонтикъ и улыбнулась.

— Qui vivra — verra, сказала она съ замысловатымъ покачиваньемъ головой.

И оглянувшись, она высвободила руку и присоединилась къ матери.

— Поѣдемъ, мама? сказала она спокойнымъ, прозрачнымъ голосомъ.

— Это за кренделями-то? добродушно напомнила Марья Ивановна.

— За кренделями! подтвердила Лариса, засмѣявшись, и пошла впередъ къ экипажу.

Глава XXVI.

На скамейкѣ, повернувшись спиной ко взморью, сидѣли Безбѣдный съ женою и Каричъ. Со времени новаго возвышенія своего зятя, Каричъ какъ-будто еще болѣе съ нимъ сблизился, и хотя самъ Евгеній Саввичъ теперь не вступалъ ни въ какія предпріятія, но между ними возобновилась тѣсная связь, напоминавшая счастливыя времена компаніи городской ассенизаціи. Дѣла самого Карича, нѣсколько разстроенныя войной, съ которой онъ ничего не умѣлъ сорвать, прозѣвавъ какимъ-то образомъ первыя минуты, въ настоящее время очень запутывались. Онъ закупился акціями какого-то новаго восточнаго банка, учрежденнаго въ видахъ посредничества между Европой и Азіей; но такъ какъ надобность въ такомъ посредничествѣ обнаруживалась въ очень слабой степени, не смотря на счастливую мысль эксплуатировать нѣкоторымъ образомъ славянскую идею, то банкъ занялся ссудами подъ петербургскіе дома, что сразу расширило его обороты. Ссуды выдавались въ размѣрѣ, значительно большемъ противъ другихъ банковъ, и это тотчасъ привлекло заемщиковъ и подняло дивидендъ; народилась даже совершенно новая спекуляція — перезакладки уже заложенныхъ домовъ въ восточномъ банкѣ, съ полученіемъ дополнительной ссуды. Въ концѣ-концовъ, этому полезному учрежденію предстояло неизбѣжно лопнуть, такъ какъ домовладѣльцы не могли выдержать огромныхъ платежей, поглощавшихъ доходы; но Каричъ и въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ какъ во всѣхъ другихъ, придерживаясь системы не засиживаться долго на одномъ дѣлѣ, но раздувъ его и снявъ взбитую пѣну, тотчасъ переходить на другое. Ему хотѣлось, съ помощью баснословнаго дивиденда, разогнать акціи до наибольшей преміи, и затѣмъ осторожно распродать ихъ. Разсчетъ былъ простъ и вѣренъ до очевидности, до глупости; но финансовое управленіе, рѣшающееся изрѣдка вникать въ

акціонерныя дѣла, совсѣмъ не поняло связи между восточною политикой и перезалогомъ петербургскихъ домовъ, и не только воспротивилось дополнительному выпуску акцій, но пригласило банкъ вернуться къ его первоначальному назначенію. Каричъ былъ возмущенъ, и громко вопіялъ противъ притязаній бюрократіи.

— Это у насъ называется финансовою политикой! говорилъ онъ съ благороднымъ раздраженіемъ Безбѣдному. — Въ Европѣ акціонерные банки давно пользуются полнѣйшею свободой, а у насъ даже тутъ не могутъ обойтись безъ чиновничьихъ помочей. Канцелярскіе финансисты, видите-ли, лучше насъ понимаютъ дѣло: суются съ указкой... тьфу! И потомъ жалуются, что у насъ экономическая жизнь въ застоѣ, что нѣтъ общественной иниціативы. Откуда же ей взяться, когда правительство со всѣхъ сторонъ жметъ, тормозитъ, не даетъ вздохнуть свободно! Помилуйте, частные люди создаютъ предпріятіе, привлекаютъ капиталы, ведутъ дѣло съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, что акціи уже ходятъ вдвое, и вдругъ какіе-то чиновники находятъ, что дѣло ведется неправильно, что они больше въ немъ смыслятъ, и требуютъ, чтобы мы это созданное нами самими дѣло испортили, погубили, ради ихъ канцелярскихъ соображеній. Вѣдь этакъ руки опускаются, вѣдь послѣ этого у насъ ни за что взяться нельзя!

— Но можетъ быть кто-нибудь хочетъ получить взятку? высказала очень простое предположеніе Аннетъ.

Авторъ этого совершенно вымышленнаго повѣствованія очень виноватъ предъ читателями, оставляя такъ долго за сценой бывшую m-lle Аннетъ Каричъ. Это случилось только потому, что о счастливыхъ бракахъ приходится такъ мало разсказывать, а бракъ m-lle Аннетъ и Безбѣднаго принадлежалъ къ самымъ счастливымъ. Если бы на свѣтѣ не было горя, страданія, борьбы, то безъ сомнѣнія не было бы ни романовъ, ни романистовъ, а раздавалась бы только одна торжественная пѣснь блаженства. Madame Безбѣдная не знала другаго горя, кромѣ отсутствія Патти въ оперномъ сезонѣ, другихъ

страданій, кромѣ духоты въ театральной или клубной залѣ, и не вела другой борьбы, кромѣ той, которую хорошенькой женщинѣ приходится вести со случайною блѣдностью лица или съ рискованнымъ фасономъ шляпки. Она любила мужа, насколько это допускаютъ неглупыя и бойкія женщины, любила своихъ лошадей, свои шарабаны и коляски, свою карету, убранную внутри какъ бонбоньерка, съ зеркаломъ и съ серебряными кружевами, свою квартиру, въ которой Лизере разбросалъ изумительные канапе и пуфы, а знаменитый художникъ росписалъ по цвѣтному атласу ширмы и экраны; свои обѣды и вечера, свои ложи, свои поздно начинающіеся дни и еще позже оканчивающіяся ночи. Но больше всего она любила сама себя, со своею пикантною головкой и слегка полнѣющею фигурой, со своею тяжелою темнорусою косой, въ которую monsieur Люсьенъ, artiste-coiffeur, съ такимъ удовольствіемъ, такъ медленно погружалъ надушенные пальцы, со своимъ вѣчно веселымъ и ровнымъ характеромъ и задорнымъ, немножко дерзкимъ и немножко циническимъ умомъ. Да, ея умъ слегка отзывался цинизмомъ, и было бы даже странно, если бы дочь Карича и падчерица Софьи Александровны Олжанской ничего не усвоила отъ отца и отъ мачехи; но это былъ, по мнѣнію ея многочисленныхъ поклонниковъ, очень изящный цинизмъ, выражавшій побѣду свободной молодости надъ предразсудками и условностью стараго общества. Словомъ, m-me Аннетъ была совершенно счастлива, а о счастливыхъ людяхъ такъ трудно что-нибудь разсказать!

Каричъ на ея предположеніе о взяткѣ только пожалъ плечами.

— Неужели ты думаешь, что тамъ еще не подмазано, гдѣ можно было? возразилъ онъ.

— Мнѣ кажется, что всѣ эти затрудненія въ сущности совершенно вздорныя, и ихъ очень можно устранить, сказалъ Безбѣдный. — Вѣдь это какой-нибудь чиновникъ тамъ сидитъ и путается по долгу канцелярской рутины, а вовсе это не значитъ, чтобы наша финансовая политика требовала подобнаго отношенія къ дѣлу.

Въ настоящее время, напротивъ, заботятся разбудить общество, предоставить полную свободу общественному или частному почину.

— Я же говорю, что въ настоящее время, когда власть находится, кажется, въ рукахъ людей съ просвѣщеннымъ и либеральнымъ образомъ мыслей, эти придирки просто должны удивлять всѣхъ! воскликнулъ Каричъ. — Они компрометтируютъ правительство, и публика наконецъ потеряетъ вѣру, чтобъ оно могло дѣйствительно выступить на путь прогресса.

— Не иначе, какъ какой-нибудь средній чиновникъ, который просто даже не понимаетъ, чего отъ него требуютъ, и дѣйствуетъ по старой рутинѣ, продолжалъ Безбѣдный. — Но я объяснюсь, переговорю съ тѣми, отъ кого зависитъ, и надѣюсь, что у насъ обнаружится солидарность взглядовъ.

— Непремѣнно надо объясниться и установить солидарность взглядовъ, подхватилъ Каричъ; — вѣдь если въ экономической политикѣ будутъ торжествовать протекціонизмъ и рутина, тогда что же выйдетъ изъ всего этого либеральнаго направленія?

— Въ экономической свободѣ мы нуждаемся, можетъ быть, даже больше, чѣмъ въ политической, согласился Безбѣдный.

— А у насъ ея нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! съ жаромъ продолжалъ Каричъ. — Возьмите, напримѣръ, отношенія правительства къ желѣзнымъ дорогамъ: опять постоянныя придирки, навязыванье какихъ-то государственныхъ интересовъ... Чиновникъ у насъ, точно нянька, приставленъ ко всякому общественному дѣлу... Представьте себѣ, что я на нашей дорогѣ даже тарифа не могу измѣнить безъ придирокъ со стороны министерства, для котораго коммерческіе интересы какъ-будто вовсе не существуютъ!

Каричъ, между прочимъ, былъ директоромъ одного желѣзно-дорожнаго правленія, и находился въ постоянныхъ пререканіяхъ съ министерствомъ, защищая, какъ онъ говорилъ, интересы производительнаго капитала и

независимость акціонернаго самоуправленія противъ посягательствъ казны. Ему очень хотѣлось поставить Безбѣднаго на такую же точку зрѣнія, такъ какъ вмѣшательство казенной инспекціи вредило нѣкоторому весьма смѣлому замыслу, возникшему въ его изобрѣтательномъ умѣ.

Безбѣдный со значительнымъ видомъ улыбнулся.

— Все это доказываетъ, что самая трудная задача нынѣшняго правительства заключается въ борьбѣ со своею собственною бюрократіей, сказалъ онъ.

— Посмотри, Евгеній, вдругъ толкнула его Аннетъ, и указала зонтикомъ на извозчичью коляску, которая, шагомъ проѣзжая по аллеѣ, поровнялась съ ними въ эту минуту.

Въ колескѣ сидѣли трое: брюнетка съ очень молодымъ, но блѣднымъ и какъ бы преждевременно постарѣвшимъ лицомъ, однимъ изъ тѣхъ лицъ, на которыхъ раннее горе оставляетъ неизгладимый слѣдъ; подлѣ нея хорошенькая блондинка съ задорнымъ выраженіемъ темныхъ глазъ, прямаго коротенькаго носика и красивыхъ, нѣсколько крупныхъ губъ, а на скамеечкѣ — мужчина лѣтъ тридцати, очень небрежно одѣтый въ запыленную, распахнувшуюся на плечахъ накидку, и въ сѣренькій полу-домашній костюмъ.

Лицо Безбѣднаго обнаружило внезапное безпокойство, почти смятеніе; въ глазахъ пропало равнодушно-самоувѣренное выраженіе, углы губъ какъ-то странно потянулись. Въ этой брюнеткѣ, темные глаза которой смотрѣли такимъ глубокимъ и чуждымъ взглядомъ, какъ-будто толпа удивляла и печалила ее, онъ узналъ героиню своего перваго и единственнаго романа. Да, это была Липочка, которую мы оставили давно, когда слагалась только первая часть этого длиннаго повѣствованія, когда еще не выступили на сцену новыя лица, чтобъ оттѣснить за кулисы тѣхъ, кто еще не сказалъ своего послѣдняго слова.

Безбѣдный былъ человѣкъ съ очень крѣпкими нервами, очень счастливый, и очень разсудительный. Но даже въ самой маленькой любви есть такая большая

власть, которая хоть на минуту будитъ нѣчто хорошее, нѣжное и нервное, въ самомъ благополучномъ человѣкѣ. И когда смущенный, вспыхнувшій взглядъ Безбѣднаго узналъ Липочку, онъ почувствовалъ ту человѣческую боль, за которую можно простить много эгоизма и холода душевнаго.

Коляска, задержанная другими экипажами, остановилась. Безбѣдный глядѣлъ растерянными глазами, смущенный, не зная, замѣтятъ-ли его, и что ему въ такомъ случаѣ дѣлать. Аннетъ торопливо толкала его подъ руку.

— Развѣ ты не узнаешь? Липочка, твоя Липочка... и баронъ Андрей; а блондинку эту не знаю... Вотъ, они смотрятъ на тебя.

Темныя глаза Липочки, обводя равнодушнымъ взглядомъ тѣснившуюся тутъ толпу, въ эту минуту дѣйствительно остановились на Безбѣдномъ. Блѣдное лицо ея на мгновеніе какъ-будто еще болѣе поблѣднѣло, рѣсницы дрогнули, рука, державшая зонтикъ, сдѣлала нервное движеніе и опустилась. Безбѣдный всталъ и издали снялъ шляпу. Ему хотѣлось вложить въ свой поклонъ выраженіе почтительной и притомъ какъ бы вызывающей сдержанности, съ какимъ кланяется человѣкъ, сознающій себя правымъ въ возникшихъ недоразумѣніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляющій другимъ думать объ этомъ, какъ имъ угодно.

Липочка едва наклонила голову, и не отвернулась, а только перевела взглядъ мимо Безбѣднаго. Баронъ Андрей съ нерѣшительнымъ видомъ дотронулся до шляпы. Коляска медленно двинулась, и черезъ полминуты сидѣвшихъ въ ней заслонили другія лица.

Аннетъ съ любопытствомъ взглянула на мужа. На губахъ ея играла та снисходительно-торжествующая улыбка, о неумѣстности которой женщины никогда не догадываются.

— Вотъ неожиданная встрѣча! сказала она. — Впрочемъ, нанимать извозчичью коляску, чтобъ ѣхать сюда — это немножко похоже, какъ-будто тебя нарочно

искали. Мнѣ кажется, ты поторопился раскланяться, она такъ величественно отвѣтила. Признаться, это не совсѣмъ идетъ къ ней.

Но Аннетъ была въ сущности вовсе не злая женщина, и вслѣдъ за этимъ первымъ, нѣсколько враждебнымъ движеніемъ, она почувствовала состраданіе къ Липочкѣ.

— Но какая она блѣдная, и какъ подурнѣла! сказала она. — Какъ ты думаешь, что она... то-есть что съ ней сталось? что такое для нея былъ Андрей?

— Не знаю, отвѣтилъ Безбѣдный, пожавъ плечами.

— Вѣдь у нея нѣтъ никакихъ своихъ средствъ? продолжала Аннетъ.

Лицо Безбѣднаго сохраняло натянутое выраженіе.

— Право, не умѣю тебѣ сказать, отвѣтилъ онъ съ явнымъ намѣреніемъ уклониться отъ разговора. — У нея отецъ есть.

Аннетъ съ задумчивымъ видомъ повела глазами по направленію, въ которомъ скрылась коляска.

— Мнѣ бы хотѣлось быть ей чѣмъ-нибудь полезною, еслибъ это можно было, сказала она. — Ты не отыщешь ея?

Безбѣдный повторилъ движеніе плечами.

— Зачѣмъ? возразилъ онъ; — помощи она не приметъ, да по всей вѣроятности и не нуждается въ ней.

И на лицѣ его появилась обычная, довольная и снисходительно подсмѣивающаяся полуулыбка.

Глава XXVII.

Извозчичья коляска продолжала между тѣмъ медленно подвигаться среди экипажей. Баронъ Андрей, повернувъ въ сторону некрасивое, замѣтно обрюзглое лицо, только разъ бросилъ на Липочку изподлобья быстрый взглядъ, и затѣмъ не смотрѣлъ на нее и ни слова не говорилъ, какъ-будто смущенный за нее этою неожиданною встрѣчей. Но въ прекрасныхъ сѣрыхъ глазахъ его, которые только одни давали жизнь и даже красоту его грубому лицу, выразились и участіе, и гнѣвъ, и тихое страданіе...

Молоденькая блондинка, сидѣвшая подлѣ Липочки, быстро повернулась къ ней.

— Кто это такой противный вамъ кланялся? спросила она.

Липочка невольно взглянула на нее.

— Противный? повторила она съ выраженіемъ удивленія и какъ-будто обиды. — Его всѣ находятъ красивымъ.

— Что вы, штатскій! воскликнула блондинка съ непередаваемою гримасой губъ и бровей. — Душечка, штатскіе всѣ такіе противные.

— Покорно васъ благодарю, засмѣялся Андрей.

— Ну, вы другое дѣло, вы такой милый, я къ вамъ совсѣмъ привыкла, отвѣтила блондинка, и вдругъ прибавила, поведя плечами: — Ахъ, только зачѣмъ вы не военный! Ну зачѣмъ, отчего? вѣдь вы могли бы тоже офицеромъ быть?

Баронъ только опять засмѣялся. Блондинка быстро схватила Липочку за руку.

— Ахъ, посмотрите вонъ тамъ... четыре, пять, шесть... все бѣлыя шапки... заговорила она въ волненіи, указывая и глазами и зонтикомъ въ сторону, гдѣ кучка молодежи окружила коляску съ развалившеюся въ ней

весьма нарядною дамой. — Ахъ, какъ весело! Вы не знаете, кто эта дама?

— Француженка какая-нибудь, отвѣтилъ Андрей.

— Но кто именно? никогда вы ничего не знаете! продолжала дѣвушка, стараясь изо всѣхъ силъ разглядѣть и офицеровъ, и даму. — Какъ вы думаете, о чемъ они говорятъ? обратилась она тотчасъ къ Липочкѣ.

— Да перестаньте, Женечка, что это съ вами! отозвалась та.

— Ахъ, но когда жь это такъ интересно! воскликнула блондинка, снова съ выраженіемъ нетерпѣливаго удовольствія передернувъ плечами. — Вонъ тотъ, высокій, съ вензелями — какой ростъ!

— Полно же вамъ, Женечка, вы меня въ отчаяніе приводите, сказала съ примѣтнымъ уже выраженіемъ скуки Липочка.

Но Женечка не слышала ея замѣчаній: разглядѣвъ среди офицеровъ знакомаго ей Алешу Хлестова, она высунулась изъ коляски и посылала ему глазами и руками какіе-то нетерпѣливые знаки. Алеша отвѣчалъ тѣмъ же; прочіе офицеры смотрѣли и пересмѣивались.

Андрей взялъ Женечку безъ церемоній за обѣ руки и повернулъ.

— Сидите смирно, а то Олимпіада Васильева никогда больше не возьметъ васъ съ собою, сказалъ онъ серьезно.

Блондинка взглянула на него съ недовольнымъ видомъ, и прижалась плечомъ къ Липочкѣ.

— Душечка, Олимпіада Васильевна, развѣ вы сердитесь? Это Алеша Хлестовъ, онъ такой забавный, у него воровскіе глаза... когда онъ такъ смотритъ на меня, мнѣ кажется, какъ-будто я совсѣмъ пьянѣю... Ахъ, какъ весело! проговорила она тономъ, выражавшимъ полнѣйшее непониманіе всего, что въ ея словахъ и поступкахъ заключалось рискованнаго.

— Бѣда мнѣ съ вами! сказала Липочка, улыбаясь съ оттѣнкомъ укоризны.

— Когда жь я такъ люблю военныхъ! воскликнула въ видѣ оправданія Женечка.

— Но нѣтъ по крайней мѣрѣ никакой надобности это всѣмъ показывать.

— Не сердитесь же, я буду совсѣмъ смирная... Господи, когда жь это наконецъ кончится! продолжала Женечка, и всплеснула руками.

— Что такое кончится? не поняла Липочка.

— Да вотъ это... чтобы сидѣть смирно, ни на кого не глядѣть, не смѣть выскочить изъ экипажа... Вѣдь когда я буду наконецъ на сценѣ, я могу дѣлать что захочу. Опереточная пѣвица — это такое наслажденіе! Алеша говорилъ, что его товарищи абонируютъ весь первый рядъ, такъ чтобы ни одного штатскаго не было. И вообще, военныхъ постоянно будетъ полонъ театръ. Душечка, Олимпіада Васильевна!

И Женечка порывисто схватила руку Липочки и сжала ее, насколько было силы.

— Если хотите поступить на сцену, такъ вамъ надо работать побольше, а не о глупостяхъ думать, сказала Липочка.

— Я работаю, право же работаю, оправдывалась Женечка. — Сегодня часа два пѣла, честное слово... Ахъ, вонъ Раиса Николаевна... въ шарабанѣ, и съ этимъ своимъ противнымъ штатскимъ.

Липочка оглянулась, и увидѣла сбоку коляски молодую, очень изящно одѣтую даму, правившую парой восхитительныхъ, совершенно бѣлыхъ пони. Рядомъ съ нею сидѣлъ съ забавно-серьезнымъ видомъ плотный господинъ лѣтъ сорока, съ лицомъ какъ бы лоскомъ покрытымъ, съ рыжеватыми усами и бородой и маленькими, веселыми, свѣтлыми глазами. Самоувѣренность дѣльца и апломбъ опытнаго жуира такъ и изоблачались въ немъ съ перваго взгляда.

— Вы не въ театръ? спросила Липочку дама, весело кивнувъ ей головой. — Сегодня «Периколу» даютъ.

— Нѣтъ, я сейчасъ домой, отвѣтила Липочка.

— Ахъ, «Перикола»! моя роль! воскликнула Женечка смѣшаннымъ тономъ восторга и отчаянія.

— Я васъ могу взять съ собою въ ложу, хотите? предложила Раиса Николаевна.

— Ахъ! снова воскликнула Женечка, кинувъ быстрый, умоляющій взглядъ на Липочку, и не дождавшись, пока кучеръ совсѣмъ остановилъ коляску, спрыгнула съ подножки.

— Васъ кто-нибудь довезетъ, обратилась Раиса Николаевна къ своему спутнику.

Тотъ всталъ и подсадилъ Женечку. Бѣленькіе пони подхватили рысцой.

— До свиданья! не сердитесь! крикнула Женечка, оборачиваясь къ Липочкѣ. Та только пожала плечами.

— Сумасшедшая! молвилъ баронъ Андрей, пересаживаясь на освободившееся мѣсто.

— Ну, что мнѣ съ нею дѣлать? Ея никто, кажется, не остановитъ и не удержитъ, сказала Липочка.

— Дура она, отвѣчалъ на это почти грубо Андрей.

— Я на нее смотрю и просто понять не могу, продолжала Липочка; — вѣдь у нея семья, и кажется даже порядочная, и образованіе ей дали... отецъ гдѣ-то служитъ, хорошее мѣсто имѣетъ. Удивляюсь, какъ ей предоставляютъ такую свободу.

— Дура она, повторилъ Андрей, — а этого ужь не поправите. Вѣдь ей что надо? Вы думаете, у нея увлекающаяся натура, темпераментъ? Совсѣмъ нѣтъ! Просто глупое и ложное самолюбіе, желаніе надѣлать какъ можно больше шуму. Я, молъ, не такая какъ всѣ, у меня дымъ коромысломъ пойдетъ... Теперь въ Россіи ужасно много развелось такихъ дѣвицъ; всѣ хотятъ, чтобы вокругъ нихъ шумѣло и музыка играла. И непремѣнно всѣ хотятъ на сцену поступить, а если вы послушаете ихъ разговоры съ мужчинами, все одно и то же: «какіе-молъ вы всѣ вялые, ходите точно мокрыя курицы... огня у васъ нѣтъ, скучно съ вами». Ухарство это у нихъ своего рода. А у самихъ-то огня какъ въ сальной плошкѣ, чтобы только начадить до угару.

Липочка вскользь усмѣхнулась.

— А вѣдь вы кажется правы, сказала она. — И мнѣ Женечку жаль будетъ, она въ сущности славная дѣвочка. Совсѣмъ съ толку собьется.

— Еще бы не сбилась! угрюмо подтвердилъ Андрей.

— Только я все-таки попытаюсь постеречь ее, сказала Липочка.

— Ну, мудрено это, усомнился Андрей. — Съ вами ей скучно, вы все мораль читаете, а съ Раисой Николаевной весело, при ней цѣлый эскадронъ состоитъ, и Алеша Хлестовъ опьяняетъ «воровскими глазами»... а больше, я думаю, шампанскимъ.

Липочка опять вскользь усмѣхнулась.

— Вы даже злы становитесь, я прежде не замѣчала этого... сказала она шутя; — можно подумать, что вы не совсѣмъ равнодушно относитесь къ моей вѣтреной Женечкѣ.

На лицѣ барона Андрея не выразилось, чтобъ онъ раздѣлялъ шутливость Липочки; напротивъ, что-то похожее на досаду пробѣжало въ его глазахъ.

— Я сохранилъ глупую привычку злиться, когда видишь, какъ ломается молодая жизнь, сказалъ онъ угрюмо.

— И тѣмъ болѣе, когда жертва такая хорошенькая... не притворяйтесь, вѣдь я столько разъ замѣчала, какъ вы изподтишка любовались Женечкой, продолжала тѣмъ же тономъ Липочка.

Андрей при этихъ словахъ вспыхнулъ и нахмурился.

— Я никогда не могъ понять, зачѣмъ вы это говорите, сказалъ онъ почти со злостью. — Мнѣ кажется... это совсѣмъ не нужно.

— Вы сердитесь? спросила съ удивленіемъ Липочка.

— Хотите, чтобъ я сказалъ правду? Да, сержусь, отвѣтилъ Андрей, и некрасивое лицо его вдругъ потемнѣло, а въ глазахъ сверкнули недобрыя искры.

— Но чѣмъ могла васъ разсердить такая обыкновенная шутка? Хорошенькое женское лицо всегда нравится, и я не придавала моему замѣчанію никакого значенія... оправдывалась съ нѣкоторымъ невольнымъ смущеніемъ Липочка.

Андрей продолжалъ угрюмо глядѣть на свои ноги.

— Я знаю, что вы не хотѣли сказать ничего непріятнаго, но пожалуйста... этого совсѣмъ не надо, и вы знаете почему такія шутки на меня дурно дѣйствуютъ, проговорилъ онъ съ замѣтнымъ усиліемъ.

— Да почему? переспросила Липочка.

— Потому, что это выдаетъ совершенно излишнюю съ вашей стороны заботу показать, будто вы въ самомъ дѣлѣ считаете возможнымъ, чтобъ я интересовался Женечкой или кѣмъ-нибудь... продолжалъ тѣмъ же угрюмо злымъ тономъ Андрей. — Зачѣмъ? развѣ я напоминаю, надоѣдаю? къ чему же показывать, будто вы не вѣрите мнѣ, не допускаете?.. Вы знаете, что мнѣ не очень легко, а помочь не можете, такъ лучше оставить, не шевелить...

Выраженіе печали, почти страданія, легло на блѣдное лицо Липочки. Она не смотрѣла на барона.

— Нѣтъ, я не могу оставить, потому что это не правда, вы сами создаете себѣ страданія, сказала она тихо. — Вы знаете, что я считаю васъ моимъ другомъ, самымъ хорошимъ другомъ, и какъ мнѣ дорога эта дружба. У меня вѣдь кромѣ васъ никого нѣтъ. И я не въ состояніи допустить, чтобы вы сами себѣ портили это дорогое чувство. Андрей Евгеніевичъ, вѣдь мы съ вами оба не дѣти, у обоихъ было много горя. Неужели вы еще не устали? Я вамъ съ радостью отдаю все, что у меня осталось — зачѣмъ непремѣнно искать того, чего я не могу дать, что принесло бы вѣроятно новыя страданія, и во всякомъ случаѣ отняло бы у насъ то, чѣмъ я такъ дорожу?

Побурѣвшее лицо Андрея сдѣлалось блѣдно.

— Не говорите этихъ жалкихъ словъ, Олимпіада Васильевна, произнесъ онъ угрюмо. — Развѣ я ищу? раз-

вѣ я радъ? возьмите у меня это чувство, если съумѣете, я вамъ буду жизнью обязанъ.

Липочка до боли сжала себѣ руки.

«Господи, чѣмъ же я виновата? Зачѣмъ я не могу любить его!» простонала она въ душѣ.

Андрей рѣзко повернулся къ ней.

— Пожалуйста, не будемъ возвращаться къ этому разговору, произнесъ онъ почти спокойно; — и не надо увѣрять меня, будто я интересуюсь всякими Женечками... Я только объ одномъ прошу, останемся друзьями, какъ были до сихъ поръ.

Липочка отвѣтила благодарнымъ взглядомъ и молча пожала ему руку. Но разговоръ между ними не возобновлялся, и дорога до города показалась обоимъ очень длинною и томительною.

Глава XXVIII.

Раиса Николаевна, какъ только шарабанъ съѣхалъ со «стрѣлки», ударила по лошадямъ и со смѣхомъ обернула къ Женечкѣ веселое, задорное лицо.

— Вырвала я васъ! сказала она.

Дѣвушка, вмѣсто отвѣта, обняла ее за талію и прижалась къ ея плечу. Въ эту самую минуту громадный сѣрый жеребецъ выдвинулъ мимо нихъ вспотѣлые бока, и осаженный на ходу, отфыркиваясь и брызгая пѣной, сдержалъ свою размашистую рысь.

— Въ «Ливадію»? окрикнулъ по-дѣтски звонкій голосъ Хлестова.

Женечка весело закивала головой. Хлестовъ, счастливый и розовый, какъ расшалившійся ребенокъ, сидѣлъ въ эгоисткѣ, выпятивъ на аршинъ отъ себя эфесъ сабли и держа на колѣняхъ высокаго, смуглаго и прямаго какъ жердь товарища. Вдвоемъ они составляли очень забавную группу, въ которую надо было внимательно вглядѣться, чтобы понять, какимъ образомъ удерживала она балансъ на качавшихся словно пружина дрожкахъ.

— Я тоже туда, и всѣ наши, крикнулъ Алеша.— Пошелъ!

Рысакъ разставилъ ноги и тронулъ такъ, что съ узкихъ стальныхъ шинъ посыпались искры.

— Ахъ, какая прелесть! воскликнула вся сжавшись отъ восторга Женечка, неизвѣстно къ кому относя замѣчаніе, къ двухтысячному рысаку или къ его хозяину. — Ну, скажите, кто кромѣ Алеши такъ ѣздитъ?

— Вы совсѣмъ влюблены въ моего мальчика? спросила шутя Раиса Николаевна.

— Ахъ, что жь я буду дѣлать! воскликнула, хватая ее за руку, Женечка.

— Да ничего и не надо дѣлать... отвѣтила со смѣхомъ Раиса Николаевна. — Онъ стоитъ, чтобъ его любили.

— Правда вѣдь? онъ такой... такой... Развѣ онъ не лучше всѣхъ?

— Вы ему также очень нравитесь, пропустила вопросъ Раиса Николаевна.

Женечка еще сильнѣе сжала ей руку.

— Почему вы знаете? что онъ вамъ говорилъ? Душечка, Раиса Николаевна, скажите, вы меня просто счастливою сдѣлаете! просила она.

— Разумѣется говорилъ, онъ мнѣ всѣ свои секреты повѣряетъ, отвѣтила молодая женщина.

— Но что именно? какъ онъ говорилъ? какими словами? приставала съ возрастающимъ волненіемъ Женечка.

— Пустите, вы мнѣ мѣшаете править, остановила ее Раиса Николаевна.

И бросивъ на дѣвушку ласково-подсмѣивающійся взглядъ, она добавила:

— Вчера, когда вы не захотѣли сѣсть съ нимъ въ карету, онъ такъ ерошилъ волосы и имѣлъ такой фатальный видъ, что я испугалась и поскорѣе увезла его къ себѣ.

— Вы увезли его къ себѣ! воскликнула удивленнымъ и какъ бы досаднымъ тономъ Женечка.

— Я боялась, чтобъ онъ не сдѣлалъ какой-нибудь глупости, онъ былъ въ отчаяніи и хотѣлъ ѣхать къ Сюзонъ.

— Но я не рѣшилась, чтобъ онъ отвезъ меня въ каретѣ... проговорила почти съ раскаяніемъ Женечка.

— Разумѣется, для васъ было бы неловко, вы молоденькая дѣвушка, замѣтила какъ бы мимоходомъ Раиса Николаевна.

Женечка промолчала, и на лицѣ ея выразилась безпокойная досада; она даже прикусила губу кончиками зубовъ.

— Это было уже такъ поздно! сказала она наконецъ. — И онъ заходилъ къ вамъ?

— Я боялась оставить его одного.

— И онъ долго у васъ пробылъ?

— Пока мнѣ не удалось его успокоить. Ma chère, какая вы любопытная! сказала Раиса Николаевна съ легкимъ оттѣнкомъ иронiи, обернувъ къ Женечкѣ смѣющееся лицо. — Мы съ Алешей старые друзья, я его еще пажомъ знала.

Женечка опять замолчала, и лицо ея сохраняло прежнее смущенное, сердитое выраженiе. Раиса Николаевна взглянула на нее, улыбнулась и погнала лошадей.

Раисой Николаевной Ливцовой очень много занимались въ Петербургѣ. Она уже два года какъ разошлась съ мужемъ, бывшимъ капитаномъ какого-то пѣхотнаго гвардейскаго полка, съ которымъ въ одинъ годъ прожила свое небольшое приданое и столь же небольшой запасъ супружеской любви и счастья. Капитанъ снялъ военный мундиръ и уѣхалъ въ провинцiю въ качествѣ начальника станцiи на какой-то желѣзной дорогѣ; Раиса Николаевна осталась въ Петербургѣ, веселая, довольная, хорошенькая, и повидимому нисколько не пострадавшая отъ запутанныхъ дѣлъ. Она сохранила свою кокетливо убранную квартиру, но перемѣнила знакомыхъ. У себя она принимала почти однихъ мужчинъ, а сама бывала только въ театрахъ, клубахъ и на пикникахъ. Скуку семейныхъ домовъ она, по собственнымъ ея словамъ, никогда не могла переносить. Молва приписывала ей очень солиднаго поклонника, въ лицѣ плотнаго господина съ желѣзно-дорожною складкой, котораго мы видѣли съ нею въ шарабанѣ; говорили даже, что и мѣсто начальника станцiи она выхлопотала для мужа чрезъ этого господина. Но если ихъ иногда часто видали вмѣстѣ, то за то его по цѣлымъ мѣсяцамъ не бывало въ Петербургѣ, и вообще этотъ романъ надо было отнести къ самымъ спокойнымъ.

Раиса Николаевна не любила дамскаго общества, но обходиться совсѣмъ безъ него нельзя. Сидѣть съ одними мужчинами въ ложѣ, въ коляскѣ, входить съ ними въ концертную залу или даже въ садъ — неловко. Двѣ женщины, когда онѣ вмѣстѣ, могутъ держать себя гораздо свободнѣе и нисколько не мѣшать другъ другу. Но еще

удобнѣе въ такихъ случаяхъ имѣть подлѣ себя молоденькую, хорошенькую и мало кому извѣстную дѣвушку. Общество дѣвушки даетъ болѣе тону, чѣмъ общество свободной женщины; Раиса Николаевна очень хорошо это понимала, и потому такъ ласкала Женечку. Дѣйствительно, трудно было бы найти что-нибудь удобнѣе. Женечка принадлежала къ такъ-называемому «хорошему» семейству. Отецъ ея былъ чиновникъ средней руки, съ четырьмя тысячами годоваго оклада и съ большими претензіями на свѣтскую жизнь; мать, урожденная баронесса и нѣкогда недурная собой, раздѣляла какъ окладъ, такъ и претензіи мужа, находя однако какъ то, такъ и другое весьма ограниченнымъ. Лѣтъ двадцать назадъ, когда они только-что соединились бракомъ, когда оба были молоды, когда маленькое баронское приданое могло размѣниваться на модныя кушетки, корниловскіе сервизы и мельхіоровые самовары и кофейники отъ Кача, когда квартиры и говядина были дешевы въ Петербургѣ, семья Подкорниковыхъ жила очень мило. У нихъ легко составился пріятный кружокъ знакомыхъ, устроились маленькіе, но не лишенные изящества «чаи» съ холодною закуской по вторникамъ, и вообще они были довольно замѣтны среди свѣтской петербургской буржуазіи. M-me Подкорникова считалась въ числѣ интересныхъ женщинъ, за которыми можно ухаживать, не теряя своего достоинства. Но это было давно. Съ тѣхъ поръ петербургская жизнь сдѣлалась гораздо дороже, а казенные оклады повышались весьма туго. Подкорниковъ не сдѣлалъ карьеры и застрялъ на четырехъ тысячахъ; урожденная баронесса размѣняла уже послѣдній банковый билетъ, постарѣла и подурнѣла. Теперь ей было сорокъ лѣтъ, и только самые маленькіе чиновники и очень неопытные пѣхотные офицеры поражались изяществомъ ея манеръ и чистотой французскаго произношенія, а одинъ знакомый ей капитанъ даже прямо говорилъ, что она похожа на аристократическую sage-femme. Супруги сохранили прежнія претензіи, но жизнь ихъ потускнѣла. Дороговизна согнала краски, обличила бѣлые швы и заплатки на

полиняломъ декорумѣ, явилась столь знакомая петербургскому среднему кругу кислота существованія, раздражающая, озлобляющая, создающая вокругъ человѣка атмосферу хандры, вѣчнаго брюзжанія и катарральнаго недомоганья. Свѣтская жизнь Подкорниковыхъ сосредоточилась почти исключительно въ «Благородномъ собраніи», гдѣ оба они играли въ карты и гдѣ изрѣдка Женечка танцовала, но всѣ трое питали къ этому скромному пріюту глубокое презрѣніе. Женечка, съ дѣтства вдыхавшая въ себя, вмѣстѣ съ петербургскимъ воздухомъ, неотразимое стремленіе къ кавалерійскому мундиру, предпочитала оставаться дома, чѣмъ выступить въ котильонѣ съ военнымъ докторомъ или съ пѣхотнымъ поручикомъ; отъ штатскаго она была бы способна убѣжать изъ залы. Къ счастью, какъ разъ въ то время всѣ петербургскія барышни начали брать уроки пѣнія. У Женечки оказался порядочный голосъ, и она рѣшила готовиться къ сценѣ.

Подкорниковы не сопротивлялись. Дома было такъ кисло, жизнь складывалась такъ раздражительно-скучно, Женечка такъ очевидно тяготилась ею, что они махнули рукой. «Запереть дѣвчонку — хуже еще пожалуй будетъ», явилось у обоихъ одно и то же соображеніе, и такъ какъ они не могли доставить дочери того, чего та искала, то рѣшились предоставить ей искать самой. Женечка пріобрѣла свободу, какой обыкновенно не имѣютъ барышни ея круга, нашла собственныхъ знакомыхъ, и веселилась какъ могла.

Раиса Николаевна при этихъ условіяхъ сдѣлалась совершенно ей необходима. Она вѣчно кружилась, переносясь съ утренняго концерта или съ благотворительнаго базара на обѣдъ у Донона, и оттуда въ театръ, въ циркъ, въ клубъ, съ тѣмъ чтобы закончить день пикникомъ-monstre или веселымъ ужиномъ въ неостывшей отъ обѣда ресторанной залѣ; вокругъ нея точно сама собой играла музыка, раздавалось бряцанье шпоръ и сабель, звонъ бубенчиковъ, шумъ цыганскаго хора и хлопающихъ въ потолокъ пробокъ. Вотъ почему Женечка промолчала на

насмѣшливое замѣчаніе Раисы Николаевны, хотя на душѣ у нея было досадно и ей хотѣлось бы наговорить ей много, съ ревнивою горечью и обиженною дѣтскою запальчивостью.

Шарабанъ остановился, качавшійся сзади грумъ принялъ возжи, а Хлестовъ, опередившій дамъ, подхватилъ Раису Николаевну подъ руку и провелъ ее съ Женечкой въ ложу.

— Когда же вашъ дебютъ? спросилъ онъ, подсаживаясь такъ близко за стуломъ Женечки, что чувствовалъ запахъ ея волосъ и прикосновеніе густо собранныхъ у ворота кружевъ.

— Да не знаю! Все обѣщаютъ, обѣщаютъ, а между тѣмъ никакъ не хотятъ дня назначить, отвѣтила Женечка, оглядывая залу и сцену сквозь легкій туманъ, всегда застилавшій ей глаза при первомъ входѣ въ театръ, — туманъ, въ которомъ такъ много участвуетъ ненасытная молодость, съ ея уносящимися мечтами и преувеличенно отзывающимися нервами.

— Но это свинство! воскликнулъ Хлестовъ, который по своей крайней молодости не всегда достаточно отличалъ разговоръ съ дамами отъ разговора съ товарищами. — Какъ они смѣютъ водить васъ за носъ? Хотите, я наконецъ самъ переговорю съ содержателемъ, и все это устрою?

Онъ, безъ сомнѣнія тоже по молодости, былъ до такой степени влюбленъ въ свой мундиръ, что считалъ достаточнымъ появиться предъ кѣмъ бы то ни было во всей формѣ, чтобы достигнуть безпрекословнаго соглашенія. Эффектъ, производимый на лихачей и на ресторанную прислугу, онъ нѣсколько легкомысленно распространялъ на все не служащее съ нимъ въ полку человѣчество.

— Что жь, попробуйте, согласилась Женечка, вполнѣ раздѣлявшая вѣру во всемогущество кавалерійскаго мундира.

— Я вѣдь много разговаривать не стану, а поднесу ему два-три словечка... по-военному! продолжалъ Хле-

стовъ, брякнувъ шпорами и вздернувъ своимъ коротенькимъ носомъ съ выраженіемъ безграничнаго упоенія, доставляемаго дѣтскою глупостью, наряженною въ привилегированный мундиръ.

— Не путайтесь лучше, вы только все испортите, благоразумно остановила его Раиса Николаевна.

Глава XXIX.

Хлестовъ не послушался добраго совѣта. Онъ съ утра находился въ состояніи нѣкотораго особеннаго задора, овладѣвающаго молодыми людьми, когда они долго находятся вмѣстѣ. А сегодня ему весь день пришлось провести съ товарищами, и притомъ испытать нѣсколько впечатлѣній, подѣйствовавшихъ на него возбудительно. За завтракомъ у Бореля одинъ изъ веселыхъ въ полку поручиковъ объявилъ, что ему «туго», что каналья Венделевичъ не хочетъ переписать вексель, и что можетъ быть чрезъ нѣсколько дней ему придется снять мундиръ. Пріятели очень волновались, говорили чрезвычайно теплыя слова, а Хлестовъ, возбужденный виномъ и еще новымъ для него упоеніемъ товарищества, вынулъ изъ портфельчика деньги и предложилъ поручику, послѣ чего опять были сказаны чрезвычайно хорошія слова, произошли объятія, завтракъ затянулся, и общій счетъ у Бореля очень поднялся. Хлестовъ былъ въ такомъ настроеніи, что готовъ былъ весь этотъ счетъ, со всѣми предыдущими, переписать на свое имя, но ему не позволили; тѣмъ не менѣе онъ былъ ужасно счастливъ, и внутренно очень гордился собою. Изъ ресторана онъ заѣхаль домой, и сверхъ ожиданія, нашелъ тамъ деньги; это его еще болѣе возбудило и усилило въ немъ жажду какихънибудь героическихъ ощущеній. Онъ поѣхалъ обѣдать въ «Каскадъ», тоже съ товарищами, и тамъ, къ величайшему его наслажденію, случилось легонькое происшествіе: онъ встрѣтилъ знакомую всему полку Лизонъ, пріѣхавшую на этотъ разъ въ нѣкоторой биржевой компаніи, и рѣшилъ немедленно отбить ее. Лизонъ визжала и увѣряла, что никакъ не можетъ перейти въ другой кабинетъ; однако ее перетащили. Но одинъ изъ пріѣхавшихъ съ нею, безъ церемоніи отворилъ дверь и позвалъ ее; Хлестовъ вскочилъ и крикнулъ: «прошу васъ убраться вонъ!» — и въ отвѣтъ на возраженіе пустилъ въ стѣну бутылкой. Товарищи

бросились успокоивать его, но Хлестовъ, съ разгорѣвшимися глазами и щеками, долго еще шумѣлъ и увѣрялъ, что его можно заставить сдѣлать все, что угодно, но только не опозорить мундира. Это были минуты неизъяснимаго наслажденія: его называли горячкой, отобрали у него саблю, говорили, что свяжутъ ему руки. Онъ чуть не плакалъ отъ блаженства, потомъ скомкалъ въ рукѣ нѣсколько ассигнацій, и просилъ, чтобъ ему позволили бросить ихъ въ физіономію «штатскаго», въ видѣ выкупа за Лизонъ; ему не позволили. Онъ наконецъ сунулъ ассигнаціи въ карманъ, но при этомъ клялся, что никогда въ жизни ему такъ не хотѣлось дать въ физіономію. Затѣмъ, весь обѣдъ прошелъ въ любопытнѣйшихъ разсказахъ о томъ, кто кого и при какомъ случаѣ побилъ; даже отвоеванная съ такимъ успѣхомъ Лизонъ оставалась какъ бы всѣми позабытая. Хлестовъ совсѣмъ захлебывался, горѣлъ и млѣлъ; ему казалось, что никогда еще онъ не жилъ такою полнотой жизни, молодости, счастья, удали и товарищества. Поэтому, благоразумный совѣтъ Раисы Николаевны пропалъ даромъ: Хлестовъ былъ слишкомъ расположенъ «переговорить» съ кѣмъ бы то ни было, и о чемъ бы то ни было. Какъ только занавѣсъ упалъ, онъ прошелъ на сцену, гремя шпорами и стукая саблей о стѣны и декораціи.

— Па-а-слушайте, мнѣ вамъ пару словъ сказать надо, обратился онъ къ господину солидной наружности, хлопотавшему около рабочихъ.

Тотъ вѣжливо склонилъ голову.

— Чѣмъ могу служить? спросилъ онъ.

— А вотъ чѣмъ. У васъ одна очень талантливая артистка ищетъ дебюта, и никакъ не можетъ добиться. Вы ее все завтраками кормите. Такъ вотъ я хотѣлъ узнать, когда же наконецъ вы назначите? Вы понимаете, что ей не очень весело ждать, пока тамъ у васъ покончатся разныя ваши интриги... Она не какая-нибудь, а дѣвушка изъ очень хорошаго семейства, и голосъ у нея такой, что всѣ ваши примадонны въ подметки ей не годятся.

— Это кто же такая? полюбопытствовалъ солидный господинъ.

— Подкорникова! объяснилъ чрезвычайно громко Хлестовъ.

Антрепренеръ усмѣхнулся съ самымъ равнодушнымъ видомъ.

— Знаю, какъ же. Что жь, мы и такъ обѣщали ей когда-нибудь дебютецъ дать, отвѣтилъ онъ.

— То-то, что обѣщали, а между тѣмъ не даете! И позвольте спросить, что значитъ это «когда-нибудь»? Какой чортъ пойдетъ на ваше «когда-нибудь»? Вы должны день назначить, а не «когда-нибудь»! горячился Хлестовъ.

— Помилуйте, вѣдь у насъ тоже разсчетъ... пообождать надо. Мы еще своихъ артистовъ не всѣхъ представили публикѣ. Вотъ, когда пообойдется, или какая-нибудь манкировка случится... отвѣтилъ завѣдующій театромъ.

— Да вы что, воображаете, что Подкорникова къ вамъ изъ милости просится? вѣдь это громадный талантъ, и собой хороша какъ Венера! Она всю публику съ ума сведетъ, и сдѣлаетъ вамъ такіе сборы, какихъ вы не видали еще! продолжалъ, все болѣе возвышая тонъ, Хлестовъ.

Директоръ бросилъ по сценѣ взглядъ, какъ бы ища, чѣмъ бы отдѣлаться отъ юноши.

— Голосъ у нея маленькій и опытности никакой, ступить въ костюмѣ не умѣетъ, сказалъ онъ уже серьезно.

— Что-о? голосъ маленькій? у Подкорниковой? вы думаете, у вашихъ разбитыхъ балалаекъ голосъ лучше? Да ваша Пѣвцова или Славская чижики передъ ней! Подкорникова такой фуроръ произведетъ, посмотрите! ее всѣ наши поддержутъ. Вы забываете, что весь вашъ театръ нашими держатся. Кто у васъ первый рядъ разбираетъ? кто въ литерныхъ? горячился все больше Хлестовъ.

— Намъ очень пріятно заслужить вниманіе; вотъ обойдется немножко, публика пересмотритъ всѣхъ, мы новенькихъ станемъ показывать, успокоивалъ его антрепренеръ.

— А я вамъ повторяю, вы должны теперь же назначить, на этихъ дняхъ! пристукнулъ саблей Хлестовъ. — Вы воображаете, что если вашъ театръ тутъ одинъ, такъ вы можете что угодно дѣлать съ артистами!

Антрепренеръ, судя по раскраснѣвшемуся лицу юноши, не сомнѣвался, что онъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ недавней трапезы, и потому старался только поскорѣе отъ него отдѣлаться.

— Помилуйте, вѣдь намъ артисты нужны, зачѣмъ бы мы стали ихъ отъ сцены отбивать, произнесъ онъ успокаивающимъ тономъ. — А сейчасъ занавѣсъ подымаютъ, надо уходить поскорѣй. Подкорниковой мы дадимъ дебютъ, будьте увѣрены, дайте только обойтись немножко.

— Но она не хочетъ ждать, вы поймите это! Вотъ же Липочкѣ Ипатовой вы уже роль дали, а Подкорникова гораздо лучше ея, не отставалъ Хлестовъ.

— Ипатова артистка настоящая, какъ же можно такъ судить, спокойнымъ тономъ возразилъ антрепренеръ. — Ипатова можетъ сейчасъ на первыя роли поступить.

— А Подкорникова, по вашему не можетъ?

— А вотъ выступитъ на сценѣ, тогда видно будетъ. Тутъ дѣло открытое, публика сама судья.

— Ну, смотрите же, я вѣдь не отстану! пригрозилъ Хлестовъ, съ громомъ проходя между боковыми кулисами.

— Ну, что? встрѣтила его Женечка на порогѣ ложи.

— Разумѣется, вамъ не посмѣютъ отказать въ дебютѣ, отвѣтилъ онъ, и прежде чѣмъ дѣвушка могла опомниться, съ безпримѣрною дерзостью поцѣловалъ ей шейку. Раиса Николаевна только оглянулась на нихъ и повела плечами. Хлестовъ опустился сзади ея на стулъ, и наклонившись, проговорилъ шепотомъ:

— Я съ ума схожу, я безъ нея жить не могу! Милая, дорогая, хорошая, я вамъ всѣ пальчики перецѣлую, увезите ее ужинать!

— Пожалуй, какъ бы неохотно согласилась Раиса Николаевна, и обратясь къ Женечкѣ, спросила:

— Поѣдемте съ нами ужинать, я васъ потомъ завезу домой?

— Но только я скажу, что я у васъ была, предупредила дѣвушка.

— Какъ хотите, отозвалась Раиса Николаевна.

Изъ театра дѣйствительно отправились въ ресторанъ, захвативъ съ собою солиднаго друга Раисы Николаевны, котораго Хлестовъ посадилъ къ себѣ на колѣни въ эгоисткѣ и всю дорогу придерживалъ, такъ какъ плотная фигура Петрицкаго съ трудомъ держалась на балансѣ.

Изъ комнаты большой балконъ выходилъ въ садъ. Черезъ минуту Женечка и Хлестовъ уже очутились тамъ. Бѣлая весенняя ночь казалась темною рядомъ съ огнями, отражавшимися въ холодной глубинѣ Невы. Изъ комнаты на, балконъ не было видно. Руки Хлестова крѣпко обвились вокругъ тонкой таліи Женечки.

— Оставьте же, говорила она, пытаясь освободиться.

Онъ зажалъ ей ротъ поцѣлуями.

— Алексѣй Николаевичъ, да что же это наконецъ! вѣдь могутъ зайти сюда! съ трудомъ проговорила Женечка.

— Хотите, я спрыгну въ садъ и перетащу васъ на рукахъ? предложилъ Хлестовъ.

— Вы съ ума сошли! воскликнула Женечка.

— Сошелъ, конечно сошелъ. Я не могу видѣть вашихъ проклятыхъ глазъ, я способенъ чортъ знаетъ что надѣлать. Я васъ такъ люблю, что готовъ убить себя и васъ! проговорилъ, стиснувъ зубы, Хлестовъ.

— Алекси, идите водку пить, крикнула Раиса Николаевна.

— Послушайте, продолжалъ Хлестовъ, глядя прямо въ глаза Женечкѣ своими, какъ она выражалась, воровскими глазами, и до боли сжимая ей руки. — Послушайте, выйдите изъ дому завтра утромъ, часовъ въ

двѣнадцать, я буду васъ поджидать около подъѣзда... проговорилъ онъ шопотомъ, наклоняясь къ самому ея лицу.

— Ну, хорошо... Зачѣмъ? прошептала Женечка.

Хлестовъ, вмѣсто отвѣта, снова зажалъ ей ротъ поцѣлуями.

— Алекси, да идите же наконецъ! Женечка! позвала опять Раиса Николаевна.

— Идемъ, идемъ, отвѣтилъ Хлестовъ, и ввелъ подъ руку пылавшую и почти до слезъ смущенную дѣвушку.

Глава XXX.

Извѣстной вдовы Пикаръ, на Милліонной, комнаты были всегда заняты. Она имѣла полное право сказать, что ея заведеніе процвѣтаетъ. Хотя она брала не дешево, но у нея была хорошая мебель и много порядка. Населеніе комнатъ состояло исключительно изъ женщинъ, и притомъ не совсѣмъ безъ разбора. M-me Пикаръ обладала замѣчательною способностью съ одного взгляда угадывать положеніе и обычаи всякой новой жилицы. Многимъ она отказывала сразу, не смотря на самый приличный видъ и безукоризненный туалетъ, и никогда не ошибалась. Она требовала тишины. Она выражалась, что ей нѣтъ дѣла до нравственности, но что необходимо поведеніе. Подъ поведеніемъ она разумѣла только одно условіе: чтобы все, что дѣлается въ комнатѣ, не выходило за предѣлы комнаты и не обнаруживалось для сосѣдей. Дамы могли принимать своихъ знакомыхъ, но эти знакомые не должны были громко разговаривать въ корридорахъ, хлопать дверьми, или вообще обращать на себя вниманіе. Обитательницы меблированныхъ комнатъ не обязывались возвращаться къ такому-то часу; но опоздавшимъ воспрещалось слишкомъ громко звонить и подымать шумъ. Прислуга у madame Пикаръ ходила въ безукоризненно-чистыхъ платьяхъ и передникахъ, набиралась изъ хорошенькихъ дѣвушекъ, и состояла подъ строгимъ надзоромъ; не довольствуясь требованіями квартирантокъ, хозяйка сама наблюдала, чтобы комнаты и корридоры были чисто убраны, и даже приказывала отворять форточки. Вообще, вдова Пикаръ, предоставляя своей публикѣ удобства и порядокъ, требовала взамѣнъ того уваженія къ своему авторитету, и не допускала противорѣчій. На нее, силою вещей, привыкли смотрѣть какъ на нѣкоторую власть, и считали обоюдно полезнымъ не колебать, а напротивъ, поддерживать ее.

Липочка, пріѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ зимы, попала къ me-me Пикаръ совершенно случайно, и сперва была очень непріятно удивлена ея притязаніями. Ей показалось страннымъ, что съ нею говорятъ такимъ языкомъ, какъ будто она поступила въ пансіонъ. Но madame Пикаръ, при всей своей неуступчивости, сохраняла такую безукоризненную деликатность, и такъ разумно разсуждала, что Липочка вскорѣ совершенно примирилась съ нею. Притомъ, самая наружность хозяйки, всегда зашнурованной, расчесанной, со строгою и спокойною улыбкой на свѣжемъ лицѣ, производила очень благопріятное впечатлѣніе.

У Липочки были двѣ комнаты: одна большая съ мягкою мебелью, ковромъ, каминомъ, другая поменьше. Ей было удобно и покойно: за стѣной никогда не слышалось шума, въ корридорѣ она такъ рѣдко съ кѣмъ-нибудь встрѣчалась, что жила какъ бы совсѣмъ отдѣльно. Разъ только какой-то неизвѣстный господинъ по ошибкѣ постучался къ ней въ дверь, и вслѣдъ затѣмъ молоденькая дама, недавно пріѣхавшая изъ провинціи и занимавшая комнату рядомъ съ Липочкой, вбѣжала къ ней почти перепуганная, разсыпаясь въ извиненіяхъ за ошибку, и умоляя не говорить объ этомъ хозяйкѣ. Липочка успокоила ее, смѣясь про себя надъ ея страхомъ, но въ сущности очень довольная, что madame Пикаръ пріобрѣла такой грозный авторитетъ надъ жильцами.

Спустя недѣлю послѣ разсказаннаго въ предыдущей главѣ, Липочка сидѣла передъ піанино и повторяла въ полголоса свою партію изъ оперетты, въ которой должна была выступить на другой день. Было три часа; она нарочно выбирала такое время для упражненій, такъ какъ рѣдко кто изъ обитательницъ меблированныхъ комнатъ вдовы Пикаръ оставался тогда дома. Баронъ Андрей сидѣлъ въ углу и читалъ газету. Уже съ четверть часа они ни слова не сказали другъ другу, занятые каждый своимъ дѣломъ, но молчаливое присутствіе барона мѣшало Липочкѣ, стѣсняя ее вопреки привычкѣ и давно установившимся между ними дружественнымъ отношеніямъ.

Чувствуя его тамъ въ углу, за своею спиной, она никакъ не могла углубиться въ партитуру и дать своему голосу полную свободу. Она знала, что баронъ не сочувствуетъ ея поступленію на сцену, хотя никогда не выражался объ этомъ опредѣленно, и это сознаніе раздражало ее, даже дурно дѣйствовало на ея энергію.

Она наконецъ остановилась на половинѣ аріи, захлопнула крышку піанино и встала. Андрей опустилъ газету и поднялъ глаза.

— Развѣ вы уже кончили? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мнѣ не хочется продолжать, отвѣтила Липочка, и подойдя къ нему, съ нетерпѣливымъ выраженіемъ повела плечами.

— Я васъ давно хотѣла спросить, Андрей Евгеніевичь: мнѣ кажется, будто вамъ очень не нравится, что завтра мой дебютъ? сказала она быстро и почти недовольнымъ, вызывающимъ тономъ.

— Почему вы спрашиваете? Я никогда вамъ не говорилъ объ этомъ, произнесъ Андрей.

— Потому-то мнѣ, и хочется, чтобы вы наконецъ сказали. Я вижу, что вы точно дуетесь на меня.

— Если хотите знать, то мнѣ дѣйствительно не нравится, отвѣтилъ послѣ короткой паузы Андрей.

— Но почему? Что вы можете возразить? также быстро спросила Липочка.

— Какое я имѣю право возражать? Вѣдь вы рѣшили! отозвался Андрей.

— Нѣтъ, объяснитесь, не будьте букой, настаивала Липочка.

— Ну, я вамъ скажу: мнѣ не нравится, во-первыхъ, оттого, что это ниже васъ; вы, по моему, не созданы для этого. Если бы вы поступили въ лирическую оперу, на казенную сцену, тогда другое дѣло, объяснилъ Андрей.

— Для серьезной оперы мнѣ надо было бы по крайней мѣрѣ еще три года учиться, работать, а вы знаете, что я не могу, мнѣ содержать себя надо, возразила Липочка.

Баронъ на это промолчалъ, только лицо его еще болѣе хмурилось.

— Но вы сказали: во-первыхъ; а во-вторыхъ? спросила Липочка.

— Во-вторыхъ... но вы запретили мнѣ говорить объ этомъ, уклонился Андрей.

— Нѣтъ, говорите, требовала Липочка, чуть-чуть сдвинувъ брови.

Андрей съ видомъ затрудненія повелъ мимо нея глазами.

— Я вообще противъ такой карьеры... и думаю, что вы сами скоро будете тяготиться ею... сказалъ онъ.

— Но вѣдь надо же что-нибудь дѣлать, чѣмъ-нибудь содержать себя, возразила Липочка; — сцена дастъ мнѣ гораздо больше, чѣмъ всякое другое занятіе.

Андрей потупился, на лбу его выступила толстая жила. Онъ потянулъ къ себѣ газету.

— Зачѣмъ мы объ этомъ говоримъ, когда съ этимъ связано такъ много другихъ вопросовъ, о которыхъ не надо говорить? произнесъ онъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ. — Вы поступаете на сцену потому, что хотите независимости, значитъ... значитъ не хотите ничего другаго!

— Я хочу найти средства къ жизни, сказала Липочка.

— Ну, и что жь! и найдете... въ этомъ можно не сомнѣваться. Вамъ нравится думать, что это необходимо, что это лучше чѣмъ... чѣмъ та обыкновенная дорога, которою всѣ идутъ. Вы вѣдь... не хотите замужъ выйти.

Слова эти прозвучали странно, точно со слезами. Андрей отвернулся, и что-то отыскивалъ въ газетѣ.

— Замужъ! съ натянутымъ смѣхомъ повторила Липочка. — Выйти какъ всѣ, только для того, чтобъ избавиться отъ необходимости самой заработывать свой хлѣбъ... вы не станете меня упрекать за то, что я не хочу такъ сдѣлать.

Баронъ вдругъ швырнулъ газету.

— Вамъ опять хочется говорить жалкія слова, Олимпіада Васильевна! сказалъ онъ злымъ тономъ. — Я васъ просилъ не разспрашивать меня, потому что, вотъ видите, пришлось заговорить о томъ, о чемъ мнѣ слишкомъ тяжело говорить, и вамъ также... о чемъ вовсе не надо говорить. Вамъ лучше знать, какъ распорядиться собою. Вѣдь быть женой человѣка, котораго вы не любите — это хуже, разумѣется хуже... вы правы, тысячу разъ правы, только зачѣмъ же говорить объ этомъ! Завтра вашъ дебютъ, я приду... буду хлопать... и будьте увѣрены, что никто не будетъ такъ искренно обрадованъ вашимъ успѣхомъ.

Онъ взялъ шляпу и быстро вышелъ, забывъ даже проститься. Липочка съ безпомощнымъ выраженіемъ сжала руки.

«Зачѣмъ я не могу полюбить его!» простонала она мысленно.

Она опустилась на стулъ, смущенная, искренно опечаленная и разстроенная. Она любила Андрея со всею теплотой преждевременно настрадавшагося сердца, сердца, которому были знакомы муки обманутаго чувства, горькіе капризы возмущенной и увядающей страсти. Съ этою печальною опытностью она не могла заблуждаться, она знала, что ея дружеская привязанность слишкомъ далека отъ того чувства, которое съ болью переживалъ Андрей. А онъ былъ такъ достоинъ того, чего тщетно искалъ въ ея преждевременно усталомъ, незалеченномъ сердцѣ. Уже два года она слѣдила за нимъ, замѣчая съ безкорыстною радостью, какъ ея дружеское вниманіе дѣлало то, чего не могла сдѣлать великолѣпная Дина Ловацкая, бравшаяся за нравственное возрожденіе Андрея съ серьезностью благотворительнаго подвига и съ тайною брезгливостью прозрачнаго и холоднаго какъ хрусталь сердца. Андрей пересталъ пить и окончательно разошелся съ Таней. Липочка была безконечно рада, но вмѣстѣ съ тѣмъ тайное чувство говорило ей, что дѣло сдѣлано только вполовину, что если Андрей покончилъ съ прошедшимъ, то за то у него нѣтъ настоящаго. Онъ сновался безо

всякой цѣли по Петербургу, томительно болѣя своею новою страстью и не чувствуя силы за что-нибудь взяться, что-нибудь начать. Онъ походилъ на человѣка, котораго вылечили, и выбросили изъ больницы на улицу. Липочка это сознавала и страдала. Съ какимъ восторгомъ отдала бы она его простому сердцу все, что еще оставалось въ ея собственномъ сердцѣ... Но чувство своевольно, оно мучительно торжествуетъ или безжалостно упорствуетъ. Андрей былъ не красивъ. Минутами, когда Липочка, не глядя на него, слышала его голосъ, когда предъ нею раскрывалась незримая внутренняя красота его души, ей казалось, что до сихъ поръ упрямо безмолвствующее чувство готово заговорить въ ней. Но впечатлѣніе исчезало, и глаза ея, встрѣтившись съ его безпокойнымъ взглядомъ, выражали муку. «Нѣтъ, нѣтъ, это выше моихъ силъ, это была бы жертва безсмысленная, безвозвратная»... повторяла она съ ощущеніемъ внезапнаго холода, пробѣжавшаго по нервамъ.

Дверь изъ корридора быстро отворилась.

— Дома? спросилъ молодой голосъ, и Женечка, въ пальто и въ шляпкѣ, вбѣжала въ комнату и бросилась прямо въ кресло.

— Вы завтра дебютируете? А мнѣ до сихъ поръ ничего не даютъ, и я начинаю думать, что меня просто не хотятъ принять... проговорила она стремительно.

— Bonjour, сказала, улыбаясь, Липочка.

— Ахъ, да, здравствуйте, я забыла, что мы не видались сегодня, спохватилась Женечка, и обѣ онѣ поцѣловались. — Но каково же это!

— Я сама удивляюсь, что они такъ долго заставляютъ васъ ждать, отозвалась Липочка.

— Душечка, это все интриги, я увѣрена! Пѣвцовой и Славской ужасно не хочется передавать свои роли, и у нихъ есть поклонники, разумѣется. Этотъ противный режиссеръ, вы знаете, вздумалъ за мной ухаживать, вообразилъ, что я стану возиться съ какимъ-то актеришкомъ, и теперь на зло мнѣ подставляетъ ногу. Но какъ же этотъ старый колпакъ позволяетъ съ собой дѣлать что угодно...

А за Славской, вы знаете, теперь ужасно ухаживаетъ одинъ журналистъ, Нестужевъ, и меня увѣряли, что если я появлюсь на сценѣ, то меня въ газетахъ такъ отдѣлаютъ, такъ отдѣлаютъ...

— Да, некрасивая, кажется, изнанка въ этой карьерѣ, сказала съ задумчивою улыбкой Липочка.

— Ахъ, нѣтъ, ужасно весело, все-таки весело! воскликнула Женечка. — Лишь бы поступить на сцену, а тамъ ужь все отлично пойдетъ.

Хорошенькое, оживленное лицо ея вдругъ поблѣднѣло при этихъ словахъ; она обхватила обѣими руками колѣни и наклонила голову.

— Что съ вами? спросила Липочка.

Женечка еще ниже опустила голову, и вдругъ порывисто сорвалась съ мѣста, обняла Липочку обѣими руками, и крѣпко прижалась лицомъ къ ея плечу.

— Женя, что такое? что съ вами сдѣлалось? повторила свой вопросъ Липочка.

Женя продолжала молча жаться къ ней, пряча лицо. Она вся вздрагивала, какъ-будто боролась съ рыданіями.

— Ну, полно же, неужели оттого, что вамъ долго не даютъ дебюта? Дадутъ, я увѣрена, что дадутъ... успокоивала ее Липочка.

— Нѣтъ, не оттого... прошептала Женя, и еще крѣпче сжала ей плечи напряженными, цѣпкими руками. — Я не оттого...

Липочка, испуганная этимъ внезапнымъ нервнымъ припадкомъ, не знала что дѣлать, и только ласково жала руками тонкую талію дѣвушки. Та вдругъ оттолкнула ее и подняла блѣдное и улыбающееся лицо, по которому еще бѣжали крупныя слезы.

— Я сумасшедшая, со мною Богъ знаетъ, что дѣлается, проговорила она истерическимъ голосомъ. — Да не смотрите же такъ на меня, что это такое!

И она, отворачиваясь, закрыла лицо рукой.

— Вы не шутя перепугали меня... Какъ можно такъ разстроить себѣ нервы, сказала Липочка.

— Ахъ, вы не знаете, ничего не знаете! воскликнула Женечка, подбѣжала къ зеркалу и опустила вуалетку. — До свиданья, я боюсь опоздать... я еще зайду...

— Посидите лучше со мной, вамъ успокоиться надо, удерживала ее Липочка.

— Нѣтъ, нѣтъ, не могу, меня ждутъ... быстро проговорила Женечка, и не простившись, выбѣжала изъ комнаты.

«Точно вихрь прилетѣла и вылетѣла», подумала Липочка со смутнымъ чувствомъ страха за свою легкомысленную подругу.

Глава XXXI.

На сценѣ загороднаго театра, за часъ до поднятія занавѣси, шелъ переполохъ: одна изъ артистокъ, имѣвшая второстепенную, но необходимую роль въ спектаклѣ, внезапно охрипла и не могла взять ни одной ноты. Режиссеръ былъ въ ярости и увѣрялъ, что ему дѣла нѣтъ, что артистка не должна хрипѣть.

— У васъ въ контрактѣ сказано, что въ случаѣ болѣзни вы должны предувѣдомить за три дня, убѣждалъ онъ несчастную жертву петербургскаго катарра.

— Какъ же я могла за три дня знать! добродушно оправдывалась пѣвица. — Я сама чуть не плачу отъ отчаянія, мой сегодняшній костюмъ чудо какъ идетъ ко мнѣ... И какъ на бѣду, еще полный театръ будетъ.

— Олимпіада Васильевна, что жь мы будемъ дѣлать! съ воплемъ обращался режиссеръ къ дебютанткѣ.

Липочка, у которой съ утра уже разстроились нервы, хмурила брови и въ нетерпѣніи теребила батистовый платокъ.

— Замѣните кѣмъ-нибудь, это ваше дѣло, отвѣчала она со злостью.

— Да невозможно, никто этой партіи не знаетъ, возражалъ режиссеръ; — ей Богу, хоть самъ становись да пой.

— Дайте мнѣ, я спою, вдругъ предложила Женечка.

Она пріѣхала вмѣстѣ съ Липочкой, и все время сидѣла въ ея уборной, разсматривая костюмы и волнуясь не меньше самой дебютантки. Режиссеръ схватилъ ее за руки.

— Голубушка, да неужели? вскричалъ онъ, мѣряя ее съ головы до ногъ опытнымъ глазомъ. — Подойдетъ, ей Богу же подойдетъ!

— Что такое подойдетъ? не поняла Липочка.

— Костюмъ! костюмъ подойдетъ. Вѣдь одного роста, и таліи у нихъ одинаковыя. Да вправду-ли знаете? Ну-те, изъ перваго выход ти-и-ри-та-та-та-та...

И онъ подалъ голосъ. Женечка, смѣясь, пропѣла безъ аккомпанимента нѣсколько нотъ.

— Идетъ, ей Богу же идетъ! Голубушка, вѣдь вы насъ выручили... въ ножки вамъ поклонюсь, жестокая барышня!

Липочка протянула ей обѣ руки.

— Что, въ самомъ дѣлѣ? вы ждали дебюта, вотъ вамъ неожиданный: хоть маленькій, да за то сейчасъ, сказала она, улыбаясь. — Будемъ ужь сегодня вмѣстѣ отличаться!

— Ну, мнѣ, все равно, лишь бы на сцену! тономъ отчаянной рѣшимости отвѣтила Женечка.

Театръ въ тотъ день былъ дѣйствительно полонъ. Послѣ долгаго промежутка, оперетка опять входила въ моду. Бенуаръ и первые ряды креселъ блистали. Это не было парадно-скучное блистанье итальянской оперы или домашняго спектакля въ большомъ свѣтѣ; но тѣмъ не менѣе:

Тутъ было все, что называютъ свѣтомъ.

Въ настоящее время поэтъ можетъ быть не прибавилъ бы что, «смыслъ глубокій есть въ названьи этомъ», такъ какъ самое названіе съ тѣхъ поръ много утратило въ опредѣленности... Но и настоящій большой свѣтъ тутъ несомнѣнно былъ, только онъ явился не съ тѣми дамами, для которыхъ абонируется бель-этажъ Большаго театра.

Въ одной изъ боковыхъ ложъ Полина, только-что пріѣхавшая со «стрѣлки», обвела биноклемъ переполненную залу и сказала какъ бы прятавшемуся за ея спиной Пахтаеву:

— Нигдѣ не встрѣтишь столько знакомыхъ, какъ здѣсь. Право: я нахожу, что лѣтомъ въ Петербургѣ веселѣе чѣмъ зимой! Я раньше осени не поѣду заграницу.

— Теперь эти загородныя мѣста очень понравились, отвѣтилъ важнымъ тономъ Пахтаевъ.

— Но знаете, почему здѣсь весело? Потому что ваши дамы сюда не ѣздятъ, продолжала Полина.

Коко, ерзавшій подлѣ нея на стулѣ, при этомъ неожиданномъ замѣчаніи произнесъ «пс!» и взглянулъ на Пахтаева.

— Представьте, если бы напримѣръ ваша жена тутъ была! пояснилъ онъ этотъ взглядъ.

Генералъ отдулъ щеки и пожевалъ губами. Въ немъ уже развилась величайшая ненависть къ Коко, но схватиться съ нимъ онъ боялся, такъ какъ Полина, чутьли не для того, чтобы подразнить его, не позволяла ему неуважительно обращаться съ мужемъ.

— Кажется, сегодня какой-то дебютъ предстоитъ? спросилъ, разворачивая афишу, генералъ.

— Липочка Ипатова, я ее встрѣчала нѣсколько лѣтъ назадъ, отвѣтила Полина. — Это бывшая страсть Евгенія Саввича, добавила она и покосилась на Безбѣднаго, сидѣвшаго въ сосѣдней ложѣ съ женой и съ Софьей Александровной Каричъ.

— Хорошенькая? полюбопытствовалъ генералъ.

— Увидите.

Софья Александровна, вслушавшаяся въ разговоръ, наклонилась къ Пахтаеву.

— Это моя давнишняя protégée, я ее, можно сказать, сама открыла и пристроила въ консерваторію, пояснила она. — Прелестная дѣвушка, хорошенькая, и голосъ великолѣпный. Къ сожалѣнію, она мало надъ нимъ работала, потому что у нея завязался еще раньше романъ съ Евгеніемъ Саввичемъ... я вамъ когда-нибудь разскажу... Но пожалуйста хлопайте побольше, надо ей сдѣлать пріемъ.

— Vraiment? отозвался генералъ, и подтянулъ перчатки, какъ бы приготовляясь исполнить порученіе.

— Евгеній, какъ ты можешь быть такъ спокоенъ! произнесла Аннетъ, оборачиваясь къ мужу.

Безбѣдный улыбнулся одними глазами.

— Я отъ души желаю ей успѣха, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я не могу этого понять, продолжала Аннетъ: — вѣдь все-таки это была твоя любовь, и что-нибудь должно же остаться въ человѣкѣ...

— Глупости! произнесъ Безбѣдный, и наклонившись чрезъ головы дамъ, съ любопытствомъ заглянулъ въ крайнюю loge grillé, откуда выставлялся рукавъ мундира съ аксельбантомъ и моложавый профиль господина лѣтъ пятидесяти. — Это князь Роро... можешь себѣ представить! сказалъ онъ женѣ. — Государственные умы и политическіе геніи тоже, какъ оказывается, не брезгаютъ опереткой...

— Развѣ имъ не нужны женщины, какъ и всѣмъ другимъ? отозвалась со свойственнымъ ей цинизмомъ Софья Александровна. — Мнѣ одинъ нашъ дипломатъ говорилъ вчера съ отчаяніемъ, что теперь въ Петербургѣ на женщинъ уходитъ больше времени, чѣмъ въ Парижѣ.

— Да, это всѣ замѣчаютъ, что петербургская жизнь какъ-то перемѣнилась: demi-monde очень увеличился, и главное — много русскихъ, замѣтилъ Безбѣдный. — Прежде почти исключительно француженки были, или вообще иностранки, а теперь самыя прелестныя женщины — русскія. Говорятъ, онѣ и заграницей нынче очень въ модѣ.

— Но и кромѣ того, какъ-то всѣ веселѣе стали, рѣзвѣе, добавила Аннетъ.

— Политическая атмосфера совсѣмъ другая, это и на общественной жизни отражается, пояснилъ Безбѣдный...

— Да, сколько теперь на политической сценѣ оффен-баховскихъ фигуръ! сказала Софья Александровна.

— Ну, однако, кто же? нѣсколько формализовался такимъ замѣчаніемъ Безбѣдный.

— Ахъ, есть! постоянно у васъ точно что-то изъ оперетки разыгрывается, подтвердила Аннетъ.

— Не знаю, отчего тебѣ такъ кажется, оспаривалъ Безбѣдный; — при либеральномъ режимѣ обыкновенно всѣмъ легче дышать, общество оживаетъ, оттого и веселѣе. По моему, въ этомъ даже есть своего рода смыслъ,

когда министры посѣщаютъ увеселительныя мѣста, смѣшиваются съ толпой, какъ бы живутъ съ ней одною жизнью... Тутъ идея гуманности. Я бы даже отъ губернаторовъ требовалъ, чтобъ они иногда потолкались на ярмаркѣ, зашли бы на какую-нибудь свадьбу...

— Ахъ, это ты ужь прямо изъ оперетки! засмѣялась Аннетъ.

Пестрый хоръ, топтавшійся во время этого разговора на сценѣ, прошелъ полонезомъ за боковыя кулисы, и вдругъ на нѣсколько секундъ въ залѣ водворилась та особая выжидательная тишина, которая дѣйствуетъ на публику сильнѣе самыхъ шумныхъ овацій. Дебютантка приблизилась къ рампѣ, легкія одобрительныя рукоплесканія пронеслись изъ первыхъ рядовъ креселъ.

— Да она прехорошенькая, сказалъ сосѣдъ сосѣду.

— Очень, очень не дурна.

— Прелесть что такое!

— Ахъ, какая хорошенькая!

Липочка спокойно и весело спѣла свою выходную арію. Видъ переполненной залы не только не смущалъ ее, но какъ-будто даже ободрялъ. «Въ сущности, это вѣдь такъ ничтожно»... сверкало въ ея умѣ, въ то время какъ красивый, полный голосъ ея все свободнѣе звучалъ, овладѣвая просторомъ. Ощущеніе легкой и спокойной удачи ободряющею дрожью пробѣжало по ея нервамъ. Въ залѣ шумно прорвались рукоплесканія. Безбѣдный приподнялся въ ложѣ, и наклонясь надъ плечами жены, пожиралъ оттуда Липочку глазами. Онъ кажется не вѣрилъ, что это та самая Липочка, которая когда-то такъ конфузилась въ присутствіи великаго Флютенталя; на лицѣ его отражалось странное, жадное волненіе, какъ-будто утраченное вдругъ получило въ его глазахъ внезапное, несравненно большее значеніе... Софья Александровна и Аннетъ усердно хлопали. Рядомъ съ ними Пахтаевъ, повинуясь приказанію, мѣрно ударялъ ладонями, туго обтянутыми замшей.

— Mais elle est charmante, votre protégée, наклонялся онъ съ значительнымъ видомъ къ m-me Каричъ.

Коко, изучавшій дебютантку въ бинокль, презрительно потянулъ губами.

— Pc, elle n'a pas du chien, celle-là, выразился онъ.

— Очень, очень удачно: я такъ рада! говорила Софья Александровна.

Въ большомъ дуэтѣ, слѣдовавшемъ за аріей, Липочка была, кажется, еще лучше. Здѣсь она играла. Это была очень изящная, простая, даже какъ бы небрежная игра, полная вкуса и художественной воздержности. Публика была совершенно закуплена въ ея пользу; апплодисменты усиливались послѣ каждой паузы, дуэтъ заставили повторить.

— Но это успѣхъ! съ рѣшительнымъ видомъ выразилась m-me Каричъ.

— Я просто не ожидалъ, сказалъ Безбѣдный.

Онъ, нагнувшись, разсматривалъ въ партерѣ плотнаго, небрежно одѣтаго господина, наружность котораго вдругъ что-то напомнила ему. Господинъ этотъ изо всѣхъ силъ хлопалъ руками, стучалъ палкой, и такъ кричалъ bis, что голосъ его покрывалъ толпу.

— Да вѣдь это, кажется, баронъ Андрей! сказалъ Безбѣдный Софьѣ Александровнѣ.

Та тоже посмотрѣла въ бинокль.

— Конечно, онъ... да и странно было ему не быть здѣсь сегодня! Мнѣ давно говорили, что онъ очень ухаживаетъ за m-lle Ипатовой, сказала она.

— Вамъ говорили? переспросилъ какъ бы озабоченнымъ тономъ Безбѣдный. — Но вѣдь у него была какая-то связь... въ деревнѣ...

— Что же можетъ значить такая связь! Онъ уже давно влюбленъ въ Липочку, возразила Софья Александровна.

— Такъ-что у нихъ... романъ? спросилъ съ оттяжкой Безбѣдный.

— Почему же я знаю, что у нихъ такое!

Безбѣдный, вытянувъ шею, продолжалъ смотрѣть то на Андрея, то на Липочку, и самодовольно-спокойные глаза его какъ-будто помрачились.

— Eh, voilà une qui a du genre! вдругъ вскричалъ Коко, даже привскочивъ на стулѣ.

Восклицаніе это относилось къ Женечкѣ, только-что выбѣжавшей на сцену, въ костюмѣ, на который такъ много разсчитывала охрипшая артистка.

Костюмъ, дѣйствительно, сразу произвелъ впечатлѣніе. Оставаясь въ границахъ приличія, нельзя было бы выдумать что-нибудь болѣе рискованное. Ничего нескромнаго, ничего прозрачнаго; всего только два куска тяжелой матеріи, драпировавшіе Женечку съ головы до ногъ. Но эта плотная драпировка была какъ-будто не надѣта, а только наброшена на ея стройную фигуру; казалось, этимъ смѣлымъ складкамъ угрожало каждое неосторожное движеніе. Но Женечка ни на полминуты не оставалась спокойною; она перелетала съ одного конца сцены на другой, играя глазами, улыбкой, плечами, соединяя веселое значеніе роли со своимъ собственнымъ радостнымъ чувствомъ, охватившимъ ее оттого, что она наконецъ выступила на эти освѣщенныя электрическимъ свѣтомъ подмостки, въ этомъ красивомъ, тайно дразнящемъ костюмѣ. Она сознавала, что на нее смотрятъ, что ее замѣтили, что она соблазнительно хороша, что ея необъявленное въ афишѣ появленіе производитъ почти смятеніе въ залѣ. Ей даже было легче выступать подъ такимъ случайнымъ инкогнито, она чувствовала себя точно въ маскѣ.

Публика, дѣйствительно, недоумѣвала. «Это вѣдь не та, что стоитъ въ афишѣ; кто же это»? спрашивали въ залѣ. Только Хлестовъ, ничего раньше не подозрѣвавшій, вдругъ привскочилъ въ креслѣ и принялся съ невѣроятнымъ азартомъ хлопать вытянутыми до самаго оркестра руками. Онъ при этомъ топалъ каблуками, звенѣлъ шпорами, вытягивалъ шею, и почти дико озирался на товарищей, не узнававшихъ Женечку. Въ то же время въ одной изъ ложъ бенуара красивая молодая дама привстала и весело захлопала маленькими ручками и замахала платкомъ. Это была Раиса Николаевна, безконечно пораженная и обрадованная внезапнымъ дебютомъ Женечки.

Глава XXXII.

Успѣхъ бываетъ разный: если Липочку слушали съ возраставшимъ и ободряющимъ вниманіемъ, даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ, свидѣтельствовавшимъ, что публика не разсчитывала встрѣтить на частной опереточной сценѣ такой сильный и свѣжій голосъ и такую изящно-умную игру, то Женечку вовсе не слушали, на нее только смотрѣли. Тѣмъ не менѣе, это былъ своего рода успѣхъ. Въ каскадной труппѣ необходимы красивыя женщины, умѣющія носить костюмъ и играть глазами и улыбками. Это составляетъ своего рода амплуа, и даже требуетъ своего рода таланта. У Женечки, очевидно, былъ такой талантъ.

Баронъ Андрей тотчасъ почувствовалъ различіе этихъ двухъ дебютовъ, и какъ-будто ощущеніе личнаго удовлетворенія, личной радости росло въ немъ, пока публика продолжала хлопать той и другой артисткѣ. Ему даже казалось, что успѣхъ Женечки еще больше оттѣняетъ и возвышаетъ впечатлѣніе, произведенное Липочкой...

Какъ толъко занавѣсь упала, онъ всталъ и прошелъ на сцену. Липочка протянула ему обѣ руки и весело улыбнулась, тогда какъ глаза ея пытливо и почти тревожно старались заглянуть ему въ глаза.

— Поздравляю... я безконечно радъ... сказалъ онъ.

— Право? вы правду говорите? недовѣрчиво спросила она.

— Правду... я кажется всегда говорю правду!

— И вы теперь уже не такъ недовольны моимъ поступленіемъ на сцену?

— Я радъ, что вы имѣете успѣхъ, и хорошій успѣхъ, отвѣтилъ Андрей.

Липочка быстро взгдянула на него.

— Вы должны признать по крайней мѣрѣ, что можно играть въ опереткѣ и оставаться... такою, какъ я была? сказала она.

— Развѣ я когда-нибудь сомнѣвался въ этомъ? возразилъ съ невольнымъ движеніемъ бровей Андрей. — Право, вы точно нарочно не хотите понять меня... продолжалъ онъ тономъ внезапнаго раздраженія. — Какъ-будто я опасался, что сцена уронитъ ваше общественное положеніе, или что опереточная атмосфера отразится на вашей натурѣ... что къ вамъ прилипнетъ грязь, которая будетъ здѣсь окружать васъ... Мнѣ кажется, что я выражался такъ ясно, и моя личная точка зрѣнія была такъ понятна!

Глаза Липочки съ выраженіемъ печали смотрѣли мимо него.

— Ахъ, Андрей Евгеніевичъ, вы не умѣете быть другомъ! сказала она, и медленно отворила дверь своей уборной, передъ которою они стояли.

Некрасивое лицо Андрея поблѣднѣло.

— Да, не умѣю, повторилъ онъ глухо. — И не могу!

Онъ вдругъ схватилъ руку Липочки и прижалъ ее къ похолодѣвшимъ губамъ.

— Зачѣмъ вы это сказали! проговорилъ онъ съ тоскливымъ упрекомъ; — я, я самъ не смѣлъ себѣ этого сказать!

Липочка тихонько сжала руку, которую онъ еще держалъ въ своей рукѣ.

— Полноте, вѣдь я знаю, что вы... не виноваты, молвила она, и ласково взглянула на него изъ подъ нахмуренныхъ бровей.

Онъ опять припалъ къ ея рукѣ; спина его какъ-будто судорожно вздрагивала.

— Вы достигли вашей цѣли, благослови васъ Богъ! вдругъ сказалъ онъ, поднявъ голову, и быстро повернулся и пошелъ по корридору.

Липочка опустилась на стулъ, и опершись обѣими руками на туалетный столикъ, задумчиво взглянула въ зеркало на свое покрытое театральными румянами лицо.

На этомъ лицѣ не было ни выраженія радости, ни торжества. «Какъ всякая другая была бы счастлива на моемъ мѣстѣ!» невольно подумалось ей. «А я только достигла независимости... но развѣ это такъ мало?»

И внезапно, быстро, какъ поднятые вихремъ осенніе листы, пронеслись предъ нею воспоминанія — даже не воспоминанія, такъ какъ имъ не было мѣста и времени развернуться въ лихорадочной, нервной вознѣ, мгновенно вспыхнувшей въ ней — а только отраженія пережитыхъ ощущеній, связанныя стремительнымъ движеніемъ мысли... Горькое, ѣдкое чувство понемногу легло ей на сердце, и расчесанная театральнымъ куаферомъ головка низко опустилась на руки...

Кто-то осторожно постучался въ дверь.

— Войдите, сказала Липочка, и оглянувшись, съ изумленіемъ увидѣла предъ собою Безбѣднаго.

Онъ поклонился, и прежде чѣмъ Липочка успѣла опомниться, поднесъ къ губамъ ея руку.

— Я не могъ удержаться, чтобы не броситься поздравить васъ: вы провели первый актъ блистательно! сказалъ онъ почти развязно.

— Благодарю васъ, отвѣтила Липочка.

Невольное любопытство пересиливало ея смущеніе, и она смотрѣла на Безбѣднаго, стараясь прочитать на его лицѣ объясненіе этого неожиданнаго посѣщенія, походившаго на дерзость.

— Я позволилъ себѣ думать, что въ эти радостныя минуты артистическаго торжества, я найду въ васъ больше снисхожденія, больше готовности протянуть руку старому другу... продолжалъ Безбѣдный.

Холодная, почти презрительная улыбка скользнула по губамъ Липочки.

— Еще разъ очень благодарю васъ, молвила она, и какъ бы изъ предосторожности, положила руку за спиной, на рѣзьбу стула. Она не садилась, и не приглашала Безбѣднаго сѣсть.

— Мы такъ давно, такъ давно не видались съ вами! сказалъ онъ.

— Я и не разсчитывала съ вами видѣться, произнесла Липочка.

— Для меня это лишеніе было тѣмъ тягостнѣе, что мы разстались подъ впечатлѣніемъ недоразумѣній, неудовольствія... продолжалъ, не смущаясь ея суровымъ тономъ, Безбѣдный.

— Когда мы разставались, для меня уже не существовало никакихъ недоразумѣній, возразила Липочка.

— Вы хотите сказать, что моя вина совершенно объяснилась вамъ? подхватилъ Безбѣдный. — Ахъ, Олимпіада Васильевна, есть вещи, о которыхъ никогда не слѣдуетъ думать, что для насъ все ясно въ нихъ.

Липочка холодно взглянула на него.

— Для меня не ясно только, что могло побудить васъ теперь искать этого разговора? сказала она.

— Что меня побудило? я буду очень счастливъ объяснить вамъ...

— Но я не любопытна...

Безбѣдный съ покорнымъ видомъ наклонилъ голову.

— Я знаю, что еще ничѣмъ не заслужилъ вашего снисхожденія, что въ эти три года вы находились подъ впечатлѣніемъ нашего разрыва, и не могли встрѣтить меня безъ непріязни, продолжалъ онъ; — но если я, не смотря на все это, рѣшаюсь быть здѣсь, у васъ, говорить съ вами, то значитъ есть же во мнѣ самомъ сознаніе какого-то права... иначе моя смѣлость была бы наглостью!

«Вы еще сомнѣваетесь въ своей наглости!» хотѣла сказать Липочка, но промолчала. Безбѣдный это молчаніе принялъ за вниманіе.

— Да, вы не можете не понять, что во мнѣ есть какое-то внутреннее сознаніе своего права, во имя котораго я смѣлъ придти къ вамъ, смѣлъ назвать себя вашимъ другомъ, заговорилъ онъ опять. — Въ любви всегда такъ много нервозности, она такъ часто мѣшаетъ людямъ понять другъ друга. Я много, много разъ переживалъ воспоминаніемъ нашъ печальный романъ, и мало-по-малу мнѣ выяснились эти мелочи, эти нервы, эта мгла, застилаю-

щая влюбленные глаза. Насъ замучило недовѣріе, мы не умѣли вѣрить другъ другу. Теперь, на разстояніи трехъ лѣтъ, научаешься понимать недоразумѣнія, капризы, мнительность — а вѣдь тогда все это ослѣпляло, окружало призраками, не давало видѣть. Вамъ казалось, что я охладѣлъ къ вамъ, что я не достоинъ вашей любви, вы невольно становились придирчивы, охлаждались сами, а у меня нервы разыгрывались, мнительность росла, я не могъ понять, что такое съ вами дѣлается. Въ тотъ несчастный день, когда у насъ обѣдалъ Флютенталь, и когда вы вдругъ скрылись, ушли, бросили меня, — меня, который такъ любилъ васъ, — ахъ, мы кажется оба сошли съ ума въ тотъ день!

Онъ сѣлъ и взялся обѣими руками за голову. Липочка глядѣла на него широко раскрытыми, изумленными глазами. Происходящее представлялось ей невѣроятнымъ, неслыханнымъ, возмущающимъ до той степени, когда остается прибѣгнуть только къ физической защитѣ. Она машинально кусала себѣ губы, не замѣчая боли.

— Евгеній Саввичъ, я имѣю право подумать, что вы пьяны! сказала она тономъ невыразимаго презрѣнія. — И это было бы самое снисходительное объясненіе тому, что вы говорите. Я надѣюсь, что вамъ угодно будетъ сію минуту оставить меня.

Безбѣдный не былъ приготовленъ къ этому отвѣту. Выраженіе досады и обиды покривило его красивое лицо.

— Не дайте увлечь себя этому первому движенію гнѣва, оно никогда не бываетъ правильно! сказалъ онъ съ едва примѣтнымъ оттѣнкомъ оскорбленной ироніи. — Я не могъ разсчитывать на ласковый пріемъ, и если все-таки рѣшился придти къ вамъ, то потому, что повиновался совершенно искреннему чувству, возбужденному вашимъ сегодняшнимъ успѣхомъ. Этотъ успѣхъ, эта сцена, этотъ голосъ вашъ, который я первый имѣлъ счастье услышать и оцѣнить, напомнили мнѣ такъ много. Вѣдь на моихъ глазахъ, въ наши счастливые дни, среди нашихъ

разговоровъ и мечтаній, зародились эти планы, сказалось ваше артистическое призваніе. Я среди вашего торжества невольно почувствовалъ, какъ-будто мнѣ принадлежитъ какая-то доля въ немъ. Развѣ вы не помните, какъ я настойчиво указывалъ вамъ эту дорогу, старался окружить васъ артистами, разбудить въ васъ музыкальный вкусъ... я познакомилъ васъ съ Флютенталемъ!

Липочка едва могла сдержать свое презрительное негодованіе.

— Будьте увѣрены, что я вспоминаю объ этомъ съ такимъ чувствомъ, которое не можетъ быть вамъ пріятно, сказала она съ брезгливымъ движеніемъ головы.

— Вы безжалостны! молвилъ нѣсколько сконфуженнымъ тономъ Безбѣдный, вставая и повертывая въ рукахъ шляпу. — Если я позволилъ себѣ напомнить нѣкоторыя ничтожныя услуги съ моей стороны, то только для того, чтобъ объяснить, почему мнѣ такъ дорогъ и близокъ вашъ артистическій тріумфъ. Мнѣ это казалось тѣмъ болѣе простительно, что съ тѣхъ поръ наше положеніе существенно измѣнилось. Вы тогда были провинціальная барышня, ученица, а я — только-что входившій въ моду адвокатъ; мы оба нуждались въ поддержкѣ, должны были многимъ жертвовать въ практическихъ интересахъ будущаго. А теперь, какъ все перемѣнилось! Вы артистка, которую въ скоромъ времени будетъ знать вся Россія, а я — я богатъ, очень богатъ, я стою у власти, я одинъ изъ вліятельныхъ людей...

— Тѣмъ болѣе, кажется, причинъ забыть намъ наше прошлое, перебила его Липочка.

— Забыть? вы считаете возможнымъ забыть? возразилъ Безбѣдный; — нѣтъ, я болѣе чѣмъ когда-нибудь помню, помню съ признательнымъ восторгомъ и съ горькимъ упрекомъ. Да, съ упрекомъ, потому что судьба слишкомъ безжалостно распорядилась нами: еслибъ она послала мнѣ васъ теперь, когда матеріальная борьба окончена, когда ваша любовь была бы для меня радостною роскошью, праздникомъ жизни...

Липочкѣ вдругъ сдѣлалось смѣшно: наглость Безбѣднаго, перейдя мѣру, становилась жалкимъ шутовствомъ. Она расхохоталась, и спокойно, почти весело взглянула ему въ лицо.

— Я сначала злилась на васъ, monsieur Безбѣдный, но теперь нахожу, что это скорѣе смѣшно, чѣмъ оскорбительно, сказала она. — Но такъ какъ мнѣ чрезъ нѣсколько минутъ надо выходить на сцену, то я прошу васъ оставить меня.

И она движеніемъ руки спокойно указала на дверь. Безбѣдный замѣтно измѣнился въ лицѣ.

— Я вижу, что вы ничего не сохранили изъ того чувства, которое связывало насъ, проговорилъ онъ, почтительно наклоняя голову.

— Радуюсь, что вы догадались объ этомъ. Безъ сомнѣнія, мы видимся въ послѣдній разъ?

— Еслибъ я смѣлъ разсчитывать на ваше снисхожденіе...

Липочка въ нетерпѣніи пожала плечами.

— Ахъ, monsieur Безбѣдный, вы заставляете меня прибѣгать къ грубостямъ, къ которымъ я не привыкла. Я принуждена сказать вамъ ясно и точно, что никогда не приму васъ и не буду говорить съ вами, произнесла она холодно и рѣзко.

Глаза Безбѣднаго тоже холодно блеснули.

— Простите за ошибку, всю глупость которой я сознаю теперь, вымолвилъ онъ.

Липочка отвѣтила молчаливымъ наклоненіемъ головы, и отвернулась.

Блѣдный, со злою насмѣшкой на губахъ, вышелъ Безбѣдный въ корридоръ. Онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ, осмѣяннымъ, униженнымъ даже въ собственномъ сознаніи. «Какъ можно было сдѣлать такую глупость!» мысленно упрекалъ онъ себя, съ болью стыда и разочарованія. «Но кто могъ ожидать! она, эта дѣвчонка, провинціальная гимназистка, которая, собственно говоря, всѣмъ мнѣ обязана... она наговорила мнѣ дерзостей,

расхохоталась мнѣ въ лицо... Но развѣ я могу этимъ оскорбиться?»

А на сердцѣ, наперекоръ уму, лежала не только горечь оскорбленія, но еще болѣе ѣдкая горечь другаго чувства, которое онъ съ изумленіемъ и злобой сознавалъ въ себѣ...

Да, этотъ успѣхъ, это обаяніе подмостковъ, этотъ электрическій свѣтъ, это красивое своеволіе театральнаго костюма, расшевелили давно завядшую, забытую страсть. Это былъ капризъ, можетъ бы такой же недолговѣчный, какъ сценическая иллюзія, но Безбѣдный чувствовалъ себя въ его власти.

Глава XXXIII.

Хлестовъ, ворвавшись за кулисы, бросился прямо къ Женечкѣ.

— Это вы мнѣ сюрпризъ! Да какая же вы прелесть! кричалъ онъ, цѣлуя ей руки.

— Нѣтъ, хорошо? спрашивала Женечка.

— Прелесть, чудо, божество! я васъ еще и не видалъ такою... Да постойте, дайте же васъ разсмотрѣть...

Онъ вертѣлъ ее за руки и самъ вертѣлся, совершенно обуянный восторгомъ.

— Приведите Раису Николаевну, попросила Женечка. — Ахъ, да вотъ она сама. Сюда, сюда, я васъ проведу ко мнѣ въ уборную...

И она бросилась въ объятія m-me Ливцовой и зацѣловала ее до такой степени, что у той на лицѣ сдѣлались красныя пятна отъ боли и отъ приставшихъ къ ней театральныхъ румянъ.

Уборную Женечкѣ дали совсѣмъ крошечную, такъ-что и повернуться въ ней трудно было; Хлестовъ, не оглядѣвшись сразу, столкнулъ со столика коробку и стклянку, и нагнувшись поднять, повалилъ треногій стулъ. Въ коробкѣ оказалась пудра; онъ въ ней весь перепачкался и расчихался. Въ комнаткѣ поднялась возня, шумъ и хохотъ, а тутъ вошли еще нѣсколько товарищей Хлестова, и стало такъ тѣсно, что пришлось тотчасъ ихъ прогнать.

— Уходите, уходите всѣ, послѣ спектакля я васъ увижу, кричала имъ Женечка, опускаясь отъ волненія и усталости на крошечный диванчикъ, убого приткнутый къ стѣнкѣ. — Душечка, Раиса Николаевна, ну скажите же, вѣдь хорошо? что говорили въ публикѣ?

— Вамъ этотъ костюмъ необычайно идетъ, и всѣ нашли, что вы прелесть какая хорошенькая, охотно отвѣчала Ливцова.

— А пѣла я очень скверно? спросила нѣсколько разочарованнымъ тономъ Женечка.

— Нѣтъ, совсѣмъ не дурно, успокоила ее Раиса Николаевна.

Женечка задумчиво сжала плечи.

— Навѣрное дурно, я чувствовала. А впрочемъ... если я понравилась безъ пѣнія, я нахожу, что это еще и лучше... лучше сводить съ ума наружностью, чѣмъ голосомъ...

— Что жь, вы пожалуй правы, сказала Раиса Николаевна.

— Да, конечно, красота выше всего! воскликнулъ съ увлеченіемъ Хлестовъ.

— Вѣдь если я такъ добивалась поступить на сцену, то потому, что это весело... артистки всегда больше нравятся, и потомъ... онѣ гораздо свободнѣе.

Дверь въ эту минуту пріотворилась, и показалась щеголеватая фигура генерала Пахтаева. За нимъ въ коридорѣ мелькнули еще какіе-то мундиры.

— Раиса Николаевна, окажите мнѣ любезность представить меня m-lle Подкорниковой, сказалъ онъ, кланяясь и отдавая поклонъ Хлестову, присутствіе котораго въ уборной было не совсѣмъ для него пріятно: предъ молодыми офицерами генералъ въ подобныхъ случаяхъ всегда нѣсколько конфузился. — Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи поздравить васъ съ блистательнымъ успѣхомъ, обратился онъ къ Женечкѣ. — Вы будете такъ добры, позволите мнѣ представить вамъ двухъ моихъ друзей, Беклищева и князя Роро.

Оба они весело вошли въ дверь, и въ крошечной комнаткѣ тотчасъ запахло смѣсью шипра, которымъ опрыскивалъ свои сюртуки Беклищевъ, и шампака, которымъ безбожно душился Роро.

— Господи, гдѣ же я васъ посажу, тутъ повернуться негдѣ, воскликнула Женечка, безнадежно оглядывая свою артистическую клѣтку.

Посѣтители просили не безпокоиться. Пахтаевъ, встрѣчавшійся съ Раисой Николаевной у Полины и за-

мѣчавшій, что она нѣсколько какъ бы кокетничаетъ съ нимъ, присѣлъ подлѣ нея на диванчикѣ и серьезнымъ тономъ увѣрялъ, что ей приноситъ честь воспитывать молодые таланты и покровительствовать имъ въ ихъ карьерѣ. Беклищевъ шутливо просилъ Женечку объяснить ему устройство ея костюма, и не хотѣлъ вѣрить, чтобъ это было произведеніе театральнаго портнаго, случайно попавшее на ея плечи.

— Нѣтъ, нѣтъ, тутъ должна быть ваша идея, я чувствую, что здѣсь есть часть васъ самой, увѣрялъ онъ.

— Да нѣтъ же, это было сдѣлано совсѣмъ для другой; но впрочемъ, подобный костюмъ зависитъ отъ того, какъ его носить, говорила чрезвычайно польщенная всѣмъ этимъ ухаживаньемъ Женечка.

— Вы сказали глубоко вѣрную вещь: именно, искусство носить костюмъ, вотъ что самое главное! подхватилъ князь Роро. — Это нѣчто врожденное, или по крайней мѣрѣ пріобрѣтаемое съ дѣтства, какъ одинъ изъ элементовъ женской граціи и сценическаго изящества. У насъ это такъ рѣдко, что поражаетъ. Почему, напримѣръ, вы были тотчасъ замѣчены? потому, что вы совсѣмъ не похожи на русскихъ актрисъ... У васъ этотъ особенный шикъ есть, чисто парижское изящество... Съ вашимъ выходомъ мы будто вдругъ перенеслись въ «Bouffes Parisiens». Знаете, Беклищевъ, кого мнѣ напомнила m-lle Подкорникова? Помните, въ Парижѣ, эта маленькая блондинка, вы ее знали... tenez, какъ бишь ее... еще у нея былъ русскій рысакъ отъ Безрышкина...

Роро завертѣлся, стараясь припомнить, и отъ каждаго его движенія разносился по маленькой каморкѣ крѣпкій запахъ шампака.

— Я нахожу, что m-lle Подкорникова дѣйствительно обладаетъ чисто парижскимъ genre, но сравнивать съ кѣмъ-нибудь не рѣшаюсь, потому что она имѣетъ еще громадное преимущество молодости и свѣжести, чего совсѣмъ не найдешь на парижскихъ сценахъ, сказалъ окончательно сладкимъ тономъ Беклищевъ.

— И вы правы! подхватилъ опять Poро; — но знаете, что нужно, чтобы молодая артистка съ такими задатками могла развить талантъ и сохранить это изящество, этотъ genre? Нужно общество, это я вамъ говорю, какъ опытный человѣкъ. Артисткѣ необходимо жить не въ томъ кругу, съ которымъ она встрѣчается на подмосткахъ, а въ свѣтскомъ обществѣ, гдѣ есть вкусъ, гдѣ пріобрѣтаются сами собой изящныя привычки и потребности. Наше общество воспитываетъ, mon cher, — обратился онъ вдругъ къ Беклищеву, — тогда какъ въ другомъ кругу можно незамѣтно s'encanailler, я видѣлъ ужасные примѣры.

Хлестовъ молча подкручивалъ свои почти дѣтскіе усы, стараясь составить на лицѣ не то насупленное, не то ироническое выраженіе: ему очень не нравилось навязчивое ухаживанье генераловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ никакъ не хотѣлъ обнаружить своей ревности.

— Вы мнѣ совсѣмъ закружите голову, messieurs, сказала. Женечка тономъ самаго дѣтскаго счастья.

— А знаете вѣрнѣйшій способъ кружить головы другимъ? надо самой закружиться, отвѣтилъ на это Poро. — Но не смѣемъ больше отнимать у васъ времени, вамъ надо приготовиться выходить на сцену, прибавилъ онъ, оттягивая увѣшенное золотымъ аксельбантомъ плечо.

— Я заранѣе восторгаюсь, какъ у васъ долженъ пройти второй актъ, сказалъ Беклишевъ, и оба, прощаясь, поцѣловали у Женечки руку.

Пахтаевъ пошелъ проводить Раису Николаевну, а Беклищевъ и Poро, подымаясь въ свою loge grillée, обмѣнялись нѣсколькими фразами, выражавшими ихъ впечатлѣнія.

— Въ самомъ дѣлѣ, прелесть что за дѣвчонка, сказалъ со сдержаннымъ блескомъ глазъ Беклищевъ.

— Я вамъ скажу! подтвердилъ Poро, сдѣлавъ нѣкоторое движеніе губами. — Знаете, за нею надо слѣдить, и какъ только у нея разстроится съ этимъ пижономъ, тотчасъ по горячему слѣду!

— Ну, придется пожалуй долго ждать, замѣтилъ Беклищевъ.

— Напротивъ, пари, что очень не долго; эти мальчишки не годятся для серьезныхъ отношеній, возразилъ Poро. — Она ему надоѣстъ черезъ два, три мѣсяца, а онъ съ деньгами запутается, и тутъ-то самая настоящая минуту и явится.

— Bonne chance, проговорилъ съ натянутою попыткой усмѣхнуться Беклищевъ.

Poро весело взглянулъ на него.

— Развѣ уступаете? молвилъ онъ. — Не притворяйтесь, вижу по глазамъ и по вашему тону, что она вамъ ужасно нравится.

— Вы и не ошибаетесь, но только не считайте меня въ числѣ соперниковъ, отвѣтилъ Беклищевъ.

Poро нѣжно взялъ его за руку повыше локтя.

— О, знаю я васъ, сказалъ онъ подозрительно. — Je vous ai vu à l'oeuvre.

— Нѣтъ, серьезно. То было прежде.

— Да что вы, старика хотите корчить, что-ли? Пожалуйста, пощадите меня, что же мнѣ тогда подлѣ васъ останется дѣлать?

— Старикомъ я даже въ старости не намѣренъ быть, но обстоятельства складываются такимъ образомъ, что мнѣ неудобно начинать какую-нибудь новую интригу, объяснилъ Беклищевъ.

Poро внимательно взглянулъ на него.

— Dites-donc, вы можетъ быть попались въ руки? спросилъ онъ даже озабоченно. — Не запускайте, это хуже всего, что можетъ быть на свѣтѣ.

— Нѣтъ, я пока совершенно свободенъ, отвѣтилъ Беклищевъ.

Poро расхохотался.

— Это *пока* великолѣпно. Eh bien, сказали бы прямо, что хотите жениться... я буду очень радъ первый васъ поздравить.

— Да нѣтъ, я еще ничего не знаю, проговорилъ Беклищевъ; — но это возможно, я не скрываю.

— Ну, значитъ, надо поздравлять. На комъ? не секретъ? спросилъ Роро.

— Увѣряю васъ, я ничего еще не сдѣлалъ; это только мои собственныя предположенія, отвѣтилъ Беклищевъ.

— Ну, какъ хотите; но только когда это не будетъ секретъ, вы должны будете мнѣ первому сказать.

— Охотно, дорогой князь.

И Беклищевъ почти съ чувствомъ пожалъ пріятелю руку.

Полина встрѣтила Пахтаева насмѣшливымъ взгдядомъ.

— Вы кажется волочитесь за актрисами? бросила она ему.

Генералъ вспыхнулъ.

— Меня мой beau-frère и князь Роро просили провести ихъ... отвѣтилъ онъ.

— Это очень мило, что *они* нуждаются въ вашемъ покровительствѣ, продолжала тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ Полина. — Съ какихъ поръ вы имѣете тутъ свободный входъ за кулисы?

— Но это просто потому, что Раиса Николаевна... пытался оправдаться генералъ.

— Замолчите, пожалуйста, перебила его Полина, и отвернулась.

— Нѣтъ, ради Бога... могли-ли вы думать! умоляющимъ тономъ проговорилъ Пахтаевъ, наклоняясь къ ней.

— Я давно уже имѣю причины быть сердитою на васъ, сказала не оборачиваясь Полина.

— Но за что же?

— Подумайте.

Розовыя щеки Пахтаева еще больше вспыхнули. Ему совсѣмъ не надо было подумать, чтобы догадаться. Онъ сознавалъ свою вину. Еще съ недѣлю назадъ Полина говорила ему о непріятностяхъ, причиняемыхъ какими-то запутанными счетами съ модисткой и обойщикомъ.

Она увѣряла, что ничего не понимаетъ въ нихъ, что уже нѣсколько разъ платила, и кажется ее надуваютъ.

— Пожалуйста разберите, дѣйствительно-ли я должна, и устройте это какъ-нибудь, попросила она съ такою небрежностью, какъ-будто дѣло шло о совершенныхъ пустякахъ.

Пахтаевъ обѣщалъ, но оказалось, что счеты были совсѣмъ въ порядкѣ, и доходили до нѣсколькихъ тысячъ. У него такихъ денегъ не было, онъ какъ-то все еще не умѣлъ воспользоваться теоріей кредита, на которой рѣшено было основать его полу-холостую жизнь: совершенная неопытность и стыдливость мѣшали ему.

Полинѣ вдругъ захотѣлось пить, и она послала мужа за сельтерской водой. Пахтаевъ догадался, что это сдѣлано нарочно, чтобы дать ему случай объясниться.

— Ахъ, кстати: мнѣ до сихъ поръ никакъ не удавалось исполнить ваше порученіе, но завтра непремѣнно все будетъ сдѣлано, сказалъ онъ, рѣшившись дѣйствительно прибѣгнуть завтра къ самымъ крайнимъ мѣрамъ.

— Какое порученіе? какъ бы не вспомнила Полина.

— Тамъ у васъ счеты были, съ модисткой...

— Ахъ, не хлопочите, пожалуйста, кисло отвѣчала Полина: — я васъ просила потому, что хотѣла скрыть отъ мужа, но такъ какъ вамъ не удалось, то онъ теперь уже знаетъ, и вы потрудитесь возвратить мнѣ эти счеты, онъ самъ заплатитъ. Ему предлагаютъ деньги по векселю, надо только найти поручителя. Но я кого-нибудь найду.

Пахтаевъ почувствовалъ, какъ-будто у него гора съ плечъ свалилась.

— Позвольте васъ просить никого не искать, я самъ поставлю бланкъ, предложилъ онъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! отказалась Полина.

— Это будетъ доказательствомъ, что вы не очень на меня сердитесь...

— Но я именно очень на васъ сержусь! улыбнулась Полина.

— Нѣтъ, это рѣшено. Я утромъ пораньше къ вамъ заѣду.

Полина благосклонно пожала плечами.

— Покажите мнѣ лучше, за которою именно вы намѣрены волочиться, сказала она съ улыбкой, повернувшись къ сценѣ.

Успѣхъ Липочки росъ съ каждымъ выходомъ: публика очевидно уже сочувствовала ей, хотѣла поддержать ее, волновалась за нее. Бываютъ такіе счастливые дебюты, когда театральная зала настолько сживается съ артистомъ или артисткой, что какъ бы сама хочетъ во что бы то ни стало дать успѣхъ. А про Женечку со втораго акта точно уже забыли: она какъ-будто сдѣлалась безразличною принадлежностью сцены, которую очень пріятно видѣть, но которая уже не можетъ приковать вниманіе. Ее одобрили какъ декорацію, при первомъ появленіи, но нельзя же въ теченіе цѣлаго акта восхищаться декораціей. И когда ея поклонники возобновляли рукоплесканія и вызовы, зала оставалась спокойною. Хлестовъ выходилъ изъ себя, вскакивалъ съ кресла, кивалъ товарищамъ. Изъ loge grillée высовывались руки въ бѣлыхъ перчаткахъ и мѣрно отбивали тактъ.

— Досадно, что у меня сегодня вечеръ занятъ, надо было бы ее сейчасъ же пригласить ужинать, сказалъ князь Poро.

— А гдѣ вы сегодня? спросилъ Беклищевъ.

— У графа Заржицкаго маевка на дачѣ, нѣчто въ родѣ bal champêtre на мокрой травѣ, при двухъ градусахъ тепла, объяснилъ Poро.

— Значитъ, можемъ вмѣстѣ отправиться, я тоже званъ, сказалъ Беклищевъ.

И послѣ втораго акта оба поѣхали на Крестовскій.

Глава XXXIV.

На великолѣпной дачѣ Заржицкаго давно уже не давались праздники. Графъ былъ человѣкъ разсчетливый: показываясь постоянно въ свѣтѣ и всюду принятый въ силу своего придворнаго званія, родовитаго происхожденія и несмѣтнаго богатства, онъ умѣлъ какъ-то избѣгать большихъ пріемовъ дома, отдѣлываясъ приглашеніями къ себѣ въ имѣніе, въ одной изъ западныхъ губерній, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ часть года. Съ петербургскимъ обществомъ онъ былъ знакомъ, но дальше извѣстной черты не сближался.

Лѣтъ двадцать назадъ, наканунѣ польскаго мятежа, когда онъ былъ еще почти молодой человѣкъ, онъ жилъ открыто, и домъ его считался однимъ изъ самыхъ пріятныхъ и наиболѣе посѣщаемыхъ; но затѣмъ онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ заграницей, появляясь въ Петербургѣ мимоѣздомъ, и о немъ начали забывать. Говорили, что онъ скомпрометтированъ, но какъ-то въ своемъ родѣ, на такой аристократической подкладкѣ и подъ такимъ бѣлымъ знаменемъ, что не стали докапываться. Въ послѣдніе годы его опять стали всюду встрѣчать, а нынче ему вдругъ вздумалось отпраздновать новоселье на дачѣ, или, какъ онъ выражался, сдѣлать «маевку».

Когда Беклищевъ и князь Роро подъѣхали къ чугунной рѣшеткѣ дачи, праздникъ былъ уже въ полномъ разгарѣ. Надъ садомъ, залитымъ огнями, стояло точно зарево; изъ освѣщенной танцовальной залы неслись звуки оркестра. Графъ, еще очень молодцоватый на видъ, встрѣчалъ прибывающихъ на широкой террасѣ, уставленной пальмами и живыми цвѣтами. Въ бутоньеркѣ его пестрѣли орденскія ленточки всѣхъ государствъ въ мірѣ. Онъ обѣими руками пожалъ руку Беклищеву, а князя Роро даже обнялъ за талію, и повелъ обоихъ къ графинѣ.

— У васъ, кажется, весь Петербургъ сегодня веселится, графъ, сказалъ Беклищевъ.

— Я обожаю эти праздники на дачѣ, и какъ жаль, что они у насъ такъ мало въ ходу, прибавилъ Роро.

— А то жь климатъ! отозвался Заржицкій.

И улыбаясь свойственною ему какою-то замысловатою улыбкой, продолжалъ по французски:

— Надо, господа, веселиться, мы слава Богу оживились немножко... То война была, то все такое... теперь погода должна перемѣниться.

Беклищевъ, откланявшись хозяйкѣ, остановился и оглянулся. Громадная зала вертѣлась въ послѣдней фигурѣ кадрили. На террасѣ, въ гостиныхъ, въ просторной столовой, превращенной въ buffet-ouvert, было тѣсно. Собрался дѣствительно весь Петербургъ, все, что еще не разъѣхалось на лѣто. У одной изъ дверей, выходившихъ въ садъ, разговаривала стоя группа пожилыхъ людей въ мундирахъ и во фракахъ. Беклищевъ почтительно отдалъ поклонъ и остановился.

— Тьму надо разгонять свѣтомъ, говорилъ небольшаго роста генералъ съ умнымъ и хитрымъ лицомъ, которому онъ искусственно старался придать оттѣнокъ ласковой прямоты.

— Тѣмъ болѣе, что намъ не надо этотъ свѣтъ изобрѣтать, а только перенесть его изъ Европы, подтвердилъ господинъ во фракѣ, съ лицомъ, почти окаменѣвшимъ въ выраженіи государственной благопристойности.

Легкотѣлый «маркизъ», находившійся тутъ же, сдѣдалъ что-то ножкой и слегка качнулъ носомъ.

— Что до меня касается, я стараюсь прежде всего залечить раны прошлаго, сказалъ онъ, и обвелъ разговаривавшихъ созерцательнымъ взглядомъ.

Представительная фигура Безбѣднаго слегка выдвинулась въ кружокъ. Онъ еще не научился говорить лапидарно-краткими афоризмами, въ его рѣчахъ отзывалась пухлая вихлявость адвокатской практики. Поэтому онъ выразился довольно длинно:

— Мнѣ кажется, общая задача, продиктованная положеніемъ вещей, заключается въ томъ, чтобы возвратить правительству довѣріе общества, то-есть пойти на

встрѣчу общественнымъ стремленіямъ, призвавъ на службу намъ тѣ самыя оппозиціонныя силы, которыя теперь по необходимости дѣйствуютъ противъ насъ.

Еще одинъ сановникъ, длинный, сухой, повернулся къ Безбѣдному, взялъ его за пуговицу фрака, и поднявъ круглыя брови, проговорилъ:

— Общественныя силы, да; но entendons-nous, что вы называете обществомъ? Не аристократію, которая у насъ не имѣетъ политическаго воспитанія и не живетъ въ странѣ; и не народъ, потому что онъ еще находится въ состояніи дикаго звѣря, и его слишкомъ опасно было бы разнуздывать.

— Я разумѣю интеллигенцію, вотъ на кого должно опереться, пояснилъ Безбѣдный.

— А слава Богу, что у насъ есть же эта интеллигенція! вдругъ раздался рѣзкій акцентъ хозяина. — Дайте только той интеллигенціи у себя дома, въ своемъ краю, дышать свободно!

Беклищевъ, догадавшись, что съ его стороны было бы нескромно вставить здѣсь свое слово, поправилъ въ рукахъ фуражку и тихонько отошелъ. Кадриль кончалась, толпа направилась понемногу въ разныя двери. Беклищевъ, двигаясь, внимательно вглядывался по сторонамъ; вдругъ прищуренный взглядъ его оживился, онъ встряхнулъ эполетами, и пошелъ скорѣе вслѣдъ за мелькнувшею вдали женскою головкой съ бѣлыми ландышами въ волосахъ.

Это была Лариса. Она шла съ матерью, но ихъ окружало нѣсколько молодыхъ и старыхъ лицъ. Беклищевъ догналъ ихъ на террасѣ.

— Вы не боитесь изъ душной залы выйти прямо на холодный воздухъ? спросилъ онъ послѣ перваго привѣтствія.

— Я и то говорю, что простудится, подхватила Марья Ивановна; — вотъ еслибы вы были такъ любезны, отыскали наши шали...

Беклищевъ поклонился и пошелъ исполнить порученіе. Онъ догналъ дамъ уже въ саду. Теперь, подавая шали, онъ могъ занять мѣсто подлѣ Ларисы.

— Я явился поздно, и вѣроятно всѣ ваши контрдансы уже разобраны, сказалъ онъ почти печально.

— Я никогда много не танцую, отвѣтила Лариса; — но если вы хотите, у меня свободна слѣдующая кадриль.

Беклищевъ поклонился, и обернувшись къ Марьѣ Ивановнѣ, сказалъ, что высмотрѣлъ для нихъ дачу здѣсь близко, на Крестовскомъ.

— Если прикажете, я явлюсь къ вамъ завтра, и мы поѣдемъ вмѣстѣ посмотрѣть.

Марья Ивановна была въ восторгѣ и благодарила. Она къ Беклищеву вообще какъ-то сразу стала благоволить; и дѣйствительно, онъ со своими утонченными манерами, примирительными взглядами на вещи и всегдашнею готовностью услужить, вполнѣ соотвѣтствовалъ ея идеалу. «Вотъ и видно, что вполнѣ порядочный человѣкъ: и знатенъ, и богатъ, и выслужился сильно, а совсѣмъ не важничаетъ и очень просто себя держитъ», отзывалась она о немъ.

Идя подлѣ Ларисы, но обращаясь какъ бы больше къ матери, Беклищевъ очень подробно и ясно описалъ всѣ удобства пріисканной имъ дачи; въ немъ такъ и видна была пріятная мелкая дѣловитость.

— Собственно для васъ, отнесся онъ прямо къ Ларисѣ, — двѣ прехорошенькія комнаты, окнами въ садъ и съ выходомъ въ галлерею, которую всю можно заставить растеніями. Дорожка прямо къ Невѣ, купальня, пристань съ яликами, можно даже паровой катеръ завести, если вы любите кататься.

— Mercі, это совсѣмъ такъ, какъ мнѣ хотѣлось, поблагодарила Лариса.

— Мнѣ казалось, что я могу довольно вѣрно угадать ваши вкусы, сказалъ Беклищевъ.

— Они такіе обыкновенные, возразила Лариса.

Беклищевъ недовѣрчиво улыбнулся.

— Мы, вѣроятно, не одинаково понимаемъ это выраженіе, сказалъ онъ; — слово «обыкновенный» совсѣмъ не сочетается съ вами (онъ такъ и выразился: «не сочетается»).

Лариса при такой крѣпкой любезности неопредѣленно повела глазами.

— Вы еще не замѣтили, monsieur Беклищевъ, что я не люблю, когда меня часто хвалятъ, молвила она.

Беклищевъ наклонилъ голову.

— Покорно принимаю замѣчаніе, но сознаюсь, что трудно будетъ исправиться, отвѣтилъ онъ.

Изъ раскрытыхъ настежь оконъ донеслись звуки ритурнели.

— Намъ пора, напомнилъ Беклищевъ, и они повернули къ дому.

Когда Лариса сбросила шаль, и вся бѣлая въ своемъ весеннемъ платьѣ, шла по залѣ, опираясь на руку Беклищева, и когда они отразились въ широкомъ зеркалѣ, Беклищевъ даже въ тайнѣ вздрогнулъ отъ внезапнаго, радостнаго и увѣреннаго чувства, сказавшагося въ немъ. Для него въ ту минуту представилось такимъ яснымъ и непреложнымъ, что они созданы другъ для друга, что ни онъ, ни она не могутъ быть такъ на своемъ мѣстѣ ни въ какой другой парѣ... И вѣроятно что-то подобное скользнуло также въ умѣ Ларисы, потому что она оглянулась въ зеркало, и встрѣтившись тамъ со взглядомъ Беклищева, быстро опустила глаза.

— Я не замѣчаю здѣсь Зимовьева, сказалъ Беклищевъ, подавая стулъ; — вѣроятно онъ играетъ въ карты.

— Его здѣсь нѣтъ, отвѣтила Лариса.

— Развѣ онъ не знакомъ съ графомъ?

— Онъ вообще мало теперь бываетъ въ обществѣ, особенно тамъ, гдѣ не сошелся близко.

— Но я думалъ, что если вы здѣсь... то онъ, такой давній и близкій вашъ знакомый... продолжалъ со странною настойчивостью Беклищевъ.

— Но вы видите, что его здѣсь нѣтъ, улыбнулась Лариса.

— Это доказываетъ, что въ обществѣ иногда слишкомъ поспѣшно выводятъ заключенія, возвратился къ тому же разговору Беклищевъ послѣ первой фигуры.

— Какого рода заключенія? спросила совершенно спокойно Лариса.

— Такъ какъ вы въ петербургскомъ свѣтѣ новое лицо, то вами этотъ свѣтъ много занимался, и къ числу самыхъ любопытныхъ принадлежалъ и я, хотя вообще я совсѣмъ не любопытенъ... объяснилъ Беклищевъ, и взглянулъ на Ларису. Она ничего не сказала.

— Между прочимъ, мнѣ сообщили, что на Зимовьева надо смотрѣть какъ на серьезнаго претендента, продолжалъ генералъ. — Это могло быть правдоподобно, хотя...

— Хотя невѣрно, по крайней мѣрѣ для настоящей минуты, снова улыбнулась Лариса.

— Нѣтъ, я хотѣлъ сказать... впрочемъ, это личное впечатлѣніе, и можетъ быть будетъ нескромно его высказывать.

— Скажите, молвила неохотно Лариса.

— Когда мнѣ это сообщили, я подумалъ, что жизнь, которая вамъ предстояла бы въ замужествѣ за Зимовьевымъ, не совсѣмъ отвтѣчала бы вамъ, спѣшилъ объяснить Беклищевъ. — Провинція, деревня, уединеніе, отреченье отъ всего, что привлекаетъ молодость, что считается обязательною обстановкою красоты — это вѣдь похоже на жертву.

— Я, напротивъ, люблю деревню и очень мало привыкла къ свѣту, сказала Лариса.

— Но вѣдь необходима также внѣшняя сторона жизни, продолжалъ Беклишевъ. — По моему мнѣнію, мужъ долженъ непремѣнно имѣть крупные служебные или общественные интересы, и ввести жену ко двору. Можно не отдавать себя всецѣло свѣту, но необходимо принадлежать къ высшимъ сферамъ.

«Почему?» хотѣла спросить Лариса, но въ тонѣ, какимъ говорилъ Беклищевъ, чувствовалась такая простота убѣжденія, такъ очевидно было, что онъ не фило-

софствуетъ, а высказываетъ свое врожденное, почти физіологическое пониманіе жизни, что ей показалось излишнимъ возражать. Она только взглянула на него. Онъ спокойно выдѣлывалъ solo, съ красивою небрежностью человѣка, танцующаго только потому, что онъ на балѣ. Что-то замысловато-серьезное лежало на его лицѣ, какъ-будто онъ озабоченъ былъ довести до конца разговоръ, начатый съ опредѣленною цѣлью.

— Еслибъ я былъ увѣренъ, что вы точно такъ же смотрите на эти вещи, то рѣшился бы объяснить, почему я заговорилъ о Зимовьевѣ, началъ онъ опять, становясь подлѣ ея стула.

Рѣсницы Ларисы чуть дрогнули и опустились. Она точно что-то угрожающее заслышала въ измѣнившемся тонѣ Беклищева. Только это не пугало ея, а скорѣе удивляло совпаденіемъ съ ея собственнымъ тайнымъ ожиданіемъ.

— Намъ начинать, сказала она, вставая.

Беклищевъ подалъ ей обѣ руки, и повертывая ее въ галопѣ, сказалъ, ближе наклонясь къ ней:

— Такъ какъ вы не любите много танцовать, то намъ можно будетъ окончить этотъ разговоръ въ гостиной...

Лариса не отвѣчала, только оживленное лицо ея сдѣлалось серьезно, и вся фигура ея какъ-будто утратила свой радостный, весенній блескъ. Въ grand-rond она ни разу не взглянула на Беклищева, и онъ чувствовалъ сквозь перчатки холодъ ея руки.

Глава XXXV.

Беклищеву было тридцать шесть лѣтъ. Изъ кокетства онъ иногда увѣрялъ, что уже отжилъ свою молодость, но въ сущности чувствовалъ себя очень молодымъ, и не только физически, но и въ смыслѣ ранняго достиженія тѣхъ обязательныхъ цѣлей, которыя съ удивительною ясностью представлялись ему, когда онъ еще только готовился къ поступленію въ пажескій корпусъ. Онъ былъ генералъ, носилъ аксельбанты, и принадлежалъ къ тому кругу, изъ котораго назначаютъ на высшія должности. Для его лѣтъ этого было совершенно достаточно, и онъ спокойно перешагнулъ черту, раздѣляющую двѣ половины человѣческой жизни. Собственно говоря, онъ этой черты даже и не замѣтилъ, такъ какъ подобные ему люди умѣютъ быть стариками въ молодости и молодыми въ старости. Юность означала для него оберъ-офицерскій чинъ, манежную ѣзду, завтраки или ужины въ холостомъ обществѣ, и вообще нѣсколько больше откровенности въ развлеченіяхъ. Настоящей молодости онъ не зналъ. Холодный по натурѣ, онъ съ раннихъ лѣтъ усвоилъ себѣ очень циническую точку зрѣнія на вещи, и только врожденное щепетильное чувство комильфотности, вмѣстѣ съ чрезвычайною заботой о сохраненіи здоровья, не давали обнаружиться въ немъ этому преждевременному цинизму.

Онъ никогда не любилъ, а между тѣмъ его любили; это бываетъ такъ часто! Разъ у него было даже нѣчто похожее на серьезный романъ. Женщина, старше его, принадлежавшая къ одному съ нимъ обществу, готова была ради него бросить семью. Онъ сначала былъ пораженъ, почти растерялся; но понемногу овладѣлъ положеніемъ, удвоилъ внимательность, выдвинулъ впередъ оттѣнокъ глубокаго уваженія — и шагъ за шагомъ, безъ слезъ, безъ драмы, можно сказать даже безъ разочарованія, пріучилъ любившую его женщину глядѣть на ихъ

отношенія его собственными глазами. Объ этомъ романѣ онъ очень любилъ вспоминать наединѣ со своими мыслями, и находилъ въ немъ большое для себя воспитательное значеніе; онъ вполнѣ раздѣлялъ французское понятіе, что интрига съ порядочною женщиной даетъ человѣку окончательную отдѣлку.

Еще на кадетской скамейкѣ онъ рѣшилъ, что къ тридцати пяти годамъ будетъ генераломъ и женится. То и другое какъ-то необходимо сочеталось вмѣстѣ. Холостая жизнь не то, чтобы надоѣла ему — онъ жилъ въ очень солидной, почти семейной обстановкѣ, — но хотѣлось испробовать другаго. Притомъ, и выборъ сдѣланъ былъ какъ бы самъ собою. Лариса нравилась ему не только какъ Лариса, но какъ будущая его жена. Съ самой первой встрѣчи онъ, присматриваясь къ ней, все какъ то прикидывалъ къ себѣ и находилъ, что такъ будетъ отлично. Правда, она была чужая въ томъ обществѣ, которое давало ему положеніе и шансы будущей карьеры; бракъ съ нею не приносилъ новыхъ связей, но Беклищевъ самъ имѣлъ въ Петербургѣ большое и вліятельное родство. За то Лариса была богата, по слухамъ даже страшно богата; въ свѣтѣ къ ней сразу отнеслись съ завистливымъ вниманіемъ, въ которомъ интересъ новизны соединяется съ обычною данью красотѣ и изяществу. «Она рождена для большаго свѣта, она займетъ въ немъ мѣсто, выпадающее только избраннымъ; и она будетъ моя жена, на мнѣ отразится часть окружающаго ее блеска», думалъ Беклищевъ, небрежно повинуясь въ grand-rond командѣ дирижера. «Но нѣтъ, мы оба будемъ стоить другъ друга», тутъ же мысленно поправлялъ онъ себя, чувствуя, что и самъ онъ, со своею чистоплотною фигурой, аксельбантомъ и связями, представлялъ во всѣхъ отношеніяхъ завидную партію.

— Вы позволите мнѣ настоятельно просить васъ не выходить прямо въ садъ, а отдохнуть сначала въ комнатахъ? заботливо предложилъ онъ по окончаніи кадрили, придерживая локтемъ руку Ларисы.

Она, не возражая, прошла съ нимъ въ одну изъ дальнихъ гостиныхъ и сѣла въ углу, заслоненномъ широ-

кими драценами и бегоніями. Странное, почти печальное спокойствіе лежало на ея лицѣ, еще сохранявшемъ утомленіе душной танцовальной залы. Беклищевъ оглянулся и поставилъ себѣ стулъ такъ, чтобы его можно было видѣть при входѣ въ комнату: ему показалось неудобнымъ быть скрытымъ вмѣстѣ съ Ларисой зеленью растеній.

— Я долженъ оправдаться передъ вами въ моей нескромности и объяснить, почему я позволилъ себѣ предложить нѣсколько вопросовъ относительно Зимовьева, заговорилъ онъ особеннымъ, свойственнымъ только ему, вѣжливо-настоятельнымъ тономъ.

— Но я не замѣтила никакой нескромности, возразила Лариса.

— Во всякомъ случаѣ я не позволилъ бы себѣ подобнаго любопытства, еслибъ оно не оправдывалось очень серьезными причинами, произнесъ, слегка потупляясь, Беклищевъ. — Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ удовольствіе васъ встрѣтить, для меня сдѣлалось необходимымъ объяснить себѣ одинъ вопросъ, и я всюду искалъ на него отвѣта. Я наблюдалъ, всматривался во всякое новое лицо, появлявшееся подлѣ васъ, ловилъ всякое извѣстіе, особенно отъ тѣхъ, кто зналъ васъ раньше. Мнѣ хотѣлось убѣдиться: свободны-ли вы?

Лариса сдѣлала попытку улыбнуться.

— Я бы вамъ отвѣтила, еслибы вы прямо обратились ко мнѣ съ этимъ вопросомъ, сказала она.

— На это у меня не доставало рѣшимости, продолжалъ Беклищевъ; — надо было дать вамъ время немножко узнать меня, чтобы объяснилось, могу-ли я разсчитывать на то огромное довѣріе, отъ котораго зависитъ мое счастье.

Онъ вдругъ всталъ, и тономъ смущенія добавилъ:

— Вотъ, я сказалъ гораздо больше, чѣмъ имѣлъ въ виду. Но тѣмъ лучше. Мнѣ нѣтъ надобности скрывать свои намѣренія. Вы теперь знаете ихъ, и я съ покорнымъ нетерпѣніемъ буду ждать вашего отвѣта.

Лариса взглянула ему прямо въ глаза.

— Я тоже не ожидала этого объясненія, Леонидъ Сергѣичь... сказала она. — Но я отвѣчу вамъ совершенно просто: да, я свободна. Но мы еще такъ мало знакомы съ вами, что давать другъ другу слово было бы слишкомъ... поспѣшно.

Беклищевъ сдѣлалъ глубокій поклонъ.

— Я слишкомъ цѣню благосклонность вашего отвѣта, чтобы позволить себѣ торопить, настаивать... сказалъ онъ. — Вы разрѣшаете мнѣ ждать — я буду ждать. Это уже составляетъ цѣль, а цѣль даетъ спокойствіе. Не сочтите за самонадѣянность, но я не имѣю причинъ опасаться, чтобы ближайшее знакомство со мною могло лишить меня вашего довѣрія.

Лариса спокойно встала и протянула ему руку.

— Но мы еще ничѣмъ не связаны, не правда-ли? произнесла она, какъ бы перемогая что-то, тайно сопротивлявшееся въ ней.

Беклищевъ снова поклонился, и на этотъ разъ его поклонъ отзывался почтительною сдержанностью.

— Что до меня лично касается, я уже радостно разстался съ моею свободой, сказалъ онъ, пристально взглянувъ на Ларису своими свѣтлыми и въ ту минуту какъ-будто злыми глазами.

Въ гостиную начали входить посторонніе. Лариса, увидавъ Анну Всеволодовну, съ замѣтною торопливостью подошла къ ней.

— Вы изъ саду? тамъ кажется приготовляется фейерверкъ? сказала она.

Княгиня бросила быстрый взглядъ на нее и на Беклищева.

— Пойдемте, сказала она какимъ-то замысловатымъ тономъ, беря Ларису подъ руку.

И какъ только онѣ сдѣлали нѣсколько шаговъ, она добавила, смѣясь и прижимаясь къ ея плечу:

— Женщины всегда должны оказывать другъ другу подобныя маленькія услуги, не правда-ли?

— Какія? въ чемъ дѣло? переспросила Лариса.

— Ну, будто я не поняла, что васъ надо спасти отъ этого интереснаго генерала, объяснила Анна Всеволодовна, пробираясь сквозь толпу на террасу. — Вы правы, нѣтъ ничего несноснѣе подобнаго ухаживанья. Мужчины такъ рѣдко понимаютъ, когда они нравятся или нѣтъ.

Лариса засмѣялась.

— Не мудрено, что это такъ трудно, если... я сама не умѣю дѣлать этого различія, сказала она, рискнувъ совершенно невиннымъ взглядомъ.

— Полноте, хитрый человѣкъ! улыбнулась Анна Всеволодовна: — будто я не понимаю, что съ Беклищевымъ вамъ должно быть ужасно скучно.

— Не болѣе чѣмъ съ другими, и скорѣе даже менѣе, отвѣтила Лариса съ легкимъ движеніемъ досады. — Я нахожу, что онъ удобнѣе многихъ, а это уже что-нибудь значитъ. Вы къ нему несправедливы, княгиня.

— Я? удивилась Анна Всеволодовна. — Но вѣдь я въ этомъ случаѣ говорю прямо съ вашей точки зрѣнія. Вообще онъ даже въ нѣкоторомъ родѣ совершенство, но вѣдь не для васъ же!

— Вы опять хотите думать, что я не такая, какъ всѣ?

— Перестаньте, вы меня сердите. Вѣдь онъ олицетворенная пошлость, этотъ Беклищевъ.

Лариса бросила взглядъ по сторонамъ. Она какъ-будто искала кого-нибудь, чтобы оставить княгиню.

— Я не замѣтила, отвѣтила она; — мнѣ, напротивъ, кажется, что у него очень много такту, а въ жизни это можетъ быть даже важнѣе ума.

Анна Всеволодовна кинула на нее подозрительный взглядъ.

— Вы меня удивляете, сказала она; — отъ кого угодно я ожидала бы это услышать, но не отъ васъ.

— Ахъ, княгиня, вы не хотѣли повѣрить, когда я вамъ сказала, что стала совсѣмъ другая и совсѣмъ, совсѣмъ какъ всѣ! отвѣтила съ напряженною улыбкой Лариса. — Pardon, maman меня ищетъ, добавила она поспѣшно, и высвободивъ руку, повернула къ Марьѣ

Ивановнѣ, которая уже высматривала ее, стоя подлѣ князя Павла Платоновича.

— Я любовался вами, а это всегда оставляетъ во мнѣ грустное впечатлѣніе, сказалъ князь, здороваясь съ нею.

Лариса вопросительно взглянула на него.

— Потому что когда я васъ вижу въ обществѣ, я всегда спрашиваю: гдѣ же тотъ, который стоилъ бы ее? объяснилъ князь.

— А я, напротивъ, глядя на нихъ, думала себѣ: вотъ какъ разъ пара! высказалась Марья Ивановна. — Посмотрѣть на молодежь, такъ право Беклищевъ лучше ихъ всѣхъ.

— Въ танцахъ, я не спорю; но Лариса Григорьевна танцуетъ съ такимъ равнодушіемъ, что невольно думаешь совсѣмъ о другомъ. А для другаго другіе люди нужны, и вотъ ихъ-то и нѣтъ, возразилъ князь.

— Что это, сегодня всѣ точно сговорились изъ меня какое-то необыкновенное существо дѣлать! сказала съ короткимъ и неискреннимъ смѣхомъ Лариса.

Ей хотѣлось вызвать Павла Платоновича на разговоръ о Беклищевѣ, только не при матери.

— Мама, мы пройдемъ въ садъ, здѣсь такъ душно! сказала она. — Князь, вы не боитесь простудиться?

— Вы Беклищева давно знаете? спросила Лариса, входя съ нимъ въ освѣщенную разноцвѣтными фонариками аллею.

— Да, встрѣчаемся мы давно, отвѣтилъ князь; — онъ вѣдь здѣсь на виду, и притомъ изъ такихъ, которые скоро и далеко пойдутъ.

— Но вы такимъ не сочувствуете? улыбнулась Лариса.

Князь пожалъ плечами.

— Чему же тутъ сочувствовать! молвилъ онъ. — Типъ слишкомъ извѣстный, и совсѣмъ не симпатичный.

— Но я говорю не о типѣ, а о Леонидѣ Сергѣичѣ, возразила Лариса. — Мнѣ кажется, онъ вовсе не дурной человѣкъ.

— Кто же вамъ сказалъ, что я его считаю дурнымъ человѣкомъ? Онъ даже очень милый человѣкъ, возразилъ въ свою очередь Павелъ Платоновичъ. — Но я его мало знаю, и у насъ нѣтъ накакихъ поводовъ къ сближенію.

Лариса молча сдѣлала нѣсколько шаговъ.

— Согласитесь, князь, что въ вашемъ отзывѣ есть нѣкоторая доля пренебреженія, и на этотъ разъ мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ правы, заговорила она опять. — Я уже полгода знакома съ Беклищевымъ; заграницей мы видались довольно часто, и онъ на меня производитъ впечатлѣніе очень порядочнаго человѣка. Можетъ быть онъ слишкомъ принадлежитъ понятіямъ и интересамъ своего круга, но вѣдь этотъ кругъ имѣетъ же право на существованіе!

— Если вы разумѣете именно кругъ свѣтскихъ людей, дѣлающихъ карьеру путемъ связей, интригъ и отношеній, людей безъ дарованія, безъ серьезнаго ума, безъ хорошаго гражданскаго чувства, то по моему нѣтъ большой чести принадлежать къ этому кругу и раздѣлать его понятія и интересы, сказалъ князь.

Они дошли до конца аллеи и повернули.

— Нѣтъ, вы строги! сказала съ печальною интонаціею Лариса, и не возобновляла больше этого разговора.

Глава XXXVI.

Балъ потерялъ для нея свое радостное оживленіе. Ей было неспокойно, почти обидно. Какъ глупо, что всѣ судятъ со своей собственной точки зрѣнія, обращаются къ ней со своими исключительными притязаніями, какъ-будто она не имѣетъ права быть такою, какъ всѣ!

Она вернулась въ залу и стала между разубранными живою зеленью колонками, обводя задумчивымъ взглядомъ вальсирующія пары и стѣснившуюся пеструю, нарядную толпу, къ которой она сегодня чувствовала какую-то капризную симпатію.

«Зачѣмъ они всѣ увѣрили себя, что я не принадлежу этой толпѣ, что я совсѣмъ другая? Что мнѣ въ этихъ лестныхъ притязаніяхъ?» думала она почти съ раздраженіемъ. «Я не хочу быть другою чѣмъ всѣ, я хочу жить вотъ этою самою общею, обыкновенною, пустою жизнью, въ которой есть же что-нибудь привлекательное, если всѣ ищутъ ея и умѣютъ наслаждаться ею. И какой все это вздоръ! Вотъ, они всѣ веселы, счастливы, а мнѣ нельзя. Меня хотятъ увѣрить, что ихъ радости не достойны меня... Но что дадутъ мнѣ взамѣнъ? Печальное утѣшеніе презирать другихъ, тощую гордость аристократа, томящагося въ своемъ обязательномъ уединеніи? Я хочу жить какъ всѣ, никто не можетъ отнять у меня этого права»...

Старый князь Ладожскій разговаривалъ на другомъ концѣ залы съ хозяйкою дома. Лариса и на него взглянула недобрыми, вызывающими глазами. «Для нихъ такъ ясны законы чужой жизни, чужаго ума и сердца; а сами?» спрашивала она себя все съ тѣмъ же чувствомъ обиды и раздраженія. «Вотъ, этотъ добрѣйшій Павелъ Платоновичъ — на комъ онъ женился, и что онъ сдѣлалъ изъ своей жизни? А Глѣбъ Дмитричъ? Развѣ его молодость не ушла на какую-то мрачную драму, и потомъ... потомъ, развѣ онъ умѣлъ создать себѣ то, что нужно человѣку съ приподнятыми взглядами и

требованіями? Или Анна Всеволодовна... она не можетъ представить себѣ, чтобы мнѣ не было скучно съ Беклищевымъ, а сама замужемъ за Анатолемъ»!

— Ты не танцуешь больше? спросила, садясь подлѣ нея, Марья Ивановна.

— Не хочется... отвѣтила невеселымъ тономъ Лариса.

Къ ней подходили просить. Она отказывала, увѣряя, что никогда такъ много не танцуетъ. Наконецъ это наскучило ей.

— Мама, сядемъ въ гостиной, сказала она.

Беклищевъ пропустилъ ихъ въ дверяхъ и прошелъ вслѣдъ за ними. Лариса сѣла у круглаго стола, покрытаго альбомами.

— Здѣсь не такъ душно, сказалъ Беклищевъ, становясь подлѣ ея стула.

«Глупо онъ это сказалъ, или умно?» подумала съ не покидавшимъ ее тайнымъ раздраженіемъ Лариса. «Павелъ Платоновичъ или Глѣбъ Дмитричъ нашли бы, что это глупо... почему?»

Она съ капризнымъ оживленіемъ подняла голову.

— А васъ не интересуютъ танцующіе? спросила она.

— Когда вы сами не танцуете — нѣтъ, не интересуютъ, отвѣтилъ съ кокетливою серьезностью Беклищевъ. — Въ сущности, вѣдь все это немножко скучно, прибавилъ онъ.

— Развѣ свѣтъ не занимаетъ васъ? спросила Лариса.

Молодой генералъ пожалъ плечами.

— Въ мои годы свѣтъ дѣлается простою привычкой, отвѣтилъ онъ, и добавилъ съ едва примѣтною улыбкой: — Нынче мы всѣ ужасно рано дѣлаемся стариками.

— Въ самомъ дѣлѣ? переспросила Лариса. — Мнѣ, напротивъ, казалось, что это отсталая мода, которую донашиваютъ люди съ дурнымъ вкусомъ.

— Мода миновала, но явилась простая необходимость, возразилъ Беклищевъ: — каждому нынче надо до-

вольно много сдѣлать въ своей жизни, и приходится торопиться. Оттого молодость, съ ея счастливою праздностью, такъ сократилась.

— Правда, все какъ-то труднѣе дѣлается, вставила Марья Ивановна, переворачивая толстые листы альбома.

— И вы тоже имѣете въ виду многое сдѣлать? обратилась Лариса къ Беклищеву.

— Все на свѣтѣ относительно, и я конечно имѣю въ виду мои слабыя силы и способности, отвѣтилъ тотъ. — Я хотѣлъ сказать, что для того, кто серьезно смотритъ на свои обязанности — всегда много дѣла, продолжалъ онъ. — Если я не пренебрегалъ такъ-называемыми успѣхами по службѣ, то потому, что они расширяютъ сферу дѣятельности, даютъ болѣе отвѣтственныя задачи.

— У васъ по службѣ много занятій? спросила Лариса.

— Это опять очень относительно, объяснилъ генералъ; — въ извѣстномъ положеніи бываетъ у человѣка дѣло какъ-будто совсѣмъ невидимое, и которое, однако, даетъ толчокъ и направленіе всему, что дѣлается кругомъ. Въ нашей сферѣ вы можете встрѣтить людей, которые, повидимому, весь вѣкъ только вертятся въ свѣтѣ, ѣздятъ изъ дому въ домъ, разговариваютъ, дежурятъ, парадируютъ, а между тѣмъ, въ механизмѣ управленія ихъ значеніе въ полномъ смыслѣ громадное. Только благодаря имъ, политическая идея получаетъ движеніе, воплощается, собираетъ и связываетъ людей... Вы будете смѣяться, но этотъ свѣтъ такъ устроенъ, что даже тѣ, которые только говорятъ, вѣчно говорятъ, тѣмъ самымъ больше всѣхъ дѣлаютъ!

Выраженіе лица Ларисы, пока она слушала Беклищева, становилось все благосклоннѣе. Онъ въ первый разъ объяснялся съ нею о предметѣ, казавшемся такимъ серьезнымъ. Она была какъ-будто обрадована и успокоена. «Не нахожу, чтобы все это было похоже на слова глупаго и пошлаго человѣка», думала она съ тайнымъ упрекомъ, обращеннымъ ко всѣмъ тѣмъ, кто находилъ Беклищева недостаточно умнымъ и крупнымъ. «Во вся-

комъ случаѣ онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые даже глупую вещь умѣютъ сказать такъ, что она не покажется глупою... а не въ этомъ-ли, въ сущности, все дѣло?»

Она ласково улыбнулась.

— Я вѣдь совсѣмъ провинціалка и ничего не знаю въ этихъ вещахъ, мнѣ надо объяснять какъ ребенку, сказала она.

Беклищевъ подвинулъ стулъ и сѣлъ.

— Я приведу очень простой и наглядный примѣръ, это лучше всего объяснитъ мою мысль, охотно продолжалъ онъ. — Вы знаете, что въ настоящее время въ нашей политикѣ совершается крутой переломъ, поворотъ на совершенно новую дорогу, къ совсѣмъ инымъ цѣлямъ. Обстоятельство громадной важности, отъ котораго вся наша государственная жизнь получитъ новую форму и новое содержаніе. Но развѣ это имѣетъ видъ такъ-называемаго дѣла, то-есть работы, исполненной трудомъ? Нѣтъ, этотъ громадный переломъ совершается какъ-будто самъ собою, то-есть тѣми съ виду ничего не дѣлающими людьми, которые, въ сущности, все дѣлаютъ. Происходитъ, конечно, также и детальная работа: какіе-то дѣльцы составляютъ законодательные проекты, секретари пишутъ протоколы, въ канцеляріяхъ растутъ дѣла, но настоящая, творческая роль принадлежитъ не этимъ дѣльцамъ и труженикамъ. Исторію дѣлаетъ общество, то-есть въ тѣсномъ смыслѣ — свѣтъ. У насъ этому слову придаютъ почти оскорбительное значеніе; а знаете-ли, что свѣтъ, и особенно большой свѣтъ, страшно могущественъ? Въ сущности, отъ него все зависитъ, онъ всѣмъ управляетъ. Люди власти или прямо берутся изъ него и сохраняютъ всѣ связи съ нимъ, или невольно и почти незамѣтно подчиняются ему. Увѣряю васъ, что каждый министръ гораздо меньше зависитъ отъ своихъ взглядовъ и убѣжденій, чѣмъ отъ тысячи совершенно праздныхъ повидимому людей, составляющихъ свѣтъ. И вотъ поэтому роль въ свѣтѣ въ сущности гораздо важнѣе непосредственной офиціальной роли. Это до такой степени вѣрно, что еслибы кто-нибудь мнѣ сказалъ, что вотъ этотъ сего-

дняшній балъ, на которомъ танцуютъ и говорятъ другъ другу любезности, имѣетъ политическое значеніе — я не удивился бы и не сталъ бы спорить.

Лариса слушала почти съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Это очень интересно, все, что вы мнѣ объясняете, сказала она; — я такъ мало думала объ этихъ вещахъ.

Беклищевъ снисходительно улыбнулся.

— Эти вещи кажутся скучными только когда находишься въ сторонѣ отъ нихъ, отвѣтилъ онъ. — Я убѣжденъ, что у васъ очень скоро явится вкусъ къ нимъ, тѣмъ болѣе, что въ политическомъ творчествѣ такъ-называемаго свѣта женщинѣ принадлежитъ огромная роль.

— Въ самомъ дѣлѣ? переспросила Лариса.

— Есть даже прямо политическія женщины, съ серьезнымъ видомъ подтвердилъ Беклищевъ. — Не знакома вамъ, напримѣръ, вонъ та дама въ бѣломъ, съ фуксіями въ волосахъ? Это жена одного генерала... ни одинъ дипломатъ не сравнится съ нею въ искусствѣ интриги.

— Но интрига, это вѣдь не политика, возразила Лариса.

— Въ такомъ случаѣ она гораздо важнѣе политики, отвѣтилъ Беклищевъ; — идея будетъ только безполезно носиться по воздуху, если ею не овладѣетъ интрига.

— Слѣдовательно и вотъ этотъ переломъ, о которомъ вы сейчасъ говорили, въ сущности есть дѣло интриги? неожиданно бросила Лариса.

Лицо Беклищева оживилось тою же снисходительною улыбкой.

— Я сдѣлалъ ошибку, допустивъ раздѣленіе политики и интриги; на дѣлѣ онѣ всегда нераздѣлимы, отвѣтилъ онъ. — И это очень естественно, потому что политика есть борьба, а гдѣ борьба — тамъ и интрига.

— Здѣсь, въ Петербургѣ, все интригами достигается, простодушно вставила Марья Ивановна.

Беклищевъ даже и виду не показалъ, чтобы почувствовалъ неумѣстность замѣчанія, а напротивъ, съ самымъ любезнымъ выраженіемъ обратился къ Марьѣ Ивановнѣ:

— Да, это вѣрно, но знаете, почему это неизбѣжно? сказалъ онъ какъ бы даже съ удовольствіемъ. — Потому что всѣ интересы, личные и политическіе, до крайности переплетены и перепутаны въ жизни. Кто-нибудь, напримѣръ, добивается важнаго служебнаго положенія; это, конечно, его личный интересъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно необходимо для него, чтобы расширить сферу значенія и дѣятельности. Или представьте себѣ, что у какой-нибудь графини Х. есть тяжба съ казною: это также ея личный интересъ, но ей помогаютъ выиграть дѣло, потому что она въ свою очередь даетъ поддержку въ свѣтѣ, а это имѣетъ уже громадное вліяніе на карьеру.

— Я понимаю, разумѣется, какъ же иначе! сказала совершенно удовлетворенная объясненіемъ Марья Ивановна.

Лариса потянула къ себѣ альбомъ, и положивъ руку между листами, задумчиво наклонила голову. Лицо ея было серьезно.

— Но въ политикѣ необходимы извѣстные взгляды, не правда-ли? сказала она. — Если участвуешь въ борьбѣ, то надо стоять на какой-нибудь сторонѣ, знать своихъ друзей и враговъ?

— Безъ сомнѣнія, отвѣтилъ Беклищевъ; — дѣйствовать не опираясь на какую-нибудь партію было бы очень трудно.

— Вы, сколько я могла понять, сочувствуете этому... новому направленію? продолжала Лариса.

— Въ настоящихъ обстоятельствахъ это единственное направленіе, которое имѣетъ будущность, отвѣтилъ Беклищевъ.

— Такъ-что вы держитесь либеральнаго образа мыслей? Извините за вопросъ, я вѣдь совсѣмъ не знаю вашихъ политическихъ убѣжденій, сказала, улыбаясь, Лариса.

Беклищевъ тоже улыбнулся, и придалъ этой улыбкѣ какъ бы замысловатое выраженіе.

— Убѣжденіе — это слишкомъ литературное слово, и для насъ, людей дѣйствія, въ немъ всегда заключается лишнее недоразумѣніе, отвѣтилъ онъ. — Мы вообще больше понимаемъ образъ дѣйствія, чѣмъ образъ мыслей. Въ настоящую минуту мы испробываемъ именно новый образъ дѣйствія, ничего больше. Мы идемъ навстрѣчу созрѣвшихъ въ обществѣ требованій, вотъ и все. Задача политическихъ людей именно въ томъ и состоитъ, чтобы регулировать общественныя потребности. Насъ жмутъ, мы сопротивляемся; насъ жмутъ сильнѣе — мы начинаемъ уступать, мы такъ-сказать переходимъ на сторону тѣхъ, которые жмутъ, и такимъ образомъ дѣлаемся сильнѣе и свободнѣе. Въ этомъ заключается все искусство управленія.

— Немножко à la, Napoléon III, мнѣ кажется! сказала Лариса.

Беклищевъ сдѣлалъ глубокомысленное лицо.

— Наполеонъ III, не смотря на всѣ его ошибки, былъ одинъ изъ величайшихъ политическихъ людей, у котораго долго будутъ учиться, отвѣтилъ онъ серьезно.

Глава XXXVII.

Въ саду эффектно хлопнула и взвилась ракета. Беклищевъ поспѣшно всталъ и подалъ дамамъ ихъ накидки.

— Фейерверкъ навѣрное будетъ очень блестящій, сказалъ онъ.

Садъ дѣйствительно, былъ весь въ огняхъ. Вертящіяся кометы съ хвостами, каскады огнистыхъ брызговъ, всплывающія къ небу и разсыпающіяся разноцвѣтными искрами звѣзды, тихо сверкающіе брилліантами вензеля, наполняли темный воздухъ ночи радостнымъ блескомъ и шумомъ. Графъ Заржицкій очевидно самъ сознавалъ, что его балъ имѣетъ значеніе, и не пощадилъ издержекъ.

Разгорѣвшіяся, оживленныя лица улыбались, казались поэтичнѣе отъ причудливаго блеска огней. Всѣ какъ-будто чувствовали себя веселѣе и свободнѣе при этомъ рѣзкомъ и странномъ освѣщеніи, то мгновенно пожирающемъ темноту ночи, то также мгновенно погасающемъ.

Беклищевъ, стоя возлѣ Ларисы, поминутно раскланивался со знакомыми, внося въ эти поклоны тѣ неуловимые оттѣнки большаго или меньшаго вниманія, которыми онъ умѣлъ различать людей по ихъ общественному положенію. Нѣсколько разъ онъ какъ бы съ радостнымъ выраженіемъ обращался къ Ларисѣ, сообщая ей титулъ и званіе только-что отошедшаго сановника, и передавая сказанное имъ petit mot. «Положительно, здѣсь всѣ наши», повторялъ онъ, выравниваясь на каблукахъ и обводя толпу совершенно довольнымъ взглядомъ.

Князь Роро, выпившій нѣсколько стакановъ шампанскаго и потому какъ-то странно, весело и слезливо щурившій слегка опухшіе глаза, шелъ навстрѣчу, вглядываясь въ ярко освѣщенныя лица дамъ. Беклищевъ вдругъ встрепенулся.

— Позволите представить вамъ моего стариннаго друга, князя Ретвизанова? быстро обратился онъ къ Марьѣ Ивановнѣ. — Это одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей въ нѣкоторыхъ сферахъ.

И не дождавшись отвѣта, онъ поспѣшно направился къ Роро и подвелъ его за руку.

— Я давно искалъ этой чести... проговорилъ тотъ, и еще веселѣе сощурилъ глаза. — Праздникъ удался какъ нельзя болѣе, не правда-ли? обратился онъ къ Ларисѣ. — Впрочемъ, ваше мнѣніе не можетъ быть безпристрастно.

— Почему? спросила Лариса.

— Потому что вы царица этого бала... Я не понимаю, какъ это могло случиться, что я до сихъ поръ не имѣлъ чести быть представленъ вамъ. Это ваша вина, Беклищевъ!

Онъ весело наклонился въ его сторону и пожалъ ему руку.

— Я понимаю, понимаю! шепнулъ онъ ему.

— А, электрическое солнце! обратился онъ снова къ Ларисѣ. — Вотъ нѣсколько рискованное испытаніе, изъ котораго только молодость и свѣжесть выходятъ побѣдительницами. Вы увидите, какими неожиданными красками расцвѣтятся лица дамъ. Этотъ графъ злодѣй, положительно злодѣй со своимъ электрическимъ свѣтомъ. Боже мой, взгляните, какая смертельная блѣдность внезапно покрыла лицо этой красавицы, вотъ тутъ, направо отъ васъ. Случалось вамъ когда-нибудь видѣть голубо-кожихъ женщинъ?

Лариса повела взглядомъ, и неожиданно встрѣтилась глазами съ madame Хвощевой.

Электрическое солнце дѣйствительно сыграло недобрую шутку съ красотой Клеопатры Михайловны: она была совсѣмъ блѣдно-синяя, и очень обрадовалась случаю повернуться спиной къ предательскому свѣту.

— Здѣсь такая толпа, что я могла только издали любоваться вами, сказала она. — Вашъ туалетъ восхитителенъ, какъ и вы сами... впрочемъ, князь безъ сомнѣнія уже сообщилъ вамъ это.

— О туалетѣ еще не успѣлъ, а о самой mademoiselle Соколинской не смѣлъ, возразилъ съ маленькимъ смѣхомъ Роро. — Но посмотрите, какъ ослѣпителенъ этотъ свѣтъ на зелени, просто волшебство... прибавилъ онъ не безъ ехидства.

— Нѣтъ, мнѣ глазамъ больно, отказалась Хвощева.

— Прекрасные глаза всегда отличаются слабымъ зрѣніемъ, вымолвилъ ей въ упоръ Роро.

Хвощева очень любезно улыбнулась.

— Знаете, князь, люди насмѣшливые, какъ вы, не должны говорить комплиментовъ, сказала она; — но на этотъ разъ я вамъ прощаю.

Она немножко боялась Роро, пользовавшагося въ свѣтѣ репутаціей очень злаго языка. Роро самъ усердно старался поддержать эту репутацію, такъ какъ только благодаря дешевымъ сарказмамъ, отличавшимъ его разговоръ, онъ считался человѣкомъ значительнаго ума, и способнымъ рѣшительно ко всякому дѣлу.

— Хотите пройтись немножко? предложила Хвощева Ларисѣ, и взяла ее подъ руку. — Этотъ Роро циникъ до мозга костей и презлющій, но такихъ людей всегда лучше имѣть на своей сторонѣ, чѣмъ противъ себя, продолжала она, какъ только онѣ отошли на нѣсколько шаговъ. — Я охотно позволяю ему иногда маленькія колкости, чтобъ имѣть право платить тою же монетой. Но, chère Лариса Михайловна, я васъ отозвала въ сторону, чтобы сказать вамъ какъ я рада, какъ я искренно рада...

И своею пухлою рукой она крѣпко сжала руку Ларисы.

— Вы рады? вопросительно повторила та.

— По настоящему, я должна была бы прежде всего упрекнуть васъ, отвѣтила Хвощева: — мнѣ кажется, я имѣю нѣкоторое право на вашу откровенность. Но я знаю вашъ скрытный характеръ, и притомъ... не надо откровенности для того, кто умѣетъ видѣть и наблюдать.

— Вы говорите загадками, сказала съ чуть примѣтнымъ движеніемъ бровей Лариса.

Хвощева опять дружески дотронулась до ея руки.

— Не запирайтесь, я за вами слѣдила, я все поняла, продолжала Клеопатра Михайловна; — повѣрьте моей опытности, лучшаго выбора вы не могли сдѣлать. Это одинъ изъ милѣйшихъ людей въ нашемъ обществѣ; я нахожу, что онъ просто созданъ для васъ!

— Но увѣряю васъ, что я объ этомъ даже не думала, сказала Лариса, и слегка покраснѣла. — А вы его давно знаете? прибавила она тутъ же.

Ей хотѣлось какъ можно больше услышать о Беклищевѣ отъ женщины, которая очевидно благоволила къ нему. Клеопатра Михайловна, со свойственною ей проницательностью, поняла этотъ поспѣшный вопросъ.

— Я не была съ нимъ близко знакома, но когда человѣкъ выдается между другими, заставляетъ говорить о себѣ, всегда кажется, что его больше другихъ знаешь, отвѣтила она. — И въ особенности благодаря врагамъ, которыхъ у такихъ людей всегда много.

— Но если вы его узнали со словъ враговъ... замѣтила Лариса.

— Вы ошибаетесь, злословіе иногда помогаетъ лучше оцѣнить истинныя качества человѣка, перебила ее Хвощева, — оно вызываетъ повѣрку, привлекаетъ вниманіе. Беклищевъ изъ тѣхъ людей, которые выигрываютъ при ближайшемъ знакомствѣ.

— Мнѣ тоже такъ кажется! сказала Лариса.

— О, я увѣрена! улыбнулась Хвощева, и подумала: «это не Нестужевъ, я надѣюсь!» — Это человѣкъ, который можетъ дать женщинѣ блестящую роль. Я понимаю, можно пренебрегать положеніемъ въ свѣтѣ, но прежде надо занять его.

«Странная мысль!» невольно подумала Лариса.

— Знаете, почему я особенно была бы рада вашему счастью? продолжала еще болѣе дружескимъ, вкрадчивымъ тономъ Клеопатра Михайловна: — потому что я имѣла бы право считать себя несовсѣмъ непричастною ему... вѣдь мнѣ удалось немножко предостеречь васъ отъ печальной ошибки, когда вы еще не знали ни людей, ни

жизни... Кстати, вы совсѣмъ не встрѣчаетесь теперь съ Ипполитомъ Сергѣичемъ?

— Онъ совсѣмъ забылъ насъ, отвѣтила смущенная этимъ оборотомъ разговора Лариса.

— И полагаю, что онъ правъ! засмѣялась Хвощева. Фейерверкъ погасъ, и всѣ спѣшили въ комнаты. На террасѣ Ларису встрѣтили Беклищевъ и Роро. Послѣдній только-что отошелъ отъ пожилаго господина, украшеннаго очень рѣдкою звѣздой.

— Я въ совершенномъ отчаяніи отъ нашего милѣйшаго хозяина; оказывается, что онъ рѣшительно никого не представилъ вамъ! заговорилъ Роро. — Сейчасъ вотъ этотъ господинъ спрашивалъ меня, кто эта восхитительная особа, съ которою я стоялъ въ саду? Помилуйте, говорю, вы не знаете! какое же вы послѣ этого правительство! Въ самомъ дѣлѣ, это непростительно. Я бѣгу отыскать графа, чтобы сдѣлать ему строжайшій выговоръ.

И Роро черезъ минуту дѣйствительно притащилъ подъ руку Заржицкаго, который тотчасъ разсыпался предъ удивленною Марьей Ивановной въ самыхъ изысканныхъ извиненіяхъ, и затѣмъ подвелъ, любезно обхвативъ рукой за талію, сановника, украшеннаго рѣдкою звѣздой. Всѣ перешли въ гостиную. За сановникомъ послѣдовалъ легкотѣлый «маркизъ» и еще двѣ очень важныя особы. Около Волчецъ-Соколинскихъ образовался кружокъ, на который остальные гости взглядывали съ нѣкоторымъ почтительнымъ любопытствомъ. Лариса должна была выслушать стереотипныя любезности, которымъ привычка къ оффиціальнымъ сферамъ сообщила нѣсколько особый тонъ, какъ бы пахнущій нежилымъ запахомъ высшихъ присутственныхъ залъ. Это отзывалось скукой, но Ларису занимало, что она вдругъ сдѣлалась предметомъ вниманія такихъ серьезныхъ и важныхъ людей, и что эти люди обязательно стремятся въ ея присутствіи быть не такими, какъ привыкли. Ей даже показалось, что между ними Беклищевъ держитъ себя серьезнѣе всѣхъ, и что его слова имѣютъ вѣсъ. Новое, еще не опредѣлившееся и почти радостное впечатлѣніе тайно

вкрадывалось ей въ душу. Она словно вступала въ какую-то другую сферу жизни, и въ этой сферѣ все глядѣло такъ внушительно-парадно, такъ казалось полно какого-то высшаго содержанія. Ей думалось, что она встрѣчается съ «людьми дѣйствія», подлѣ которыхъ все другое, чего она привыкла искать въ человѣкѣ, теряетъ значеніе, дѣлается «чѣмъ-то литературнымъ», по выраженію Беклищева — то-есть призрачнымъ и несерьезнымъ. А здѣсь дѣло, сила, власть — и блескъ, всегда окружающій силу и власть, даже когда она безсильна и безвластна.

Клеопатра Михайловна, воспользовавшись удобною минутой, отозвала Беклищева въ сторону и сказала полушутя, полусерьезно:

— Вы не чувствуете себя въ долгу у меня? Я сейчасъ ворожила для васъ.

И на вопросительный взглядъ Беклищева, прибавила:

— Развѣ вы не знаете, что Ларису Григорьевну я первая открыла, и что въ свѣтѣ я при ней въ должности ментора? Совѣтую вамъ заручиться моимъ полнымъ благорасположеніемъ.

— Я всегда зналъ цѣну вашего благорасположенія, какъ-то замысловато отвѣтилъ Беклищевъ, и сдѣлалъ холодное лицо.

— О, я знаю, вы изъ тѣхъ любезныхъ людей, которые не замѣчаютъ, когда женщина старѣетъ и перестаетъ быть интересною, продолжала Клеопатра Михайловна тѣмъ тономъ, въ которомъ у нея звучало столько же ироніи, сколько искренней любезности. — Но какъ здоровье вашей матушки? Я все собиралась навѣстить ее, но вы не знаете, у меня такіе хлопоты съ этою землей въ Оренбургской губерніи. Представьте себѣ, этотъ участокъ, который былъ назначенъ мужу, теперь хотятъ отдать Бертяеву. Такія тамъ интриги, что просто желчь разливается. Мужъ служитъ чуть не пятьдесятъ лѣтъ, и наконецъ, всѣмъ извѣстна его послѣдняя дѣятельность въ Болгаріи... Я буду просить уважаемую Таисію Ивановну принять участіе. Я застану ее завтра?

— Вы знаете, матушка почти никогда не выѣзжаетъ, тѣмъ же холоднымъ тономъ отвѣтилъ Беклищевъ.

— Такъ я пріѣду! сказала Хвощева, и значительно на него взглянула.

Беклищевъ понялъ, что она назначила «цѣну» своему благорасположенію.

Глава XXXVIII.

Звуки мазурки произвели новое движеніе. Лариса охотно осталась бы въ гостиной, но она уже обѣщала. Молодой иностранный графъ съ маленькими усами и съ лысиной на узкомъ черепѣ, отыскалъ ее и подалъ руку. Она встала съ сожалѣніемъ. Заржицкій хлопоталъ: онъ считалъ, что мазурка у него должна отличаться особеннымъ блескомъ. Въ первой парѣ оказалась одна изъ самыхъ крупныхъ красавицъ, полька по происхожденію, а съ нею высокій блондинъ очень представительной наружности. Оба съ сосредоточеннымъ вниманіемъ глядѣли другъ на друга, выжидая сигнала, и наконецъ серьезно и плавно понеслись по залѣ, то какъ бы разлетаясь, то снова обращаясь другъ къ другу, поводя плечами, танцуя не ногами только, но какъ бы всѣмъ тѣломъ, даже выраженіемъ глазъ и улыбокъ.

— Кто этотъ блондинъ? спросилъ хозяина одинъ изъ не танцующихъ.

— А то графъ Вонсовичъ! отвѣтилъ Заржицкій, какъ бы удивленный, что его не знаютъ. — То первый мазуристъ у насъ!

Вонсовичъ уже съ годъ какъ исчезъ изъ Петербурга, и его немножко успѣли позабыть. Даже и сегодня онъ до этой минута какъ-то не былъ замѣтенъ, словно его нарочно приберегали для мазурки, чтобы показать во всемъ блескѣ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ блистателенъ, онъ былъ даже какъ-то особенно необходимъ на этомъ балѣ, со своею не русскою фигурой и серьезнымъ, скрытнымъ выраженіемъ улыбающагося лица.

Часть гостей, налюбовавшись мазуркой, понемногу разошлась въ сосѣднія комнаты. Въ большой гостиной образовалась группа пожилыхъ людей, на которую взглядывали издали, и проходили мимо, какъ бы съ почтительною осторожностью. Разговоръ въ этой группѣ замѣтно оживился, оставаясь въ томъ негромкомъ тонѣ,

какимъ говорятъ люди, не желающіе чтобъ ихъ слышали посторонніе.

— Со временъ Петра дорога ясно указана: постепенное преобразованіе государства по европейскому образцу; эта задача такъ широка и такъ опредѣленна, что въ ней нельзя ни прибавить, ни убавить ни одного слова, говорилъ сидѣвшій въ центрѣ кружка генералъ.

— Но со временъ Петра наука и политика ушли очень далеко впередъ, и на сцену выдвинулись очень важные вопросы — историческіе, національные, возражалъ высокій и сутуловатый господинъ во фракѣ. — Наука освѣтила намъ наше прошедшее, указала свои собственныя формы самоуправленія и свободы. Я стою за земскій соборъ, организованный въ правильныхъ условіяхъ періодичности, и который, въ сущности, былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ увѣнчаніемъ земской реформы.

— Славянофильская идея! а славянофилы составляютъ маленькую литературную партію безъ всякаго значенія, возразилъ генералъ. — И притомъ, такое экстренно созванное учрежденіе, какъ земскій соборъ, можетъ подпасть подъ вліяніе этихъ тамъ національныхъ увлеченій; вы представьте себѣ, напримѣръ, соборъ во время замѣшательствъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ родѣ сербской войны... это значило бы поставить все вверхъ дномъ. Нѣтъ, въ соборѣ всегда будутъ таиться эти разныя національныя идеи, которымъ всего опаснѣе предоставить свободу. Признаюсь вамъ, изъ всѣхъ дурныхъ запаховъ, мнѣ всегда казался подозрительнѣе другихъ этотъ triple extrait du moujik russe.

— Къ тому же, это надо еще создавать, тогда какъ европейскія формы выработаны окончательно и представляютъ собою организмъ чрезвычайно гибкій и въ сущности послушный, подтвердилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

— Европейскія формы — понятіе слишкомъ тѣсное, потому что мы имѣемъ предъ собою Америку, которую, кажется, намъ никакъ нельзя забывать, замѣтилъ со своей стороны Безбѣдный. — Я разумѣю, конечно, не

республику, а лишь подробности организаціи, приложимыя къ нашей странѣ больше, чѣмъ ко всякой европейской.

Сановникъ во фракѣ бросилъ по направленію къ Безбѣдному сочувственный взглядъ.

— Я совершенно понимаю вашу мысль, и мнѣ всегда казалось, что Россія, чтобы сохранить свои окраины, должна будетъ, рано или поздно, придти къ федераціи, къ автономіи областей и народностей, сказалъ онъ. — Окраины опередили насъ въ культурномъ отношеніи, а между тѣмъ каждая изъ нихъ дала бы ничтожное меньшинство въ представительномъ собраніи, будетъ-ли то земскій соборъ, или постоянная палата.

— Ахъ, опять этотъ несносный споръ о земскомъ соборѣ и Парламентѣ! вдругъ сказала политическая дама съ фуксіями, смѣло подходя къ разговаривавшимъ.

У нея лицо было влажно, и бальная куафюра ея уже замѣтно разстроились. Ей подвинули кресло.

— Удивляюсь, какъ вамъ не надоѣло, господа, продолжала она; — это вѣдь уже совсѣмъ рѣшено, что прежде всего соборъ, созванный всеобщею подачей голосовъ, и такъ, чтобы въ немъ всѣ были: и офицеры, и попы, и женщины. И потомъ уже этотъ соборъ самъ рѣшитъ, что дѣлать съ Россіею.

— Mais c'est simple comme bonjour, сказалъ, тоже подходя, князь Роро.

— Не правда-ли? съ живостью обернулась къ нему дама съ фуксіями, но замѣтивъ ироническое выраженіе его лица, тотчасъ продолжала: — А знаете, съ кѣмъ я сейчасъ говорила? Съ графомъ Вонсовичемъ. Онъ только-что изъ заграницы, и разсказываетъ, что тамъ намъ сочувствуютъ, совершенно сочувствуютъ, и находятъ, что человѣкъ, давшій это направленіе нашей политикѣ, въ полномъ смыслѣ слова геніальный человѣкъ.

— Кто жь въ этомъ сомнѣвается! процѣдилъ сквозь зубы одинъ изъ присутствующихъ.

— Кстати, этотъ Вонсовичъ у меня завтра будетъ; съ нимъ не мѣшаетъ ближе познакомиться, это въ пол-

номъ смыслѣ политическій человѣкъ, продолжала дама съ фуксіями. — Онъ и въ Женевѣ, и въ Лондонѣ знаетъ всѣхъ нашихъ. Можете себѣ представить. Бисмаркъ вызывалъ его къ себѣ въ Варцинъ. Entre-nous, знаете-ли, что я подозрѣваю? прибавила дама, понижая голосъ; — мнѣ кажется, что онъ имѣетъ въ виду присмотрѣться тутъ, ощупать почву... Дѣло въ томъ, что тѣ, заграничные, не видятъ больше возможности продолжать борьбу. У нихъ двѣ партіи: одна, самая непримиримая, считаетъ, что нынѣшнія вѣянія не прочны, и хочетъ просто переждать; другая потеряла всякую надежду, она ясно видитъ, что русское общество примирено съ правительствомъ, что революція подавлена ея собственнымъ оружіемъ. Вотъ эта партія, самая многочисленная, готова признать себя побѣжденною.

— У нея отнята почва, сказалъ съ самоувѣренною небрежностью генералъ.

Лица присутствующихъ оживились такою же самоувѣренною и самодовольною улыбкой.

— Какъ мало въ сущности нужно, чтобы управлять людьми! сказалъ одинъ изъ нихъ.

Другой, напротивъ, какъ-будто обидѣлся этимъ замѣчаніемъ.

— Ну, однако раньше не умѣли, возразилъ онъ, значительно сжавъ губы.

— Да, на самомъ дѣлѣ, это совсѣмъ не такъ легко, подтвердилъ Безбѣдный.

«Маркизъ», уже съ минуту обнаруживавшій нѣкорое волненіе во всѣхъ членахъ, вдругъ сказалъ:

— А вы читали, господа, какъ меня сегодня въ газетахъ отдѣлали?

И лицо его выразило какъ бы блаженную улыбку, точно газетная отдѣлка доставляла ему самое большое удовольствіе. Присутствующіе одобрительно взглянули на него.

— Они торопятъ, хотятъ, чтобы я въ двадцать четыре часа перевернулъ все вверхъ дномъ. Надо же время, господа! продолжалъ «маркизъ», словно оправдываясь. —

Но знаете, какъ я поступилъ? Я пригласилъ двухъ журналистовъ обѣдать, и благодарилъ ихъ за честное отношеніе къ дѣлу. Я имъ прямо свазалъ: «бранитесь, господа, бранитесь, вы тѣмъ только помогаете намъ, потому что у насъ однѣ и тѣ же цѣли. Бранитесь, вы заставите насъ наконецъ послушаться васъ».

— Это тонко, прищурился князь Роро.

«Маркизъ» навелъ на губы хитрую улыбку, и такъ и замеръ въ созерцаніи собственной тонкости.

— Съ печатью либеральною такая тактика совершенно понятна, потому что мы должны найти въ ней друзей; но консервативную надо непремѣнно раздавить! сказалъ Безбѣдный, и въ голосѣ его внезапно зазвучала такая злоба, которой нельзя было даже предполагать въ этомъ совершенно сытомъ человѣкѣ.

Присутствующіе только значительно сжали губы.

Музыка въ залѣ продолжала гремѣть; и въ то время, какъ щеголеватыя, веселыя, отдавшіяся наслажденію пары шумно носились по паркету — по угламъ большой залы и въ уютныхъ гостиныхъ въ тайнѣ совершалась другая, незримая часть праздника, торжествовалась какая-то побѣда, слышались ликованія... А надъ потемнѣвшими верхушками сада глубокое небо дышало сыростью и холодомъ, и холодно мигали звѣзды, и луна все выше всплывала, роняя сквозь прозрачныя облака свой ироническій свѣтъ.

Нева казалась неподвижною, какъ полированная сталь. Но подъ мохнатыми елями, тѣснившимися на низкомъ берегу, было темно, и такъ пустынно и тихо, какъ будто отъ вѣка здѣсь не ступала нога человѣческая. Однако здѣсь были люди. Нѣсколько темныхъ фигуръ медленно пробирались между деревьями, уходя отъ желторозоваго зарева, висѣвшаго надъ дачей Заржицкаго.

— Ну, гдѣ же наконецъ? спросилъ какъ бы безпокойнымъ тономъ одинъ изъ нихъ, у котораго отъ усталости, и можетъ быть отъ тайнаго волненія, давно уже выступилъ холодный потъ подъ мягкою войлочною шляпой.

Остальные значительно переглянулись между собою.

— Да пожалуй хоть здѣсь! сказалъ шедшій позади всѣхъ, и вдругъ быстрымъ движеніемъ опрокинулъ спрашивавшаго на землю, свалился на него и обхватилъ ему шею жилистыми пальцами. Несчастный только выкатилъ глаза.

— Догадался теперь, зачѣмъ тебя привели сюда? произнесъ душившій, и стиснувъ зубы, совсѣмъ налегъ на него.

Въ потьмахъ видна была только копошившаяся на мокрой травѣ масса, и слышался хрипъ и скрипъ зубовъ. Лежавшій сверху приподнялся, вынулъ изъ за голенища ножъ, и снова припалъ въ траву.

— Гдѣ записка? негромко спросилъ онъ товарищей, откинувшись на колѣняхъ предъ распростертымъ навзничь трупомъ.

Голосъ его до такой степени измѣнился, что-то такое несказанно жуткое слышалось въ немъ, что присутствовавшіе невольно вздрогнули. Одинъ изъ нихъ подалъ листокъ бумаги. На немъ крупнымъ почеркомъ были написаны слова: «Казненъ по приговору исполнительнаго комитета, за шпіонство». Стоявшій на колѣняхъ надѣлъ записку, прорвавъ ее посрединѣ, на рукоятку ножа, и медленно всталъ.

— Собакѣ собачья смерть! сказалъ онъ, конвульсивно тряхнувъ головой и плечами.

Всѣ какъ-то тупо пятились и жались въ темнотѣ. Одинъ, заложивъ руки въ карманы пальто, подошелъ, пошатываясь, къ трупу, и какъ-будто пытался пристально заглянуть подъ надвинутую ему на глаза шляпу съ большими мягкими полями. Но онъ ничего не видѣлъ; онъ кажется былъ мертвѣе этого мертваго тѣла, и выраженіе его искаженнаго лица было почти безумно. Кто-то потянулъ его за пальто. Онъ вздрогнулъ и повернулся.

— Идемъ! боязливымъ шепотомъ сказалъ голосъ товарища.

Извоевъ машинально пошелъ вслѣдъ за другими. «И это сдѣлалось! я это видѣлъ, я былъ съ ними!» металось въ его мозгу, и ноги, спотыкаясь, едва держали его.

Глава XXXIX.

Пахтаевъ на другой день, какъ обѣщалъ, заѣхалъ къ Полинѣ и получилъ отъ нея вексель, на которомъ долженъ былъ поставить бланкъ. Коко не было дома, хотя Пахтаевъ, входя въ будуаръ, ясно видѣлъ въ зеркальномъ шкапу отраженіе его долговязой фигуры, быстро шмыгнувшей по ковру. Но такъ вышло еще лучше: все получило видъ маленькой шалости, о которой даже не стоитъ думать серьезно. Полина вертѣла форменнымъ клочкомъ бумаги, какъ вертятъ между пальцами кускомъ отпоротой ленты, и на вопросъ — кто же собственно обѣщалъ выдать деньги, призналась самымъ легкомысленнымъ образомъ, что не знаетъ его фамиліи.

— Ну, вотъ представьте же себѣ, что я не подумала спросить объ этомъ у мужа, говорила она со смѣхомъ. — Вѣроятно даже онъ и называлъ его, да я не помню. Впрочемъ, постойте, у меня гдѣ-то записанъ адресъ; я сейчасъ сыщу.

Волоча по ковру подшитый кружевами трэнъ голубаго халатика, она подошла къ бюро, вытрясла изъ ящичка цѣлый ворохъ какихъ-то клочковъ, и наконецъ нашла полоску бумаги съ написанными на ней словами: «Большая Садовая, домъ №62, меблированныя комнаты».

— Я найду, сказалъ Пахтаевъ, пряча бумажку за перчатку.

— Но, право, мнѣ такъ досадно, что вы будете сами возиться съ этими пустяками, проговорила Полина, опуская на его вѣчно свѣжіе погоны свои красивыя, тонкія и круглыя руки, сверкавшія молочнымъ блескомъ слоновой кости.

— Полноте, это не стоитъ разговора, отвѣтилъ Пахтаевъ, прижимая усы и губы къ этимъ рукамъ.

Онъ взялъ фуражку.

— Уже? спросила тономъ сожалѣнія Полина.

— Да, вѣдь эти вещи дѣлаются утромъ, надо будетъ поѣхать къ нотаріусу, да притомъ вѣроятно и деньги еще гдѣ-нибудь въ банкѣ, объяснилъ Пахтаевъ.

— Но вы вернетесь, не правда-ли? Мужъ не обѣдаетъ дома, одной такъ скучно, пригласила Полина.

Генералъ обѣщалъ и простился.

— A bientôt! крикнула она ему, опуская портьеру. Черезъ четверть часа Пахтаевъ поднялся по крутой и темноватой лѣстницѣ и позвонилъ.

— Мнѣ у васъ надо отыскать одного господина, только я его фамиліи не знаю; онъ разными денежными дѣлами занимается, объяснилъ онъ отворившей ему горничной, и по свойственной ему щепетильности и конфузливости, слегка покраснѣлъ при этомъ.

— Это вотъ сюда, первая дверь направо, тотчасъ догадалась служанка.

Пахтаевъ сбросилъ шинель и вошелъ. Въ большой комнатѣ, убранной съ тѣмъ полинялымъ комфортомъ, съ какимъ вообще меблируются такія комнаты, за письменнымъ столомъ сидѣлъ маленькій, довольно кругленькій старичекъ, одѣтый въ поношенное драповое пальто. При входѣ посѣтителя онъ повернулъ круглую, сѣдую, коротко остриженную голову и всталъ.

— Покорнѣйше прошу садиться, предложилъ онъ прямо, подвигая кресло.

Пахтаевъ, для большей вѣрности, произнесъ фамилію Луховецкаго.

— Очень, очень пріятно... покорнѣйше прошу! Извините, не взыщите за безпорядокъ (въ комнатѣ, напротивъ того, царствовалъ отмѣнный порядокъ), я тутъ въ Петербургѣ еще недавно, не устроился какъ слѣдуетъ, не завелъ этого... знаете, столичнаго... но за то вы здѣсь встрѣтите сердце простое, чуждое себялюбія и хитрости, проговорилъ пѣвучимъ голосомъ хозяинъ, и извлекши изъ кармана пальто каемчатый фуляръ, встряхнулъ имъ.

— Позволите узнать ваше имя и отчество? спросилъ генералъ, разсчитывая, что при этомъ ему скажутъ и фамилію.

— Илья Петровичъ, Илья Петровичъ Миловановъ, объяснилъ хозяинъ; — имя не громкое и мало кому въ столицѣ извѣстное, но не всѣмъ дано отъ колыбели украсить себя, такъ-сказать, наслѣдственнымъ блескомъ рода. Людямъ, рожденнымъ въ низменныхъ условіяхъ, предназначено собственными трудами и заслугами достигать уваженія и воздаянія. Но позвольте въ свою очередь узнать, съ кѣмъ имѣю честь? По мундиру вашему заключаю видѣть передъ собою особу высокаго ранга и положенія.

Пахтаевъ назвалъ себя.

— Очень, очень пріятно и лестно удостоиться посѣщенія... пропѣлъ Миловановъ, тогда какъ зоркіе глаза его проницательно и какъ бы радостно оглядѣли генерала съ головы до ногъ. — Почтеннѣйшій и уважаемый Константинъ Павловичъ Луховецкій уже объяснилъ мнѣ, что находясь временно въ затруднительномъ положеніи и тяготясь мыслью, что эти затрудненія могутъ отозваться даже на семейномъ благополучіи его... такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, онъ пользуется счастьемъ семьянина, котораго я, по неисповѣдимымъ начертаніямъ Промысла, лишился уже много лѣтъ назадъ... и изъ благоговѣйной памяти къ покойницѣ, никогда не дозволялъ себѣ даже помышлять о вторичномъ супружествѣ... Однимъ словомъ, уважаемый Константинъ Павловичъ съ признательностью указалъ на ваше превосходительство, какъ на человѣка, готоваго, по христіанскому чувству, принять участіе въ затруднительномъ положеніи ближняго, съ которымъ съ дѣтства соединяютъ узы дружбы, и даже воспоминанія младенческихъ игръ.

Пахтаевъ невольно, съ нѣсколько брезгливымъ видомъ потянулъ усами, но относя подробность о младенческихъ играхъ къ безпутной болтовнѣ Коко, не счелъ нужнымъ оспаривать. Ему хотѣлось поскорѣе кончить, потому что, кромѣ порученія Полины, у него имѣлись въ виду нѣкоторые собственные интересы.

— Мнѣ Луховецкій говорилъ, что онъ съ вами условился о дѣлѣ, и что требуется только моя подпись на векселѣ, сказалъ онъ, снова слегка краснѣя.

На Милованова эта конфузливость производила замѣтно самое выгодное впечатлѣніе. Онъ взглянулъ на генерала уже какъ бы съ чувствомъ собственности.

— Долженъ, долженъ вамъ признаться — обѣщалъ! истинно обѣщалъ! произнесъ онъ съ краткимъ вздохомъ. — Понялъ Константинъ Павловичъ мою слабость, что не могу устоять предъ зрѣлищемъ человѣческой нужды, и особливо у людей, рожденныхъ пользоваться благами и роскошами жизни! Что будете дѣлать, сердце у меня, не взирая на преклонный возрастъ, мягко и участливо. Единственно только въ предосторожность стараюсь оградить себя, чтобы не растратили легкомысленные, и тѣмъ не отняли у благонадежныхъ.

Пахтаевъ досталъ изъ портфельчика вексель и показалъ его Милованову.

— Если бы вы могли сейчасъ поѣхать со мною къ нотаріусу, то мы сегодня бы и кончили, сказалъ онъ.

Миловановъ вздохнулъ и встряхнулъ платочкомъ.

— Охъ, не слѣдуетъ съ этими дѣлами такъ спѣшно поступать, промолвилъ онъ; — подумать, да подумать надо бы. Человѣкъ я здѣсь чужой, какъ въ лѣсу брожу. Довѣрія у меня много, а не пострадать бы потомъ?

— Что касается меня, мое положеніе здѣсь всѣмъ извѣстно, и еслибы не случайность, что моей жены теперь нѣтъ въ Петербургѣ... заговорилъ Пахтаевъ, и на этотъ разъ уже совсѣмъ вспыхнулъ отъ чувства униженія и досады.

Миловановъ бросилъ на него совершенно сладкій взглядъ.

— Да Боже мой, развѣ я дозволилъ бы себѣ какое-нибудь сомнѣніе! перебилъ онъ его. Въ долговременныхъ превратностяхъ жизни моей я научился различать людей съ благородными чувствами. Но вѣрите-ли, когда цѣной тяжкихъ трудовъ и лишеній скоплено скудное достояніе

въ обезпеченіе безсильной и немощной старости, страшно прикоснуться къ нему даже собственною рукой...

Пахтаеву пришлось еще долго слушать пѣніе Милованова. Онъ кусалъ усы, оттопыривалъ щеки, и наконецъ, какъ бы со злости на все это, проговорилъ:

— Извините, мнѣ сказали, что вы даете деньги въ ростъ; и такъ какъ мнѣ нужны деньги не только по этому векселю, но еще и лично для себя, то я пріѣхалъ условиться съ вами. Если для васъ это занятіе совсѣмъ непривычное, то извините за безпокойство.

И онъ всталъ. Миловановъ тоже быстро поднялся и заходилъ вокругъ него, помахивая платочкомъ.

— Вотъ и нетерпѣливость молодости сейчасъ обнаружилась, и взыскательность къ слабостямъ старческаго возраста... кхе, кхе! запѣлъ онъ еще слаще, какъ бы распуская всѣ складки лица. — Извольте-ка на минуточку присѣсть, и увидите, что отсюда никто не уходитъ безъ облегченія и успокоенія.

Пахтаевъ опять сѣлъ, и черезъ полчаса оба наконецъ вмѣстѣ поѣхали къ нотаріусу, а оттуда въ банкъ. Укладывая деньги и чеки, Пахтаевъ теперь даже удивлялся, что все такъ скоро сдѣлалось, и что ростовщикъ сразу получилъ къ нему столько довѣрія. Онъ и не подозрѣвалъ, какія обширныя свѣдѣнія стеклись уже къ Милованову, не только объ его финансовомъ положеніи, но и о нѣкоторыхъ интимныхъ обстоятельствахъ его жизни. Онъ не подозрѣвалъ, что въ спальной Ильи Петровича, въ весьма тайномъ мѣстѣ, хранилась книга значительнаго объема, съ алфавитною нумераціей листовъ, и что въ этой книгѣ, подъ буквой П., начертаны были красивымъ круглымъ почеркомъ слѣдующія строки:

«Состоитъ въ законномъ бракѣ съ Антониной Павловной, урожденною Беклищевой, родною племянницей высокопоставленной Таисіи Ивановны Беклищевой, отъ которой и получилъ карьеру (зри литеру Б.). Состояніе въ капиталахъ и въ недвижимости весьма изрядное, но женино. Долговъ до сей поры нѣтъ никакихъ.

Дѣти: сыновья 11 и 13 лѣтъ. Принятъ въ высшемъ обществѣ, но не вліятеленъ. Имѣетъ посторонніе расходы по причинѣ любовной связи съ госпожею Л. (зри сію литеру), каковая повидимости изъ весьма прочныхъ».

И далѣе:

«Свѣдѣнія относительно жены опровергаются. По семейнымъ несогласіямъ жена въѣхала въ деревню. Денежное положеніе требуетъ наблюденій и осторожности».

И еще далѣе:

«Кредитовать можно безъ опасенія даже на великую сумму».

Надѣвая въ швейцарской банка свою нѣсколько страннаго покроя шинельку, Миловановъ вдругъ столкнулся лицомъ къ лицу съ княземъ Ретвизановымъ.

— А, въ добрый часъ, мнѣ васъ-то какъ разъ и нужно, сказалъ тотъ, подавая два пальца въ перчаткѣ. — Влѣзайте-ка ко мнѣ въ карету, я хочу немножко прокатить васъ по городу.

— Кхе, ваше сіятельство, не много-ли чести мнѣ будетъ, молвилъ какъ бы даже конфузливо Илья Петровичъ.

— Полѣзайте, для васъ кажется не новость хорошія знакомства, повторилъ Роро, садясь однако самъ первый въ экипажъ. — Только старайтесь не высовываться, а сидѣть въ углу, пусть лучше подумаютъ, что я съ кокоткой ѣду.

— Все шутить изволите, ваше сіятельство! съ блаженною улыбкой произнесъ Миловановъ, внутренно однако весь настораживаясь къ предстоящему разговору.

— Есть здѣсь нѣкій пижонъ Хлестовъ, прямо началъ Роро.

— Знаю, перебилъ ростовщикъ.

— Чортъ васъ пойметъ, откуда вы всѣхъ знаете, удивился даже князь; — безъ году недѣлю въ Петербургѣ, а точно выросли съ нами.

— Въ такой кругъ попалъ, ваше сіятельство, скромно отвѣтилъ Миловановъ.

— То-то, попали... немножко, кажется, я вамъ помогъ, замѣтилъ Роро.

— Я и чувствую съ несказанною признательностью! пропѣлъ Илья Петровичъ.

— Ну, ладно. Вотъ насчетъ этого Хлестова вы должны оказать мнѣ нѣкоторую услугу. Я бы хотѣлъ, чтобы вы ближе съ нимъ познакомились.

Милованов раздумчиво поднялъ брови.

— Какъ прикажете, ваше сіятельство, сказалъ онъ.

— Ему вскорѣ должны понадобиться деньги, такъ мнѣ очень важно, чтобъ онъ именно къ вамъ обратился, и чтобы вы ему не отказали, продолжалъ Роро.

— Трудно это, ваше сіятельство, возразилъ Милованов.

— Почему такъ?

— Да потому, что господинъ Хлестовъ имѣетъ постоянно дѣла съ Венделевичемъ.

Ретвизановъ сдѣлалъ быстрое движеніе головой.

— А, такъ онъ уже имѣетъ дѣла... но тогда тѣмъ лучше! сказалъ онъ.

— Чѣмъ же лучше, ваше сіятельство?

— Пожалуйста, только отвѣчайте, а не спрашивайте. Много-ли у этого Вандаловича...

— Венделевичъ, ваше сіятельство...

— Ну, положимъ, это все равно. Много-ли у него векселей Хлестова?

— Порядочно будетъ.

— Напримѣръ?

— Прикидываю я, что тысячъ на тридцать наберется.

Роро подумалъ.

— Двойные, конечно?

Милованов поднялъ глаза къ потолку кареты.

— Дѣла эти, ваше сіятельство, только тамъ видимы! произнесъ онъ почти благоговѣйно.

— Почтеннѣйшій, я васъ не буду катать цѣлый день по Невскому, и потому остерегайтесь лишнихъ

словъ, остановилъ его Роро. — Можете-ли вы — да или нѣтъ — скупить всѣ эти векселя за половинную цѣну?

— Трудно, ваше сіятельство, отозвался, разведя подъ шинелью руками, Милововановъ. — Векселъки хорошіе.

— Ахъ вы старая ханжа, торговаться еще вздумали! прикрикнулъ Роро. — Говорятъ вамъ: скупите Хлестовскіе векселя, хоть не всѣ, а которые покрупнѣе, и тогда тотчасъ явитесь ко мнѣ. Но чтобы имени моего не прозносить, понимаете!

Милововановъ покорно склонилъ голову. Роро дернулъ за шнурокъ, чтобы остановить карету.

— А теперь прыгайте, сказалъ онъ.

— Мнѣ бы, ваше сіятельство, вонъ въ ту сторону... проговорилъ, подбирая шинельку, Милововановъ.

— Выдумалъ еще! пожалъ плечами Роро.

Илья Петровичъ соскочилъ, захлопнулъ дверцу, и уже за стекломъ отвѣсилъ почтительный поклонъ. Карета помчалась дальше.

Глава XL.

Князь Анатоль взялъ отпускъ и собирался уѣхать въ деревню. Онъ уже нѣсколько лѣтъ туда стремился, сознавая, что хозяйство запущено и требуетъ его личнаго вмѣшательства; но поѣздки заграницу, и потомъ война, препятствовали этому доброму намѣренію. Теперь его ничто не удерживало въ Петербургѣ, а вояжъ на воды, при низкомъ курсѣ, не представлялъ ничего завлекательнаго. Анна Всеволодовна тоже говорила, что съ удовольствіемъ проведетъ два-три мѣсяца въ деревнѣ. Поэтому Анатоль объявилъ, что нынѣшній вторникъ будетъ послѣдній въ этомъ сезонѣ.

Совѣщаніе съ поваромъ Антономъ было продолжительнѣе чѣмъ всегда. Ужинъ предполагался по крайней мѣрѣ на пятьдесятъ персонъ. Анатоль тѣмъ не менѣе хотѣлъ, чтобы все было тонко-гастрономическое, и рѣшительно отвергъ майонезы и жиго, и вообще всякіе mets de résistance, предлагаемые Антономъ. Соглашеніе кончилось на томъ, что положено было сочинить для каждаго стола особое меню. Это обѣщало выйти оригинально и даже забавно, и породить больше шуму. Благодаря такой комбинаціи, знаменитое рыбное суфле въ формѣ черепахи могло также фигурировать за однимъ изъ столовъ, и Анатоль заранѣе соображалъ, кого именно посадить за этотъ столъ. Но отъ свѣтло-коричневыхъ ливрей съ гороховыми жилетами пришлось на этотъ разъ отказаться, потому что своей прислуги становилось не достаточно, и надо было принанять изъ клуба. Допустить же, чтобъ одни были въ ливреяхъ, а другіе во фракахъ, Анатоль находилъ крайнимъ mauvais genre. Онъ лучше хотѣлъ сшить для одного этого вечера полдюжины лишнихъ ливрей, но Анна Всеволодовна рѣшительно воспротивилась.

Она находилась въ состояніи апатіи, доводившей ее почти до физическаго разстройства. Соглашаясь ѣхать въ деревню, она старалась даже не думать о предстоя-

щемъ уединеніи съ мужемъ среди обстановки, которая не только не раздѣляла ихъ, а должна была, напротивъ, сближать. Она надѣялась, что тамъ жизнь приметъ какъ бы болѣе физическій характеръ, что она будетъ больше спать и ѣсть, купаться, толстѣть и глупѣть. Ей хотѣлось уйти отъ петербургскихъ раздраженій, отъ непрерывной дѣятельности нервовъ, которая портитъ характеръ и дѣлаетъ ея томительную хандру еще томительнѣе. А что ея характеръ портится, что она становится зла и завистлива, она сознавала по враждебному чувству, съ какимъ невольно относилась къ Ларисѣ. Свѣжесть молодости, блескъ свободы, озаряющей неиспорченную, не начатую, всю еще впереди покоющуюся жизнь, раздражали ее.

Она наканунѣ видѣла Зимовьева и взяла съ него слово, что онъ непремѣнно будетъ. Ей хотѣлось, чтобы онъ встрѣтился съ Ларисой: она злорадно предполагала, что имъ обоимъ будетъ тягостна эта встрѣча. Она не забыла пригласить и Беклищева, и все съ тою же злорадною цѣлью.

Беклищевъ еще издали увидалъ Ларису, и тотчасъ подошелъ къ ней.

— Ваша maman, кажется, осталась очень довольна дачею, которую я пріискалъ, сказалъ онъ.

— Да, она чрезвычайно благодарна вамъ, отвѣтила Лариса. — Мы на-дняхъ же переѣзжаемъ.

— Но вы сами и не взглянули? спросилъ Беклищевъ.

— Я увѣрена, что мнѣ будетъ удобно, равнодушно отозвалась Лариса.

У Беклищева глаза какъ-то весело играли.

— Вы не связываете съ этою дачей такого большаго значенія какъ я, промолвилъ онъ тономъ, которому намѣренно придалъ особый смыслъ.

— Петербургское лѣто такое короткое, улыбнулась Лариса, какъ бы не вникая въ этотъ смыслъ.

— Нынѣшнее лѣто будетъ самое замѣчательное въ моей жизни, продолжалъ тѣмъ же замысловатымъ тономъ Беклищевъ.

Лариса вскользь взглянула на него.

— У васъ большіе планы? спросила она, и обращенный къ нему уголокъ губъ ея чуть-чуть задрожалъ.

— Очень большіе, отвѣтилъ Беклищевъ. — Я всегда былъ немножко серьезенъ, даже въ первой молодости, но этотъ планъ серьезнѣе всѣхъ другихъ цѣлей, какія я имѣлъ въ жизни. Все другое — только средства, а это — сама цѣль.

Онъ стоялъ предъ Ларисой, словно загораживая ее своею высокою фигурой, и глядѣлъ на нее упорнымъ, почти вызывающимъ взглядомъ. Вдругъ этотъ взглядъ сталъ мягче, нѣжнѣе.

— Сегодня для меня какой-то хорошій день, я расположенъ вѣрить въ счастье, въ удачу... заговорилъ Беклищевъ другимъ, проникнутымъ несвойственною ему искренностью, тономъ. — Сейчасъ у меня былъ разговоръ о васъ съ моею матерью. Это вышло какъ-то случайно... можетъ быть потому, что я слишкомъ много думаю о васъ... но разговоръ затянулся, и сказалось больше, чѣмъ мы оба хотѣли. Я ужасно радъ, что такъ случилось, мнѣ теперь кажется, точно я ближе къ своему счастью. Мать очень хочетъ васъ видѣть, и поручила просить у вашей maman позволенія пріѣхать къ вамъ.

Лариса поспѣшила отвѣтить, что мать будетъ очень рада. Ее даже смутила такая совершенно необычайная любезность: Таисія Ивановна уже съ давнихъ поръ рѣшительно никому не дѣлала визитовъ.

— Но ваша maman не совсѣмъ здорова, это будетъ слишкомъ большое безпокойство для нея, прибавила она; — мы съ maman очень охотно предупредимъ ее.

— Нѣтъ, она должна сама къ вамъ пріѣхать, сказалъ Беклищевъ, слегка ударяя на этомъ «должна».

Въ гостиную, гдѣ они стояли, безпрестанно входили новыя лица. Какая-то дама, необычайно шумная во всѣхъ движеніяхъ, бросилась въ кресло прямо подлѣ нихъ, и поднявъ голову, взглянула на обоихъ съ выраженіемъ самаго неприличнаго любопытства. Лариса подвинулась въ сторону, оглянулась, и не находя свободнаго

мѣста, прошла въ маленькій будуаръ Анны Всеволодовны. Тамъ было не такъ тѣсно и не такъ ярко; бѣлый свѣтъ единственной лампы лился съ потолка, и на коврѣ лежалъ красный отблескъ отъ камина, какъ въ тотъ вечеръ, когда Жедровскій помогалъ княгинѣ мѣшать щипцами уголья.

Лариса, не оглядываясь, опустилась на маленькій диванчикъ въ углу за экраномъ. Беклищевъ не рѣшился сѣсть подлѣ нея; онъ сталъ, прислонясь къ обтянутой плюшемъ доскѣ камина.

— Я вамъ повинуюсь, сказалъ онъ негромко, наклоняя свое серьезное и какъ-будто радостное лицо.

— Въ чемъ? спросила Лариса.

— Вы мнѣ приказали ждать; я жду, объяснилъ Беклищевъ, и въ голосѣ его слышалась та смѣющаяся серьезность, съ которою говорятъ люди, увѣренные, что съ ними строги только въ шутку.

Лариса, не глядя на него, поправляла на рукѣ перчатку.

— Вы уже сказали, что ваши планы разсчитаны на лѣто, а лѣто еще только что начинается, проговорила она, рискуя улыбнуться.

Беклищевъ тоже улыбнулся.

— А вы напомнили, что петербугское лѣто очень коротко, сказалъ онъ.

И наклонясь еще ближе, прибавилъ вполголоса:

— Лариса Григорьевна, я никогда не льстилъ себя надеждой заслужить то чувство, которое выше всѣхъ обыкновенныхъ человѣческихъ соображеній. Я не такъ молодъ и... вѣроятно, не такъ интересенъ. Я знаю только, что если вы удостоите принять мое предложеніе, моею цѣлью будетъ окружить васъ тѣмъ счастьемъ и тѣмъ спокойствіемъ, какое можетъ дать дружная семейная жизнь. Въ томъ, что насъ обоихъ ожидаетъ, нѣтъ ничего неяснаго — ни загадокъ, ни разочарованій. Мы оба знаемъ, что мы можемъ дать другъ другу. Вы сказали, что вы свободны. Возьмите же на себя рѣшимость отвѣтить однимъ коротенькимъ «да», и я буду спокоенъ.

Лариса справилась съ перчаткой, но теперь ея вѣеръ все распускался изъ подъ руки, цѣпляясь за мелкія складки платья. Она нетерпѣливо собрала его и подняла голову.

— Да, произнесла она, улыбаясь своею серьезною улыбкой, и какъ-будто стараясь придать этому односложному отвѣту то спокойствіе, котораго требовалъ Беклищевъ.

— Chère Лариса, я васъ ищу, вдругъ услышала она голосъ Анны Всеволодовны, которая маленькими шажками вошла въ будуаръ и тотчасъ ихъ замѣтила. — Вы нисколько не хотите облегчить мнѣ обязанности хозяйки. Пойдемте, ваше появленіе всѣхъ обрадуетъ. Глѣбъ Дмитричъ даже впалъ въ унынie, не находя васъ...

И она нѣжно обняла Ларису за талію.

— Не сердитесь, Леонидъ Сергѣичъ, что я ее похищаю у васъ, обернулась она къ Беклищеву; — но чтобы быть справедливою, я должна уважать давность правъ.

«Какая она злая, и какъ это скучно!» подумала Лариса.

Но она должна была повиноваться. Маленькая княгиня провела ее чрезъ парадную гостиную въ угловую комнату, гдѣ за ломбернымъ столикомъ ворчливая сенаторша Марья Егоровна играла въ винтъ съ тремя пожилыми партнерами. Въ глубинѣ этой комнаты Зимовьевъ и князь Павелъ Платоновичъ разговаривали стоя.

— Я кого-то нашла для васъ, чтобы вы наконецъ перестали серьезничать, сказала Анна Всеволодовна, подводя Ларису.

Она ничего не знала объ объясненіи между Ларисой и Глѣбомъ Дмитричемъ, и ожидала насладиться зрѣлищемъ смущенія, какое, по ея мнѣнію, должно было овладѣть обоими.

А въ глазахъ и на уголкахъ губъ Ларисы такъ и бѣгало отраженіе нервнаго волненія, и рука ея продолжала нетерпѣливо играть вѣеромъ.

— Я боюсь, княгиня, что вы оказываете имъ очень плохую услугу, сказала она, и не сѣла, а только оперлась руками на поданный стулъ.

— Нѣтъ, они мнѣ такъ надоѣли съ этою вѣчною политикой, что я хочу наконецъ подразнить ихъ, продолжала Анна Всеволодовна. — Да, господа, въ то время, какъ вы тутъ разсуждаете о земскомъ соборѣ — я увѣрена, что о земскомъ соборѣ — monsieur Беклищевъ ходитъ какъ тѣнь по слѣдамъ Ларисы Григорьевны, и ни одинъ изъ васъ даже не думаетъ защитить ее отъ этого преслѣдованія. Вы, папа, еще можете извиниться своими лѣтами; но когда Глѣбъ Дмитричъ измѣняетъ своему знамени, для него нѣтъ извиненій.

Зимовьевъ хотѣлъ возразить, но Лариса сама обратилась къ княгинѣ:

— Я всегда обходилась собственнымъ умѣньемъ защитить себя; неужели въ вашемъ домѣ этого будетъ недостаточно? сказала она, и взглянула на нее спокойными, невинными глазами.

— Chère Лариса, надѣюсь, маленькая шутка позволительна между друзьями? отвѣтила княгиня, и засмѣявшись, отошла отъ нихъ.

Павелъ Платоновичъ, чтобы сохранить видъ шутки, сдѣлалъ серьезное лицо и покачалъ головой.

— Однако я дѣйствительно сталъ замѣчать, что Беклищевъ за вами ухаживаетъ, и это пахнетъ порохомъ! сказалъ онъ.

— Но почему бы ему и не ухаживаетъ за мной? улыбнулась Лариса.

— Потому что его ухаживанье не можетъ имѣть цѣли и не можетъ доставить вамъ удовольствія, отвѣтилъ уже дѣйствительно серьезно Павелъ Платоновичъ.

— Вы возбуждаете вопросъ, который, кажется, непріятенъ для Ларисы Григорьевны, сказалъ Зимовьевъ.

Лариса съ выраженіемъ нетерпѣнія повела головой.

— Вы правы, вопросъ для меня непріятенъ, обернулась она къ Зимовьеву, — не самый вопросъ, а то, что

вы какъ-будто уже рѣшили его за меня. А мнѣ желательнѣе было бы сохранить мою маленькую свободу... и притомъ, я не имѣю никакой причины не цѣнить вниманія Леонида Сергѣича. Еслибъ онъ замѣтилъ, что это вниманіе мнѣ тягостно, то конечно не обнаруживалъ бы его.

Она сняла руки со спинки стула и отошла, обмахивая вѣеромъ слабо вспыхнувшее лицо.

Зимовьевъ и Павелъ Платоновичъ обмѣнялись значительнымъ взглядомъ.

— Мы, кажется, оба проглядѣли и отстали отъ того, что дѣлается, сказалъ Глѣбъ Дмитричъ.

— Вы серьезно предполагаете? спросилъ съ озабоченнымъ видомъ князь.

— Какое же можетъ быть сомнѣніе! отвѣтилъ Зимовьевъ.

Лицо князя сдѣлалось не на шутку печальнымъ.

— Но это Богъ знаетъ что такое! пожалъ онъ плечами. — Развѣ Беклищевъ ей пара? что можетъ ее ожидать съ нимъ? Внутренной, семейной жизни никакой; а въ свѣтѣ онъ ее введетъ въ такой кругъ, гдѣ она задохнется отъ нравственнаго маразма, или развратится вмѣстѣ съ ними, съ этими жрецами раззолоченной карьеры, политической интриги и государственной купли и продажи!

Глѣбъ Дмитричъ мрачно глядѣлъ на какой-то фамильный портретъ, и кусалъ губами кончики усовъ.

—Все это, добрѣйшій князь, такая вещь, въ которой мы съ вами ничѣмъ помочь не можемъ! сказалъ онъ съ напускнымъ равнодушіемъ.

Глава XLI.

Лариса, проходя въ гостиную, остановилась на одно мгновеніе подлѣ широкаго зеркала, и бросила на себя взглядъ. На ея лицѣ играла краска, губы были сжаты, а въ глазахъ какъ-будто стояли слезы. И вдругъ она почувствовала, какъ двѣ крупныя, горячія капли упали съ рѣсницъ и медленно скатились по щекамъ, словно обжигая ихъ. Она поспѣшно подошла къ окну, будто стараясь разглядѣть сквозь затканный купидонами тюль темноту ночи, потомъ наклонилась надъ жардиньеркой, нюхая раздражительный и свѣжій, какъ сама весна, запахъ запоздалыхъ гіацинтовъ, и отбирая горячими пальцами засохшіе листки мирта. Необъяснимое стѣсненіе душило ей грудь и тянуло нервы. Это не было горестно-тоскующее чувство; тутъ была злость, полная неопредѣленнаго и тягостнаго раздраженія.

«Какое имъ дѣло? кто далъ имъ право? и почему они рѣшили, что онъ непремѣнно дурной, пошлый человѣкъ?» задавала она себѣ вопросы. «Потому только, что въ его взглядахъ можетъ быть больше матеріальной дѣловитости, а въ натурѣ, больше непосредственной связи съ жизнью; потому что онъ больше всосалъ въ себя того, что составляетъ господствующую черту времени, поколѣнія... Но вѣдь *его* поколѣніе будетъ жить и дѣйствовать, вѣдь для *него* это время, къ которому они не умѣютъ приладиться! Они хорошіе, честные, умные... но развѣ онъ не честенъ, не уменъ? Въ его умѣ нѣтъ *литературнаго*, какъ онъ самъ сказалъ; но можетъ быть у такихъ-то людей и есть самый настоящій умъ. Вѣдь Наполеонъ изъ такихъ былъ, и Бисмаркъ изъ такихъ; они что-то дѣлаютъ, пока тѣ мечтаютъ и пятятся отъ жизни. А жизнь — все-таки самое сильное и самое лучшее, что есть въ этомъ мірѣ... Нѣтъ, есть еще много хорошаго. Есть музыка, стихи, любовь, мечты... Это лучше, выше, это стоитъ надъ жизнью... А жизнь все-таки сильнѣе».

Лариса обмахнула украдкой лицо платкомъ, и выпрямившись, прошла между креслами, останавливаясь со знакомыми, улыбаясь странною, спокойною и неискреннею улыбкой, которую всѣ замѣчали, но никто не понималъ. Къ ней опять подошелъ Беклищевъ. Его не удивляло это непривычное выраженіе ея лица; онъ, напротивъ, втайнѣ торжествовалъ, и въ эту минуту былъ почти влюбленъ въ Ларису. Онъ старался занять ее разговоромъ, въ которомъ, сквозь шутливую любезность, какъ бы сквозила тайно обращенная къ ней пощада. Лариса сѣла поспокойнѣе, стараясь войти въ этотъ разговоръ. Но ея силъ хватило только на короткое время.

— Я думаю уѣхать, у меня голова разболѣлась, сказала она, вставая и щуря глаза, потому что боялась, чтобы въ нихъ опять не появились слезы.

Беклищевъ встревожился, хотѣлъ сказать Аннѣ Всеволодовнѣ; Лариса удержала его, отыскала мать и попросила увезти ее потихоньку, не прощаясь. Беклищевъ, въ одномъ мундирѣ, проводилъ ихъ до кареты: теперь онъ уже недоумѣвалъ, торжествовать-ли ему...

Марья Ивановна, какъ только они отъѣхали, пристала съ разспросами. Лариса повторила, что у нея голова болитъ, откинулась въ уголъ кареты и упорно молчала. Только у себя въ комнатѣ, когда горничная окончила ея ночной туалетъ и вышла, она сказала съ напряженною улыбкой, скрестивъ на груди руки:

— Мама, вотъ я опять собралась замужъ выходить...

Марья Ивановна молча, не спуская съ нея глазъ, присѣла въ кресло.

— За Беклищева, мама! объяснила Лариса.

На лицѣ матери отразился радостный испугъ.

— Да ты шутишь, или вправду говоришь? не повѣрила она сразу.

— Какія шутки, я уже слово дала. Вѣдь вы согласны, мама?

Голосъ Ларисы какъ-будто сорвался, въ немъ прозвучала иронія.

— Я-то... да вѣдь ты слово дала, не спросилась! промолвила Марья Ивановна со внезапно подвернувшимся упрекомъ.

— Я только за себя, а вы можете не позволить... отвѣтила тѣмъ же, какъ-то неладно звучавшимъ голосомъ Лариса. — Но только вѣдь это... вѣдь такого брака нельзя не позволить...

Марья Ивановна встала и въ волненіи пересѣла ближе къ дочери.

— Да когда жь это ты все рѣшила? Мнѣ и въ голову не приходило, что онъ тебѣ нравится, заговорила она. — А партія, разумѣется, самая подходящая. Это сегодня-то вы и объяснились? То-то мнѣ странно показалось, отчего вдругъ голова разболѣлась. Беклищевъ... мнѣ вѣдь вотъ такого жениха всегда для тебя хотѣлось!

— Вотъ видите, какая у васъ дочка хорошая... проговорила съ серьезнымъ лицомъ Лариса, и вдругъ отвернулась, какъ-будто искала чего-то на туалетномъ столикѣ. — Но только, мама, не будемъ сегодня больше говорить объ этомъ, у меня въ самомъ дѣлѣ голова болитъ... прибавила она.

И когда Марья Ивановна, вздыхая, ушла къ себѣ, Лариса бросилась на постель и словно замерла, прижавшись лицомъ къ холодной подушкѣ. Ей не хотѣлось плакать... она не умѣла бы сказать, чего ей хотѣлось. Капризное раздраженіе затихло въ ней. Было грустно и жаль чего-то, и вмѣстѣ съ тѣмъ, радостнымъ трепетомъ охватывало ее приближеніе неизвѣстнаго грядущаго...

Пора было переѣзжать на дачу, и онѣ торопились. Визитъ Таисіи Ивановны по необходимости былъ отложенъ. Она пріѣхала только чрезъ недѣлю послѣ того, какъ онѣ совсѣмъ устроились на Крестовскомъ. Это произошло съ нѣкоторою помпой. Сначала явился курьеръ доложить, что онѣ сейчасъ будутъ. Потомъ показалась четверомѣстная карета, запряженная большими, бѣлыми, необычайно смирными лошадьми, и съ красными ливреями на козлахъ. Въ каретѣ было устроено нѣчто въ родѣ ложа, такъ какъ Таисія Ивановна опасалась сотрясенія

въ ногахъ. Подлѣ нея сидѣла особа женскаго пола, неопредѣленнаго возраста и значенія. Съ помощью выѣзднаго она извлекла Таисію Ивановну изъ подъ вороха какихъ-то пуховыхъ платковъ и одѣялъ, и поддерживая подъ локоть, взвела на террасу. Тутъ оказалось, что визитный туалетъ Таисіи Ивановны заключался въ шелковой стеганной на ватѣ и заходившей ниже колѣнъ кофтѣ, въ суконной юпкѣ и въ громадныхъ бархатныхъ сапогахъ. Шляпокъ она уже давно не носила, а имѣла на головѣ блондовый чепецъ.

Марья Ивановна, заранѣе смущенная особымъ значеніемъ визита, схватила дочь за руку, и точно вытащила ее на террасу. Таисія Ивановна улыбнулась на это и оглядѣла Ларису съ головы до ногъ, не выпуская ея руки изъ своей, такъ-что Ларисѣ даже неловко стало. Марья Ивановна въ это время привѣтствовала компаньонку, которая, за спиной патронессы, такъ сжала губы и сдѣлала такой царственный наклонъ головы, какъ-будто хотѣла обозначить этимъ все несоотвѣтствіе между ея скромнымъ положеніемъ и личными достоинствами.

Таисія Ивановна выразила желаніе остаться тутъ, на террасѣ. Выѣздной въ красной ливреѣ подставилъ ей вынесенную изъ кареты скамеечку съ подушкой, и не ушелъ, а только отступилъ за колонку. На Ларису все это произвело нѣсколько странное и даже оскорбительное впечатлѣніе: похоже было, какъ-будто старая Беклищева съ умысломъ не вошла въ гостиную, чтобъ отнять у своего визита всякій характеръ интимности. Но за то рѣчи ея были полны самой льстивой, и какъ показалось Ларисѣ, совсѣмъ не искренней любезности. Таисія Ивановна нашла ее очаровательною, прелестною, сравнила ее со знаменитыми красавицами прежняго двора, замѣтила даже, что въ ея чертахъ есть что-то, напоминающее принцессъ одного близкаго Россіи владѣтельнаго дома. Но затѣмъ, какъ бы исполнивъ свой долгъ, старуха разомъ перешла къ какому-то благотворительному учрежденію и разсказала утомительнѣйшую исторію, очень длинную и сложную, которую въ то время всѣ разсказывали въ большомъ

свѣтѣ, можетъ быть даже не отдавая себѣ отчета, почему именно надо ее разсказывать.

Лариса старалась только смотрѣть и дѣлать видъ, что слушаетъ, а сама въ это время думала: « Какъ было бы скучно часто принимать Таисію Ивановну... но вѣдь этого и не случится, она ни къ кому не ѣздитъ. Съ ея стороны очень, очень любезно, что она пріѣхала. И даже эту исторію она разсказываетъ, чтобы занять меня, а если для меня это не интересно, то потому, что я никого не знаю изъ дѣйствующихъ лицъ. Она не виновата, она постоянно видитъ людей только своего круга».

Старуха наконецъ поднялась, и обнаружила намѣреніе поцѣловать Ларису.

— Я хочу почаще, почаще васъ видѣть. Я скажу Леониду, что вы совсѣмъ обворожили меня, произнесла она.

Выѣздной принялъ скамеечку, и вмѣстѣ съ компаньонкой взялъ Таисію Ивановну подъ локотки. И Марья Ивановна, и Лариса невольно вздохнули съ чувствомъ облегченія, когда карета отъѣхала.

Беклищевъ явился на другой день ранѣе обыкновеннаго, и имѣлъ очень серьезный и какъ бы торжественный видъ. Онъ прошелъ въ кабинетикъ Марьи Ивановны, сѣлъ какъ-то особенно прямо, съ фуражкой на колѣняхъ, и въ отборныхъ выраженіяхъ объяснилъ свои намѣренія.

Марья Ивановна, пока онъ говорилъ, уже достала платокъ и обмахивала имъ лицо.

— Лара мнѣ ужь сказала, я знаю... благослови васъ Богъ, я ея счастью противиться не буду... проговорила она срывающимся голосомъ, и когда Беклищевъ наклонился къ ея рукѣ, не удержалась, обняла его и поцѣловала въ обѣ щеки.

Посѣщеніе Таисіи Ивановны, очевидно, было событіемъ. Лариса замѣтила, что вокругъ нея все какъ-будто перемѣнилось, что она какъ-будто перешагнула какую-то черту, отдѣлявшую ее отъ самыхъ верхушекъ петербургскаго свѣта. Съ этимъ свѣтомъ она встрѣчалась и раньше, но не было тѣхъ правъ равенства, той незримой

печати принадлежности, какую признавали теперь. Притомъ, и самый кругъ лицъ нѣсколько измѣнился. Стали пріѣзжать люди, непосредственно стоящіе у власти, отдающіе свѣту лишь свои скупо измѣренные досуги, и въ самомъ свѣтѣ какъ бы продолжающіе свое высшее государственное служеніе. Лариса стала слышать разговоры еще не совсѣмъ понятнаго для нея, но импонирующаго содержанія; съ довѣріемъ сообщалась ей иногда важная новость, объяснялась неудачная интрига, передавался «случай», взволновавшій весь этотъ кругъ близко сцѣпленныхъ между собою и глубоко враждующихъ людей. Оставаясь еще чуждою этому міру, она начинала понимать особый, ѣдкій и какъ-будто полный содержанія интересъ, въ немъ заключающійся.

Зимовьевъ заѣхалъ только одинъ разъ и объявилъ, что уѣзжаетъ въ деревню. Ларисѣ вдругъ какъ-будто жаль стало этого отъѣзда, и между тѣмъ она втайнѣ почувствовала что-то похожее на облегченіе.

— Надолго? спросила она.

— Безъ срока, улыбнулся Зимовьевъ; — то-есть, разумѣется, придется появляться и въ Петербургѣ, но онъ мнѣ сталъ еще болѣе чуждъ, чѣмъ прежде, и я вѣроятно сдѣлаюсь вполнѣ провинціаломъ. Подъ старость родныя мѣста больше тянутъ къ себѣ.

— Полноте, вамъ еще такъ далеко до старости, сказала Лариса.

— Нѣтъ, я очень постарѣлъ, возразилъ Зимовьевъ.

Они помолчали. Лариса съ задумчивымъ видомъ сдвинула брови.

— Вы не хотѣли принять моихъ условій, не сдѣлались моимъ другомъ, молвила она.

— Развѣ я далъ поводъ сомнѣваться въ моихъ дружескихъ чувствахъ, возразилъ Зимовьевъ.

— Ахъ, фразы! сказала Лариса, и невольно отвернулась.

Глѣбъ Дмитричъ посидѣлъ недолго и сталъ прощаться.

— Васъ надо поздравить, промолвилъ онъ, со смущеніемъ беря ея руку.

Лариса, благодаря его, тоже была смущена.

— Пора къ пристани, проговорила она, улыбаясь. Но улыбка вышла какъ-будто невеселая.

— Отъ души желаю вамъ много, много счастья, сказалъ Глѣбъ Дмитричъ.

Лариса протянула руку, онъ поднесъ ее къ губамъ.

— Мнѣ жаль, что я можетъ быть долго не увижу васъ, молвила она, и подумала: «мнѣ въ самомъ дѣлѣ жаль... какъ странно!»

Весь этотъ день она была задумчивѣе обыкновеннаго, такъ что Марья Ивановна даже всполошилась, и желая вывѣдать что-нибудь, заговорила о свадьбѣ.

— Онъ вчера намекалъ мнѣ, что не хотѣлъ бы большихъ приготовленій, боится, чтобы не затянулось очень, осторожно начала она.

Къ удивленію ея, Лариса отвѣтила послѣ короткаго молчанія:

— Я тоже не вижу причины тянуть. Положеніе невѣсты такое скучное!

— А какъ скажешь, такъ и будетъ, обрадовалась Марья Ивановна. — Тутъ вѣдь не деревня, какое угодно приданое въ недѣлю сдѣлаютъ. Уже сколько и сдѣланото!

— Я ужь говорила: зачѣмъ это! повела плечами Лариса.

— Ну, нѣтъ, какъ-нибудъ тоже нельзя, возразила Марья Ивановна. — И ты не кто-нибудь, да и онъ вельможа.

— Вельможа! съ искреннимъ смѣхомъ воскликнула Лариса. — Мама, еслибы вы знали, какъ это смѣшно.

— Ничего нѣтъ смѣшнаго, а вельможа, да и все, тономъ убѣжденія возразила Марья Ивановна. — Оттого и надо, чтобы все какъ слѣдуетъ было. Сохрани Богъ, Таисія Ивановна осудитъ.

— А вы не шутя Таисію Ивановну боитесь, замѣтила сквозь смѣхъ Лариса.

— И боюсь. Видѣла вѣдь, какая она!

— Мама, дорогая, такъ вы хотите, чтобы свадьба поскорѣе была? Вамъ хочется дочку замужъ выдать? продолжала Лариса, вдругъ опустившись на колѣни предъ матерью, и обнявъ ее обѣими руками за талію.

— Что жь, когда женихъ хорошій, отозвалась Марья Ивановна.

— А Леонидъ Сергѣичъ хорошій? Мама, скажите же, что вы этого хотите, что вы рады, что дочка у васъ умная, разсудительная, партію себѣ съумѣла сдѣлать... говорила Лариса, глядя ей прямо въ глаза не то смѣющимися, не то ироническими глазами.

— Ну, ужь конечно это лучше чѣмъ... начала было Марья Ивановна и оборвала сама себя, догадавшись, что не надо тревожить наболѣвшаго у нихъ обѣихъ прошлаго.

А Лариса при этихъ словахъ тихо поднялась съ мѣста и отошла, скрывая отъ матери внезапно поблѣднѣвшее лицо.

«Ахъ, пора!» мысленно отвѣтила она своему смятенію. «Пора перестать жить мечтами, взмахивать крыльями, какъ когда-то напророчила мнѣ Клеопатра Михайловна. Пора жить какъ всѣ... пора къ пристани, къ прозѣ!»